

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093**)

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

2010

Ежеквартальное издание

№ 2

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*),
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*),
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**,
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**,
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00
E-mail: vs_memetov@mail.ru

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин*,
Т. Б. Земскова

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

ISSN 1993-3959

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2010
© ГОУ ВПО «Ивановский государственный
университет», 2010

Подписные индексы

Почта России 60320

Пресса России 41533

Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

INTELLIGENTIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2010

Quarterly

№ 2

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education – Ivanovo
State University**

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. Sc. History

Editorial Board:

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. Sc. History (*Deputy Editor-in-Chief*),

Alexander Kalinin, Cand. Sc. History,

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. Sc. History,

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. Sc. History (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

Address of the Redaction:

153025 Ivanovo ul. Ermaka 39

Tel./ Fax: 8-4932-32-66-00

E-mail: vs_memetov@mail.ru

Working team:

Director of the Publishing House

Lyudmila Mikheeva

Redactor *Marina Balyabina*

Technical Redactor *Irina Sibiryova*

Computer Design *Nikolay Yurkin,*

Tatyana Zemskova

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

ISSN 1993-3959

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2010

© Ivanovo State University, 2010

Subscription indexes

The Post of RF 60320

Press of RF 41533

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Редакционный совет:

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий** (Щуров), Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **М. И. Кондрашова**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board:

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen University (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakín**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **M. I. Kondrashova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Меметов В. С., Будник Г. А.* Формирование интеллигенции в высшей школе: от теории к практике 7
- Смирнов Д. А.* «Деструктивный характер» интеллигенции в понимании Вальтера Беньямина 19

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Зябликов А. В.* Партия демократических реформ и художественная интеллигенция в 1905—1907 гг. 31
- Шевчук И. И.* Социальный и партийный состав ученых БССР (1920—30-е годы) 43
- Комиссаров В. В.* Клубы любителей фантастики как проявление общественной активности советской интеллигенции 1960—80-х гг.: к проблеме изучения 54
- Раскатова Е. М.* Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (Главлит) и новые реалии художественной жизни в конце 1960-х — начале 1980-х гг. 62

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Пронин А. А.* Историография историографии российской эмиграции 80

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Юркина О. А.* Беатрис Вебб и Женская фабианская группа 96

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Жизнь по гамбургскому счету (Интервью *Т. Строгановой* с *С. Загребиным*) 107

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Будник Г. А.* Некоторые размышления по поводу монографии Е. М. Раскатовой 115
- Самарцева Е. И.* «Монография... к которой будут обращаться не одно десятилетие...» 122
- Аннотации* 125
- Информация для авторов* 131

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Memetov V. S., Budnik G. A.* Intelligentsia formation in the university:
from theory to practice 7
- Smirnov D. A.* «Destructive nature» of intelligentsia in the concept
of Walter Benjamin 19

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Zyablikov A. V.* The Party of democratic reforms and the artistic intel-
ligentsia in 1905—1907 31
- Shevchuk I. I.* Social and party staff of scientists of BSSR (1920—
1930-s) 43
- Komissarov V. V.* Clubs of fantastic lovers as the disclosure of social
activity of Soviet intelligentsia in 1960—1980-s: to the problem of
research 54
- Raskatova E. M.* The chief administration of State secret protection
in periodics at Soviet publishing house in the USSR (Glavlit)
and new reality of artistic life in the end of 1960-s
and the beginning of 1980-s 62

HISTORIOGRAPHY OF INTELLIGENTSIA

- Pronin A. A.* Historiography of Russian emigrants 80

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Yurkina O. A.* Beatrice Webb and women's Fabian group 96

SCIENTIFIC LIFE

- «Life according to the Hamburg account» (Interview of *T. Stroganova*
with *S. Zagrebin*) 107

REFERENCES AND REVIEWS

- Budnik G. A.* Some thoughts about E. M. Raskatova's monograph 115
- Samartseva E. I.* «The monograph that will be addressed to for more
than ten-years period...» 122
- Annotations* 125
- Information for authors* 131

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(2)64-283.2:74.58

В. С. Меметов, Г. А. Будник

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Высшее образование и интеллигенция: сущность и взаимосвязи

Понятия «высшая школа» и «интеллигенция» тесно взаимосвязаны, так как высшие учебные заведения играют важную роль в становлении интеллигенции¹. По образному выражению Герберта Уэллса, человеческая история все более становится соревнованием между образованием и катастрофой. Иными словами, от уровня профессиональной подготовки и нравственных качеств выпускников высшей школы зависит будущее человечества.

Известный английский исследователь культуры А. Тойнби причиной генезиса и развития любой цивилизации считал энерге-

© Меметов В. С., Будник Г. А., 2010

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Интеллигенция и мир», директор НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, заведующий кафедрой истории и культуры Ивановского государственного университета. memetov@ivanovo.ac.ru.

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и культуры Ивановского государственного энергетического университета. admin@history.ispu.ru.

тический импульс, прорыв инерции покоя, когда цивилизация находит внутренние силы для «ответа» на «вызов» истории. Применив эту методологию к современной российской ситуации, можно сказать, что основными «вызовами» нового века являются: экономический, демографический, вызов свободы выбора (т. е. ситуации, когда старые советские идеалы и ценности исчезают, а новые не сформировались), этноконфессиональный вызов и др. В зависимости от того, способны ли будут «творческие личности» (термин А. Тойнби) дать на них адекватный «ответ», зависит будущее мировой цивилизации. По мнению аналитиков Центра стратегических разработок, «образовательная система является основным инструментом модификации общества, модификации государства и экономики»².

Высшая школа делает более упорядоченным и целенаправленным процесс формирования личности, смягчая или устраняя отрицательное воздействие внешних факторов. Будучи сложной системой, высшее образование на разных этапах развития общества имело и имеет свои особенности. Процесс обучения каждого нового поколения основывается на деятельности предыдущих поколений. Тем самым создается база для потомков. Студенты усваивают духовный, культурный и профессиональный опыт интеллигенции предшествующих поколений и формируют на этой основе личные убеждения, жизненную позицию, духовный облик. Как справедливо отмечает Л. Г. Викторова, в результате складывается «глобальная сквозная тенденция» наследования традиций, обозначаемая как формирование интеллигенции³. Используя лексику социологов, «интеллигенция воспроизводила себя главным образом через систему высшей школы, что характерно для этой социальной группы во всем мире. Рабочий класс и крестьянство, опять-таки в соответствии с мировым опытом — через другие общественные системы»⁴. Аналогичные взгляды высказывают и многие современные преподаватели высшей школы, к примеру доктор технических наук Г. Сорокин⁵.

Итак, под формированием интеллигенции в высшей школе понимается совокупность целенаправленных действий органов государственной власти, научно-педагогической интеллигенции и общественных организаций высших учебных заведений с целью выработки у студентов гуманистических взглядов, социально

значимых убеждений, идеалов, установок, демократического мировоззрения, высоконравственных качеств на основе знаний о законах развития природы и общества, сферы материального производства и духовной культуры. Это процесс стимулирования и управления внешней и внутренней активностью студентов, в результате которого создаются условия для усвоения ими традиций отечественной интеллигенции⁶.

Рассматривая понятие «формирование» с позиции системного подхода, можно утверждать, что данная категория имеет три аспекта: формирование как процесс; формирование как результат; формирование как сложная система, связанная с наследственными, социальными и образовательными институтами.

Актуальные проблемы современного высшего образования

Обозначим некоторые проблемы, стоящие перед российским высшим образованием, отмечаемые в трудах исследователей:

1. Проблема *качества образования*. В настоящее время оно достигается во многом благодаря «старым» кадрам, имеющим сложившиеся ценностные установки, ответственно относящимся к делу. Лучшие молодые педагогические и исследовательские кадры не закрепляются в вузах. Такие критерии работы вузов, как квалификация профессорско-преподавательского состава, материально-техническая база, программы, не являются оптимальными. Требуются иные замеры уровня образования и иная образовательная политика.

2. *Низкая организационная и методическая эффективность*: слабое использование инновационных методик, направленных на развитие самостоятельности, независимости, склонности к рефлексии и творческой активности студентов, положительный опыт прошлого по развитию самоуправления студентов, различных форм воспитательной внеаудиторной работы, отсутствие во многих вузах кураторов.

3. Отсутствие рациональной *системы послевузовского обучения*, повышения квалификации и переподготовки кадров.

4. *Технократический подход* к образованию: в результате профессиональное мышление, духовный облик, культурный кру-

гозор студентов формируются слабо, выпускники вузов медленно адаптируются к послевузовской социокультурной жизни.

Формирование целей образовательной парадигмы в начале XXI века

Российская система образования, в том числе и высшего, переживает нелегкий период выработки и отлаживания механизмов развития в современном обществе. Введение ЕГЭ, переход на двухуровневую систему образования, появление системы коммерческого обучения и т. д. будоражит умы ученых, педагогов-практиков и многих россиян, о чем свидетельствуют выступления на научных форумах, многочисленные публикации в прессе. Однако, на наш взгляд, активно обсуждаются поверхностные явления. Глубинные процессы модернизации высшего образования имеют не сиюминутный, а вневременной характер. Ключевая проблема наших дней — выработка и донесение до сограждан основных целей и идеалов высшего образования, способных объединить и сплотить многонациональное российское государство.

При этом надо иметь в виду, что современная российская образовательная парадигма *создает условия* для решения этой проблемы. Законодательно закреплены и одобрены Правительством РФ важнейшие положения, открывающие широкий простор для творческой деятельности научно-педагогической интеллигенции. В ранг первого принципа государственной политики законодатели возвели содержащийся в ст. 2 Федерального закона РФ «Об образовании» тезис о том, что гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека являются важнейшими для российского общества. Исходя из этого, образовательный процесс должен быть направлен на развитие интеллектуально-духовных, нравственных качеств личности. Однако современное производство — «заказчик» специалистов, требует от выпускников иного — главным образом, практических навыков в работе. В результате возникает противоречие, которое, возможно, в какой-то мере будет разрешено при переходе на новые Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), в которых цели образования определяются в форме компетенций. *Компетенция* имеет 3-компонентную структуру: знания, умения и ценностно-этический

компонент, или, как назвал его Ю. Г. Татур, — отношение выпускника к деятельности⁷. Весьма важно, что при описании компетентности выпускника его личностные качества, являющиеся компонентом каждой компетенции, могут быть представлены отдельным текстовым блоком как *цели* воспитания. «Учитывая значение, которое имеет в степени сформированности компетенции ее *ценностно-этический* (выделено нами. — В. М., Г. Б.) компонент, правомерно формирование целей высшего образования начать именно с описания желательного духовно-нравственного облика выпускника российского вуза. Можно также считать, что одновременно мы формируем цели воспитательной деятельности образовательного процесса»⁸, — считает Ю. Г. Татур. С ним нельзя в этом не согласиться.

Юрий Геннадьевич, анализируя основные документы в сфере образования, делает весьма важные для нас выводы. В соответствии с компетентностным подходом, желательными свойствами образованной личности XXI века в духовно-нравственной сфере являются:

— стремление к интеллектуальному и духовному развитию, постоянному совершенствованию своего профессионального мастерства;

— нравственность, принятие этических норм поведения и гуманистических ценностей, правовое самосознание;

— гражданственность, патриотизм, готовность к совершенствованию общества, ответственность за его судьбу;

— общая культура, включая культуру труда: целеустремленность, организованность, трудолюбие;

— коммуникативность, уважение прав и свобод других людей, толерантность, готовность к работе в коллективе;

— стремление к физическому развитию, здоровому образу жизни;

— инициатива, предприимчивость, самостоятельность;

— стремление к познанию, творчеству, инновационной деятельности;

— ответственность за принимаемые решения;

— готовность к жизни и труду в условиях современной демократии, включая способность к самостоятельному поиску работы, адаптации на рынке труда⁹.

Итак, в официальных документах сформирован идеальный образ российского специалиста с высшим образованием. Затем он детализируется в системе высшего образования и, наконец, в конкретном вузе. Личностные качества выпускника в целом не вызывают вопросов. Однако этот идеальный образ пока не укореняется ни в сознании российских граждан, ни в высшей школе. В чем причины? На наш взгляд, их несколько. Попробуем обозначить лишь некоторые, связанные с темой данной статьи. Во-первых, образовательные процессы носят длительный, вневременной характер, поэтому создать что-то новое, без опоры на прошлый позитивный опыт, нельзя. Во-вторых, необходимо отладить механизм, приемы и методы формирования интеллектуально-духовного облика студентов.

Формирование интеллигенции в высшей школе: практический аспект

В настоящее время существуют различные пути решения данного вопроса.

Первый подход инициирован и активно развивается одним из авторов данной статьи, который в течение многих лет проводит идею о создании новой отрасли знаний — *интеллигентоведения*. Ряды сторонников этой идеи растут, о чем свидетельствуют, в частности, материалы межвузовского сборника научных трудов «Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук. Исследования и учебно-методические разработки» (Иваново, 2008). С их точки зрения задача высшей школы — создание условий для формирования у студентов сущностных черт, т. е. основы модели (идеального образа) интеллигента, который вбирает наиболее важные, характерные черты интеллигенции как социальной группы. Сущностные черты стабильны и обязательны, их утрата означает изменение сущности их обладателя, в нашем случае — интеллигенции. Между тем процесс существования интеллигенции носит циклический характер. На каждом этапе развития общества происходит «отбор» сущностных черт интеллигенции предшествующих эпох и передача их, через традиционные формы и методы жизнедеятельности, вновь формирующейся генерации интеллигенции¹⁰. Иными словами, сущностные черты служат основой формирования специфических черт интеллигенции для той

или иной исторической эпохи. В соответствии с ними выделяют различную, советскую, постсоветскую и другие отряды интеллигенции. Таким образом, сущностные черты первичны, конкретно-исторические — вторичны.

В связи с этим цель интеллигентоведения — показать и разъяснить студентам сущность отечественной интеллигенции, ее роль в современных условиях. Как наука и учебная дисциплина интеллигентоведение объединяет в комплексном междисциплинарном подходе усилия философов, историков, социологов, психологов, педагогов, культурологов, других специалистов и представляет собой синтез гуманитарных и обществоведческих наук. В настоящее время накоплен позитивный опыт преподавания интеллигентоведческих курсов во многих вузах страны. Так, в Ивановской государственной медицинской академии читается курс «Интеллигенция и интеллигентность» (Л. С. Горожанин), в Ивановском государственном университете — «Роль интеллигенции в становлении и развитии социологии в России» (Т. П. Белова), «Введение в интеллигентоведение» (Г. С. Смирнов) и др.¹¹

Второй подход — *создание системы гуманитарной подготовки и воспитания студентов* в процессе учебной и внеучебной деятельности. Как известно, любой специалист развивается как личность не на своем сугубо профессиональном материале: его рост происходит в результате сочетания профессиональной информации с огромным массивом иных сведений, главным образом гуманитарных. Поэтому проблемы формирования духовно-нравственных качеств студентов волнуют многих ученых и практиков. Так, известный английский педагог Б. Саймон писал: «Конечно, нет никакой гарантии, что образование нельзя обратить во вред, используя его в качестве инструмента для насаждения мифологического и мифического толкования мира... Во избежание этого и должна вестись постоянная борьба за подлинное образование, наполненная высоким нравственным смыслом»¹².

Квалификационные требования будущих инженеров энергетиков, строителей, металлургов и т. д. подробно и основательно прописаны в рабочих программах курсов. Между тем, такая тонкая материя, как духовно-нравственные качества личности, трудно поддается структуризации. Воспитание студентов чаще всего носит субъективный характер и во многом зависит от той образовательной среды, в которой они находятся. Под образовательной

средой в данном случае понимается особый микроклимат, сложившийся в каждом конкретном высшем учебном заведении. Она включает в себя научные школы, вузовские традиции, манеру поведения и форму общения сотрудников, преподавателей и студентов, их внешний облик, организацию досуга. Образовательная среда изменчива в зависимости от времени и места своего существования. Особые, тревожащие преподавателей и сотрудников вузов черты она имеет и в настоящее время.

Общеизвестно, что студенты стали меньше читать и размышлять над проблемами бытия. Под влиянием быстрого развития науки и техники коренным образом изменились источники информации и методы усвоения знаний. Еще совсем недавно молодые люди познавали мир путем последовательного, логичного, систематизированного изучения того или иного предмета. Источником знаний чаще всего были преподаватели, учебники, дополнительная научная и учебная литература. В памяти оставались четко структурированные сведения. На их основе молодые люди способны были осуществлять логические и абстрактные умозаключения.

Сейчас ситуация резко изменилась. Источником знаний стали в первую очередь СМИ и Интернет. Поток информации приобрел хаотический, неуправляемый характер. Факты, имена, события мелькают перед глазами студентов. Они имеют «клиповый», эффектный, яркий, но отстраненный от личностных переживаний, упрощенный характер. Сложившаяся в процессе эволюции человека гармония рационального и эмоционального мировосприятия постепенно утрачивается. В результате в сознании юношей и девушек формируется своеобразная «сеть», «паутина» разрозненных, чаще всего технократичных и бездуховных сведений. Сформированный таким образом внутренний мир студентов, по мнению современных социологов, ориентирован на личное преуспевание. Конечно, не плохо, что студентов волнуют проблемы успешного карьерного роста, они мечтают о хорошей семье, материальном благополучии, однако от людей с высшим образованием зависит будущее страны. От того, насколько адекватно они будут реагировать на вызовы времени: экологический, технологический, гуманитарный и др., сумеют ли поставить общественные интересы выше личных — зависит, по большому счету, выживание человечества.

Между тем, в современной студенческой культуре наблюдается изменение самого стиля мышления. Образное, абстрактное мышление подавляется. «Психологи утверждают, что в развитых странах эйдетизм, т. е. способность памяти сохранять яркие образы предметов, исчезает. Притупляются особенности естественно-го языка — его многозначности, метафоричности»¹³. В условиях возникшей угрозы, связанной с утратой целостности личности, многократно усиливается роль и значение преподавания в вузе гуманитарных дисциплин.

Во многих российских вузах, в том числе и в тех, где работают авторы данной статьи, сложились определенные традиционные формы по оптимизации учебного процесса:

1) активные формы организации учебной деятельности, такие, как диспуты по научным, публицистическим и литературным произведениям, конкурсы и викторины по социально-значимым темам. Зачастую они проводятся совместными усилиями преподавателей кафедр и библиотеки. На кафедре иностранных языков практикуются авторские переводы студентами стихотворений иноязычных авторов;

2) просмотры учебных и художественных фильмов, сопровождающиеся основательным вступлением и итоговым обсуждением;

3) учебные занятия с участием видных деятелей науки и культуры г. Иванова. Так, например, в ИГЭУ удачными были лекции-беседы специалистов Ивановского художественного музея по русской иконописи в курсе изучения культурологии, а также преподавателей ИвГУ о развитии высшего образования в нашем крае;

4) работа студентов по написанию своей родословной. Так, например, все студенты первого курса ИГЭУ пишут историю своей семьи. Данный вид деятельности позволяет молодым людям ярче и конкретнее понять историю страны, приобщиться к прошлому родных и близких, узнать семейные традиции, историю своей «малой Родины». Итогом работы является межфакультетская студенческая конференция;

5) современный образовательный процесс невозможно представить без компьютерных технологий, однако интернет-материалы не всегда достоверны и понятны студентам. В связи с

этим преподавателями гуманитарных кафедр созданы авторские электронные учебные пособия;

б) использование в учебном процессе научных достижений преподавателей. Так, на кафедре истории и культуры России ИвГУ учебный процесс направлен на изучение актуальных интеллектуально-ведческих проблем, и заслуженный интерес у студентов вызывают презентации преподавателями своих монографий и статей;

7) научно-исследовательская работа студентов. Ежегодно в вузах проходят научные студенческие конференции, в которых серьезно представлен гуманитарный блок;

8) хорошо зарекомендовавшие себя внеучебные мероприятия: День первокурсника, экскурсии в музей истории вуза, концерты, выставки работ ивановских художников, конкурсы студенческой художественной самодеятельности и т. д.

Определенный опыт накоплен. Однако у научного сообщества существует и понимание сложности формирования у студентов нравственных качеств¹⁴, т. к. у молодых людей нет мотивации для работы над своим духовным обликом. Им хорошо понятно, для чего необходимо изучать специальные предметы, что же касается гуманитарных дисциплин и поднимаемых в курсе их изучения нравственных проблем, то здесь нужны иные мотивы. И свою позитивную роль в этом могут сыграть традиции духовного воспитания, накопленные кафедрами гуманитарных наук, музеями вузов, ибо нужно использовать все средства, чтобы в современных условиях массовой культуры, в большинстве случаев проповедующей насилие, идеализирующей власть силы, цинизм и безнравственность, воспитывать у студентов милосердие, терпимость, толерантность, подвижничество.

Вместо заключения...

По мнению аналитиков, в конце прошлого — начале нынешнего века кризисные явления были не только в российском высшем образовании, но и в других странах¹⁵. Более того, сейчас многие представители как органов власти, так и научного сообщества признают, что именно в высшем образовании России заложен большой потенциал. Иначе как, например, объяснить «утечку мозгов» из Российской Федерации в развитые капитали-

стические страны? Само по себе это явление нельзя оценивать позитивно, но тот факт, что выпускники российских вузов востребованы в крупнейших западных фирмах, многие из них делают там успешную карьеру, свидетельствует о высоком уровне подготовки российских специалистов.

ЮНЕСКО объявил XXI век «Веком образования». В Ивановской области 2010 год провозглашен «годом образования». Роль образования возрастает, но возрастают и трудности обучения и воспитания студентов. Одной из наиболее сложных является проблема развития в юношах и девушках, обучающихся в высшей школе, потребности в интеллектуально-духовной деятельности не только в личных, но и в общечеловеческих интересах. Это — труднодостижимый результат, но сложность задачи не означает отказа от необходимости ее решения.

К настоящему времени в российском обществе существуют условия для возрождения подлинной интеллигенции, что связано, во-первых, с осознанием важности стоящих перед государством социально-экономических, политических и культурных проблем, решать которые необходимо не только с профессиональных, но и с нравственных позиций. Во-вторых, российская система образования имеет уникальный опыт формирования интеллектуально-духовных качеств студентов. В-третьих, научно-педагогическая интеллигенция России способна осуществить эту задачу. К настоящему времени достаточно рельефно сформированы теоретические и апробированы практические пути ее достижения.

Не идеализируя существующую в высшей школе ситуацию, видя здесь множество нерешенных проблем, «откатов» назад, авторы данной статьи постарались показать возможный позитивный вариант развития событий.

Примечания

¹ Под интеллигенцией в данной статье понимается социокультурная общность, представители которой характеризуются высоким образовательным уровнем и творческим отношением к профессиональной и общественной деятельности, направленной на производство и сохранение достижений культуры и общечеловеческих ценностей, и обладают особыми психологическими чертами и позитивными нравственными качествами.

- ² Обзор национальной образовательной политики : высшее образование и исследования в Российской Федерации. М., 2000. С. 5.
- ³ *Викторова Л. Г.* Теоретические основы становления интеллигенции в образовательной системе высшей школы : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 4.
- ⁴ *Добрынина В. И., Добрынин В. В., Кухтевич Т. Н., Туманян О. В.* Общество — высшая школа — молодежь. М., 1995. С. 53.
- ⁵ *Сорокин Г.* Педагогические особенности гуманитаризации технического образования в вузе // Вестн. высш. шк. 2008. № 1. С. 14—16.
- ⁶ Интересно, что идеи о необходимости формирования у молодых людей в процессе обучения не только профессиональных знаний, но и нравственных качеств высказывались еще в глубокой древности (см.: *Мионов В. Б.* Век образования. М., 1990. С. 12).
- ⁷ *Татур Ю. Г.* Образовательный процесс в вузе: методология и опыт проектирования : учеб. пособие. М., 2009. С. 91.
- ⁸ Там же. С. 94.
- ⁹ Там же. С. 96—97.
- ¹⁰ *Меметов В. С.* Штрихи к юбилейной конференции // Интеллигенция: генезис, формирование, развитие и деятельность : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Иваново, 2009. С. 19.
- ¹¹ Подробнее см.: Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук : исследования и учебно-методические разработки. Иваново, 2008. С. 39—40, 195—272.
- ¹² *Саймон Б.* Общество и образование. М., 1989. С. 33.
- ¹³ *Бочан С. А.* Выводы по проблеме целостной личности в информационном обществе // Интеллигенция: генезис, формирование, развитие и деятельность. С. 367.
- ¹⁴ Так, например, только в одном номере российского журнала «Интеллигенция и мир» (2009, № 1) кризисные моменты в современном высшем образовании анализируются в статьях О. В. Золотарева, В. М. Пряхина, А. М. Баженова и Т. М. Мартыновой.
- ¹⁵ Обзор национальной образовательной политики. С. 8.
ББК 63.3(4)62-283.2

Д. А. Смирнов

© Смирнов Д. А., 2010

Смирнов Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. d-smirnov@mail.ru

«ДЕСТРУКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР» ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОНИМАНИИ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА

«Конструкция» предполагает «деструкцию».

В. Беньямин

Немецкий мыслитель Вальтер Беньямин резюмировал рассуждения по поводу сложившейся в Советской России ситуации в конце 20-х гг. конкретным выводом о невозможности своего вступления в компартию, объяснив это выбранной им тактикой организации собственной деятельности в условиях буржуазного общества: «В отношении положения вне ее и его допустимости решающим оказывается, в конце концов, вопрос: можно ли занять положение вне партии с явной пользой в личном и деловом плане, не переходя на позиции буржуазии и не нанося ущерба работе... Имеет ли смысл мое законспирированное инкогнито среди буржуазных авторов. И решительно ли полезно для моей дальнейшей работы избегать определенных крайностей “материализма”, или же я должен искать дискуссию с ними внутри партии. Здесь идет борьба вокруг всех ограничений, вкладываемых в специализированную работу, которую я до сих пор вел. И со вступлением в партию — по меньшей мере экспериментальным — она должна закончиться, если на таком узком основании эта работа не может следовать ритму моих убеждений и организовывать мое существование. Правда, до тех пор, пока я путешествую, вступление в партию вряд ли можно принимать в расчет»¹.

Понимание противоречия коммунистической идеологии как обоснования борьбы с буржуазным обществом и практики персонального поведения — путешествий как эффективного метода противостояния обществу с использованием его возможностей было достигнуто Беньямином в процессе формулирования конкретных положений предложенной им концепции интеллектуала, противостоявшего, прежде всего, определенной идеологии подавления. Позиция интеллектуала обнаруживается у Беньямина даже за коммунистическими лозунгами, столь симпатичными самому мыслителю, например в Советской России конца 20-х гг.

Концепция нового типа интеллектуала не была представлена Бенямином в комплексном виде, но ряд его научных работ содержит объяснение ее главных принципов, которые он отстаивал как в общественной деятельности, так и в публицистике и критических выступлениях. Стоит особо подчеркнуть, что противоречивость взаимосвязи антибуржуазной идеологии и антибуржуазной практики Бенямин констатировал уже совершенно определенно, о чем свидетельствует нерешенность им самим вопроса о вступлении в компартию. Противоречия демонстрируют и работы мыслителя на эту тему, хотя и политизированные, но отличающиеся политизированностью особого рода.

Для Бенямина политизация, политическая ангажированность означала не приверженность какой-либо партийной программе или готовность ее принятия, а критическое, практически ориентированное политическое сознание, способность понимать социальные отношения и угадывать нюансы возможных перемен в них. В свою очередь, безусловное принятие конкретной идеологии как определяющего фактора всей творческой и научной деятельности Бенямин считал неприемлемым. Тем самым она становилась причиной неискреннего отношения к программным идеям и установкам партии, какими бы близкими они ни были интеллигенции. Она ограничивала бы его возможности для критики, и прежде всего для самокритики.

Интеллектуал должен был выступать политически ангажированным субъектом с точки зрения формальной, но не содержательной. И главный принцип субъекта, на котором базировался Бенямин при формулировании концепции интеллектуала, был принцип путешественника, фланера в пространстве и во времени, занявший важное место и в его исторической концепции. Бенямин основывал на нем и свою собственную исследовательскую и общественную деятельность. В поездках и рассказах о путешествиях он свободно преодолевал границы, словно их и не было.

Такая модель поведения явно выделялась на фоне напряженной политической и социальной жизни Европы 20—30-х гг. прошлого века, воздействовавшей и на интеллектуалов, подобных Бенямину. Тогда в различных странах и на континенте в целом возникали все новые барьеры и границы (не только географические, но и социально-политические, экономические и культурные),

и ступенью к самоутверждению был не слом этих преград, а их строительство. Беньямин же своими путешествиями и заметками о них, по сути, заявлял о независимой политической и социальной позиции: о стремлении преодолевать границы и способности свободно чувствовать себя в любой новой стране, даже без знания языка и всякой уверенности, что найдется кто-то знакомый рядом, кто знает язык. Анализируя понимание интеллектуала Беньямином, Крюссоло Камбас отмечает, что «для критического интеллектуала не задано никакое точное местонахождение»².

При этом, однако, несмотря на свободу перемещений, Беньямин вовлечен в политические процессы, но в качестве критика он был нацелен на постоянные разрушения устоявшихся идеологических парадигм и любых препятствий для их политических оценок. Беньямин, по сути, был именно тем «деструктивным характером», который он описал в одном из очерков серии «Мыслительные образы», опубликованном в 1931 г.: «Деструктивный характер не видит ничего продолжительного. Но именно поэтому он везде видит пути. Где другие наталкиваются на стены и горы, и там он видит путь. Однако потому, что он везде видит путь, он везде должен и очищать путь. Не всегда с грубой силой, иногда благородно. Потому, что он везде видит пути, он себя самого ставит всегда на перекресток. Ни один момент не может знать, что принесет следующая. Он превращает существующее в развалины не ради развалин, но ради пути, который проходит через них»³.

Для интеллектуала в его деструктивности, по мнению Беньямина, имеет значение не только свобода политического движения, но и свобода политического пространства: «Деструктивный характер знает только один лозунг: убирать площадь; только одну деятельность: освобождать место. Его потребность в свежем воздухе и свободном пространстве сильнее, чем любая ненависть»⁴. Ненависть неизбежна в политической борьбе, поскольку одна идеология нацелена на борьбу с остальными, и даже если она считает, что победит, такая идеология способна лишь остановиться (конец истории?) и прекратить движение, захватив площадь борьбы.

Победа одной идеологии означает отсутствие критики, стимулирующей к появлению различных взглядов на проблемы

ее движения. Для интеллектуала же в его деструктивности свойственна ирония, самоирония, в этом и заключается свежий взгляд на события и на собственное положение в них, как и на положение в истории: «Деструктивный характер юн и весел. Так как разрушение омолаживает, потому что оно убирает с пути следы нашего собственного возраста; оно веселит, потому что любое устранение значит для разрушающего полную редукцию, даже извлечение сути из его собственного состояния... Деструктивный характер всегда свеж в работе. Это — природа, которая предписывает ему темп, по крайней мере косвенно: так как он должен ее опережать. Иначе она сама станет перенимать разрушение»⁵.

Его особое понимание истории отличается недоверием не только к постоянному ходу вещей, но и к стремлению сохранить традицию: «Деструктивный характер противостоит традиционалистам. Некоторые передают вещи, делая их неприкосновенными и консервируя, другие — ситуации, делая их ходовыми и ликвидируя. Их называют деструктивами. Деструктивный характер имеет сознание исторического человека, основным аффектом которого является неприступное недоверие к ходу вещей и готовность, с которой он в любое время обращает внимание на то, что все может пойти наперекосяк. Поэтому деструктивный характер является самой надежностью»⁶. Уверенность в свойственной миру неустойчивости вещей и подозрительное отношение к любой традиции определяет готовность интеллектуала к критике. У него нет склонности исследовать глубины «смысла» жизни, но он готов разложить ее на цитаты⁷.

Целью интеллектуала в его деструктивности также является знание о том, что придет после подвергнутого критике, но как только оно появляется, оно вновь подвергается критике интеллектуала, невольно вызывая при этом общественный резонанс: «Деструктивному характеру не представляется никакого образа. У него мало потребностей, и самой скромной потребностью было: знать, что придет на место разрушенного... Деструктивный характер делает работу, он только избегает творимого. Как творец ищет себе одиночества, так разрушающий непрерывно окружает себя людьми, свидетелями его действий»⁸.

Однако интеллектуал не стремится овладеть вниманием окружающих, привлечь публичный интерес к себе. Его действия, его

деструкция вызывает интерес сама по себе: «Деструктивный характер совсем не интересуется тем, чтобы быть понятым. Усилия в этом направлении он рассматривает как легкомысленные. Быть неправильно понятым ему не страшно... Самый мелкобуржуазный феномен, сплетня, начинает осуществляться только потому, что люди не хотят быть неправильно понятыми. Деструктивный характер позволяет себя неправильно понимать; он не содействует сплетни»⁹. Концентрация внимания на себе и усилий на том, чтобы быть понятым, также означали бы остановку, трату времени и сил.

Беньямин находит интеллектуалу мелкобуржуазного антипода, тем самым подчеркивая его особенности: «Деструктивный характер — это враг человека в футляре. Человек в футляре ищет свой уют, и скорлупа — его воплощение. Нутро скорлупы — это обитый бархатом след, который он оставляет в этом мире. Деструктивный характер стирает даже следы разрушения»¹⁰. Как точно отмечает Ирвинг Вольфарт, «“деструктивный характер” является не “характером” в психологическом смысле, но деструкцией буржуазного общества. В результате смешения его следов возникает парадигма позитивно изменившейся бесхарактерности»¹¹.

Впрочем, в заключении своих рассуждений о деструктивном характере интеллектуала Беньямин указывает не только на его разрушительную практику: «Он в точке индифферентности: его бытие — созидание, а его действие — разрушение. Деструктивный характер действует в каждой ситуации так, как если бы она была бы исторической»¹². Сочетание созидания и разрушения, таким образом, позволяет говорить об исторической и актуальной системности интеллектуала. Его возможности реализовать свою деструктивность в значительной мере зависят от точности оценки ситуации, в которой он реализует способности своего характера.

«Деструктивный характер» интеллигенции проявляет себя в политической жизни общества именно благодаря политизации ее деятельности. Для самого Беньямина в последние годы Веймарской республики «политизированный характер» критического осмысления происходящего был чрезвычайно показателен. Сутью этой критической позиции должны были стать и являлись дискуссии вокруг актуальных событий и процессов без каких-либо партийных ограничений. В этом он видел необходимую и неизбежную политизацию интеллектуальной деятельности и таким образом пы-

тался совместить позиции аналитика объективной — исторической или актуальной — реальности и свободного наблюдателя.

При этом незнание левыми интеллектуалами марксистских идей означало для Беньямина непонимание ими социально-экономической основы своих представлений, неверную трактовку собственных политических концепций и научных методологий. Преодоление этого недостатка было невозможно без исследований социальных перспектив и поддержки идей левой интеллигенции. Беньямин с большим вниманием отнесся к вышедшей в 1930 г. работе Зигфрида Кракауэра о положении служащих в капиталистическом производстве.

В заметке «Аутсайдер становится заметным», посвященной работе «мыслящего марксистски» Кракауэра и вышедшей чуть раньше «мыслительного образа» о «деструктивном характере», Беньямин отрицательно высказался о том социальном слое, где левая интеллигенция пыталась найти себе поддержку: «Сегодня нет класса, чье мышление и чувство конкретной действительности его повседневности было бы так отчужденно от него как от служащего. Но другими словами это означает, что приспособление к недостойной для человека стороне нынешнего строя у служащего продвинулось дальше, чем у наемного работника»¹³.

Беньямин поддержал Кракауэра в его критическом отношении к классу служащих, которые никогда не станут пролетариями, не имеющими средств производства, но, благодаря привилегии образования, будут солидарны с буржуазией, владеющей этими средствами. Отсюда межеумочность служащих. «Солидарность (с буржуазией. — Д. С.), — писал он, — может стереться и разрушиться на переднем плане; но почти всегда она остается достаточно сильной, чтобы строго отделить интеллектуалов от полной постоянной боевой готовности, фронтового существования настоящего пролетария»¹⁴. В этой связи мыслитель высоко оценивал сочинение Кракауэра, поскольку оно «в противоположность к радикальным модным продуктам новейшей школы» явилось «поворотным пунктом на пути политизации интеллигенции», «конструктивным теоретическим исследованием, которое не обращено ни к снобу, ни к рабочему, а потому в состоянии требовать нечто действительное и доказуемое: именно политизацию собственного класса»¹⁵.

Показательный пример «деструктивного характера» интеллигенции, политизации интеллектуала Беньямин нашел в лице своего друга, но при этом постоянного оппонента по многим общим теоретическим и конкретно-политическим вопросам — писателя Бертольта Брехта, с которым он дискутировал во время своих поездок в Данию, где тот жил в эмиграции в 30-е гг.

Брехт, по словам Беньямина, был «специалистом начинать сначала», и «в этом узнавался диалектик»¹⁶, поэтому он был близок к его пониманию «деструктивного характера». Именно о «деструктивном характере Брехта», проявившем себя в критике фашизма, Беньямин написал в дневнике от 1938 г., когда писатель предположил более правдоподобное, чем победу над фашизмом, наступление «безисторичной эпохи»¹⁷. Столь же резко, «деструктивно» Брехт показал себя в критике советского режима того времени, высказанной им несмотря на его коммунистические идеи. Обусловили этот уровень деструктивности критики именно конкретно-политические события, связанные со сталинскими репрессиями — гибелью его друзей и потерей режимом революционной энергии.

Если для Беньямина увиденное десять лет назад позволяло в дальнейшем лишь укрепляться в своей критичности к большевикам и утверждаться в необходимой «деструктивности» нового типа интеллектуала, в том числе по отношению к коммунистической идеологии, то Брехт высказывал эти, по сути, разрушающие идеи, по свидетельству Беньямина, именно в конце июля 1938 г.: «На самом деле у меня там нет друзей. И москвичи сами их не имеют — как мертвые»¹⁸. Советский интеллигент, поддавшийся давлению большевистского режима, о чем писал Беньямин, и ставший функционером, оказался теперь, по словам Брехта, в состоянии одиночества: идейного — из-за утраты основы для своего самоопределения и социального — из-за постоянного страха быть уничтоженным покровительствующей ему властью. Слова Брехта словно подтверждали сказанное Беньямином о «человеке в футляре» с его «обитым бархатом следом, который он оставляет в этом мире». И сплетня как «самый мелкобуржуазный феномен» также непременно сопровождала «человека в футляре» в СССР этих лет, поскольку «люди не хотели быть неправильно понятыми», опасаясь стать жертвой режима.

«Деструктивный характер Брехта» и таких же, как он, представителей интеллигенции действительно был врагом режима «человека в футляре». В чуть более поздней записи Беньямина Брехт высказался еще более прямолинейно в отношении советской власти: «В России господствует диктатура *над* пролетариатом. Ее можно избежать, отказаться от нее до тех пор, пока эта диктатура еще делает практическую работу для пролетариата, это значит, пока она содействует выравниванию между пролетариатом и крестьянством, соблюдая господство пролетарских интересов»¹⁹. Спустя несколько дней, по свидетельству Беньямина, Брехт назвал советский режим «монархией рабочих», а сам Беньямин тогда же в беседе с писателем «сравнил этот организм с гротескными играми природы, которые появляются на свет из глубин моря в облике рогатой рыбы или других чудовищ»²⁰.

Вооружившись максимой Брехта «не хорошее развивает старое, а плохое новое»²¹, соответствующей чертам деструктивного характера, в таких условиях нужно было «начинать сначала» и, очевидно, тем интеллектуалам, о которых, по словам Беньямина, говорил Луи Арагон: «Революционный интеллектуал скоро появится и прежде всего как предатель своего первоначального класса»²². Политизация ведет к революции, что, впрочем, не означает достижение в ходе революционного процесса определенной конечной цели, поскольку «деструктивный характер» интеллигенции подразумевает деструкцию в любых условиях. А это значит, что и политизация интеллигенции, интеллектуала бесконечна.

Истоки идеи «деструктивного характера» у Беньямина можно обнаружить, наряду с хрестоматийным примером Мартина Хайдеггера, также в одной из работ Ханны Арендт. При этом у Хайдеггера понятие деструкции затрагивает сферу онтологии, у Беньямина же идея «деструктивного характера» касается проблемы гносеологии, проблемы познания и даже субъекта познания. Поэтому знакомство с работой Арендт могло сильнее повлиять на формирование понятия «деструктивного характера» у Беньямина. На это указывают Детлев Шётткер и Эрдмут Визисла. Они приводят цитату из статьи «Философия и социология», одной из первых работ Арендт, опубликованную в 1930 г.: «Социология, видя свою существеннейшую задачу в деструкции исторического, становится исторической наукой»²³. Исследователи делают пред-

положения, что Беньямин читал эту работу и вполне мог найти полезные идеи для своих мыслей о деструктивном характере интеллигенции, если учесть, что социолог является представителем интеллектуального класса, а его исследования общества, безусловно, политизированны, как, например, были политизированны исследования Кракауэра, о чем писал Беньямин.

Но не столько истоки идеи «деструктивного характера» интеллигенции у Беньямина могут вызвать интерес с точки зрения системного единства ее структурных элементов, сколько вопрос о воплощении или восприятии этой идеи у интеллектуалов второй половины XX в. И в этой связи интересен пример Жака Деррида.

Влияние «деструктивных» идей Беньямина на формирование понятия «деконструкция» у Деррида доказывают его собственные слова в «Письме к японскому другу»: «Невозможная “задача переводчика” (Беньямин) — вот что также означает “деконструкция”»²⁴. Кроме того, Деррида считал «тему “деструкции”» существенной для Беньямина» в отношении его идеи «деструкции языка»²⁵. Однако в рамках нашей темы о деструктивности политизированной деятельности интеллигенции важно влияние идей Беньямина на формирование у Деррида понимания деконструкции в социальном плане.

О таком влиянии говорят рассуждения философа о политизации в его работе, посвященной статье Беньямина «К критике власти»: «Политизация — это бесконечный процесс, она никогда не может, но и не должна прийти к завершению, может и должна быть тотальной политизацией. Чтобы это звучало не как прописная истина или что-то тривиальное, необходимо знать следующий вывод: любое проникновение политизации принуждает нас к тому, чтобы правовые основы, которые уже стали результатом успешного расчета и разграничения, вновь обдумать и, следовательно, вновь интерпретировать. Так произошло к примеру при объяснении прав человека, при отмене рабства, в отношении всех тех освободительных войн, которые происходят и дальше будут происходить, везде в мире, от имени женщин и мужчин. Ничего не кажется мне менее устаревшим, чем классический эмансипационный идеал»²⁶. «Деструктивный характер» интеллектуала у Беньямина, как помним, также исходил из этого. Но теперь политизация интеллигенции становилась не только идеей.

Идеи Деррида нашли научное признание вскоре после выхода в свет его первых работ в конце 60-х гг. и не только во Франции. Однако первоначально они затронули сферу теоретического самоосознания интеллигенции. И лишь активная пропаганда собственных идей со стороны Деррида и его участие в общественной и политической жизни страны позволили найти им признание у масс. Он словно показывал на собственном примере обоснованность положений концепции «деструктивного характера» о том, что «разрушающий непрерывно окружает себя людьми, свидетелями его действий». Так опосредованно Беньямин способствовал изменению роли интеллектуала в стране, где провел последние годы жизни.

Но и на родине Беньямина его концепция интеллектуала в облике «деструктивного характера» нашла практическое применение. Уже в 1968 г. группа студентов университета Франкфурта-на-Майне, несогласная с методикой преподавания германистики, заявила о создании «Базисной группы Института Вальтера Беньямина». И хотя основное внимание в их манифесте уделялось именно методическим и методологическим вопросам, политизированность многих положений документа заставила профессоров обратиться к общественности с вопросом: «Политизация науки — неужели снова?»²⁷ Против действий Базисной группы были также Теодор Адорно и Юрген Хабермас, представители Франкфуртской школы социальных исследований, основателем которой считается и Беньямин.

И тем не менее, положения манифеста позволяют сказать, что активисты группы точно усвоили, по меньшей мере, «деструктивный» настрой работ Беньямина: «В политическом университете германистика упраздняется... Контр-германистика... нацелена на практику. Контр-германистика должна вырваться из процесса капиталистического производства. Она должна эмансипироваться от господствующей рациональности капиталистической реализации, освободить язык той самой общественности, которая действует как инстанция вытеснения, деформирует интересы и обстоятельства дела и приспособливает сознание к отношениям господства и собственности, которые в целом воспроизводят власть принуждения в сублимированном облике в отношении критического опыта и политического просвещения. Эта общест-

венность, которая делает заменимым язык, чтобы нарушать и разрушать, становится ее практикой. Она должна привести прежних потребителей и посредников в процессе передачи литературно-научных продуктов к тому, чтобы они рефлексировали о своей политической функции... Для этого важно, что мы от научной критики переходим к организационной критике. Шаг неизбежный, если мы обучение, науку, университет (следовательно, общество) действительно рассматриваем аналитически в аспекте их потребности в изменении и их изменчивости. Институты должны стать моделью критической общественности. Феодальная структура директората должна быть отделена от паритетной структуры советов, в которой прежние потребители “науки” наконец станут носителями процесса научного познания, который устранил выдохшуюся интимность институтов»²⁸.

И хотя осуществить свою программу Базисной группе не удалось, ее короткая история и манифест, основанный на идеях Вальтера Беньямина, позволили на практике увидеть, как может реализовываться своя деструктивность политизированный интеллект. Разрушение традиции как одна из целей «деструктивного характера» интеллигенции в понимании Беньямина было предпринято активистами группы в отношении даже идейно близких ему при жизни философов. Впоследствии деструктивность политизированной практики, как ее представлял Беньямин именно в плане организации, стала характеристикой общего интеллектуального пространства современности.

Примечания

¹ *Benjamin W.* Moskauer Tagebuch // Benjamin W. Gesammelte Schriften : in 7 Bänden. Frankfurt a. M., 1972—1989. Bd. 6. S. 359. Далее используется принятая в работах о Беньямине аббревиатура Собрания сочинений (Gesammelte Schriften — GS) с указанием тома и страницы.

² *Kambas Ch.* Positionierung des Linksintellektuellen im Exil // Benjamin-Handbuch : Leben-Werk-Wirkung. Stuttgart ; Weimar, 2006. S. 426.

³ *Benjamin W.* Der destruktive Charakter // GS. Bd. 4. S. 398.

⁴ *Ibid.* S. 396.

⁵ *Ibid.* S. 397.

⁶ *Ibid.* S. 398.

⁷ *Benjamin W.* Notizen über den «destruktiven Charakter» // *Ibid.* S. 1000.

- ⁸ *Benjamin W.* Der destruktive Charakter. S. 397.
- ⁹ *Ibid.*
- ¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹ *Wohlfarth I.* Der «Destruktive Charakter»: Benjamin zwischen den Fronten // *Walter Benjamin im Kontext.* Königstein, 1985. S. 68.
- ¹² *Benjamin W.* Notizen über den «destruktiven Charakter». S. 1000.
- ¹³ *Benjamin W.* Ein Außenseiter macht sich bemerkbar: Zu S. Kracauer, «Die Angestellten» // *GS.* Bd. 3. S. 220.
- ¹⁴ *Ibid.* S. 225.
- ¹⁵ *Ibid.* Redaktion журнала «Die Gesellschaft», где в 1930 г. была опубликована эта заметка, первоначально предложила назвать материал «Политизация интеллигенции», но автор его отклонил (*Anmerkungen der Herausgeberin* // *GS.* Bd. 3. S. 639).
- ¹⁶ *Benjamin W.* Das Land, in dem das Proletariat nicht genannt werden darf // *GS.* Bd. 2. S. 515.
- ¹⁷ *Benjamin W.* Tagebuchnotizen 1938 // *GS.* Bd. 6. S. 538.
- ¹⁸ *Ibid.*
- ¹⁹ *Ibid.* S. 539.
- ²⁰ *Ibid.*
- ²¹ *Ibid.*
- ²² *Benjamin W.* Der Autor als Produzent // *GS.* Bd. 2. S. 701.
- ²³ *Schoettker D., Wizisla E.* Hannah Arendt und Walter Benjamin: Konstellationen, Debatten, Vermittlungen // *Arendt und Benjamin: Texte, Briefe, Dokumente.* Frankfurt a. M., 2006. S. 28—29.
- ²⁴ *Деррида Ж.* Письмо к японскому другу // *Вопр. философии.* 1992. № 4.
- ²⁵ *Деррида Ж.* Тиресий: путешествие феноменолога-марксиста // *Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия.* М., 1993. С. 63.
- ²⁶ *Derrida J.* Gesetzeskraft: der «mystische Grund der Autorität». Frankfurt a. M., 1991. S. 58.
- ²⁷ *Basisgruppe des Walter-Benjamin-Institut.* Schafft Germanistik ab! // 1968: eine Enzyklopädie. Frankfurt a. M., 2004. S. 431.
- ²⁸ *Ibid.* S. 431—438.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)532-5:63.3(2)532-283.2

А. В. Зябликов

ПАРТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ в 1905—1907 гг.

В 1905—1907 гг. «духовный» склад партий во многом обуславливал партийные симпатии и антипатии художников, в большинстве своем отвергавших любую идеологическую директивность. Это подтверждает короткая история партии демократических реформ, пытавшейся выполнить аналогичную задачу объединения, но в отношении сил «правее кадет».

Партия демократических реформ («деканская партия»), выделившаяся в начале 1906 г. из правого крыла кадетской партии, сохранила с ней программную близость. В феврале 1906 г., после объединения с умеренно-прогрессивной партией, по предложению М. М. Ковалевского партия демократических реформ была переименована в «Союз народного благоденствия»¹, однако мажоритарное по колориту название прижилось плохо, наряду с ним в обиходе осталось старое.

Политическая и экономическая программы партии демократических реформ, по существу, идентичны кадетским, тактически «пэдээры» были ближе партии мирного обновления, ратуя за предвыборный союз всех «истинно-конституционных» партий и беспартийных конституционалистов². Партия демократических

© Зябликов А. В., 2010

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета. (4942) 31-48-14 доб. 169

реформ, не чуждая мирнообновленских идей нравственного облагораживания политики, по своему идейному складу относилась, скорее, к западническому, кадетскому типу. Духовный облик партии сочетал в себе кадетские и народнические черты.

В комитет партии демократических реформ вошли видный юрист, почетный академик петербургской Академии наук К. К. Арсеньев, профессора К. П. Боклевский, И. И. Иванкоков, В. Д. Кузьмин-Караваев, А. П. Македонский, Н. А. Меншуткин, А. С. Посников и ряд других деятелей. Возглавил партию М. М. Ковалевский, ученый-социолог с мировым именем, пользовавшийся равно высокой репутацией и на родине. Д. И. Овсяннико-Куликовский, характеризуя человеческие качества М. М. Ковалевского, выделял его глубокую искренность, редкую честность, независимость ума, отсутствие какого-либо «психологического лицедейства»³. Наряду с этим отмечалась «барственность» М. М. Ковалевского, отсутствие у него тонкого литературного вкуса. «Всеобщий любимец и баловень», — заканчивал Д. И. Овсяннико-Куликовский психологический портрет лидера «пэдээров»⁴. Говорить о несерьезности эстетических симпатий М. М. Ковалевского нет оснований: он высоко чтит талант И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, с которыми был знаком лично, имел неожиданные пристрастия и в современной литературе: М. П. Арцыбашев, Ф. Сологуб.

Усилиями М. М. Ковалевского 19 февраля 1906 г., в разгар первой избирательной кампании, в Петербурге вышел первый номер просуществовавшей год газеты «Страна», которая стала неофициальным органом партии демократических реформ и вобрала в себя всю ее недолгую историю. Об этом уместно сказать в связи с тем, что сам М. М. Ковалевский в конце 1906 г. назвал «Союз народного благоденствия» партией печатной критики правительственных действий⁵.

План общественного примирения, предложенный партией демократических реформ, предполагал серьезную долю участия художественной интеллигенции. В отличие от «Московского еженедельника», «Страна» оценивала роль интеллигенции в происходящих событиях не столь критично, склоняясь скорее к ее оправданию, нежели осуждению. Соответственно, более тради-

ционными, прямолинейными были подходы к определению функций искусства и задач художника в условиях общественной борьбы. В целом, внепартийность художника отстаивалась и оставалась непосягаемой. Это было связано не только с пониманием специфики искусства, но и в определенной степени с общей уверенностью «пэдээров» в том, что политика максимально независима от настроений внепартийной массы⁶.

Наиболее радикально высказывался в защиту внепартийности поэт С. К. Маковский, названный В. В. Стасовым «герольдом русского декадентства»⁷, ведший в «Стране» раздел «Художественные заметки». Отмечая навязчивую злободневность многочисленных иллюстративно-сатирических изданий 1905—1906 гг., С. К. Маковский убеждал, что, попадая в заколдованный круг узкополитической, партийной борьбы, художник «обрекает себя на гибель»⁸.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что такая категоричность была чужда большинству сотрудников «Страны». Сам М. М. Ковалевский отводил художнику место на полпути между партийной тенденциозностью и беспартийным «олимпизмом», но сожалел, что в условиях революционной смуты деятели искусства плохо реализуют себя в качестве дидактов и воспитателей.

27 июня 1906 г., накануне закрытия первой Думы, М. М. Ковалевский опубликовал в «Стране» «Обращение к великому писателю земли русской», в котором призвал Л. Н. Толстого вмешаться в текущие события и обратиться общество к соблюдению христианских заветов «служения ближнему»⁹. «Никогда еще не чувствовалась в такой степени необходимость “мудрого Ната-на”, убеленного сединами и богатого жизненным опытом, могучего умом и знанием»¹⁰, — писал лидер партии демократических реформ. Ответ на «Обращение», по свидетельству французского ученого П. Буайе, Л. Н. Толстой советовал искать в своих публицистических статьях о русской революции¹¹.

Вторя М. М. Ковалевскому, Н. А. Котляревский в статье с симптоматичным названием «Свободный пост» замечал: «Прочна та реформа, которая покоится не на законе, а на его исполнителях, и легче начертать план любой реформы, чем подготовить людей к ее рациональному восприятию»¹². С этой задачей, по мнению публициста, прекрасно справлялись писатели XIX века, чья роль в

подготовке конституционных институтов несомненна, — современные же писатели легкомысленно сложили с себя обязанности «воспитателей в ряду реформаторов»¹³. Если М. М. Ковалевский пытался понять причины толстовского отчуждения от политики, отчасти справедливо связывая это с тактикой «надменных отнекиваний»¹⁴, взятой на вооружение и правительством, и Думой, то Н. А. Котляревский упрекал художников в духовной дряхлости и, отмечая утомленность в обществе ожиданием «сильного слова», подобно А. В. Луначарскому, убеждал писателя занять свободный пост «ясновидца революции»¹⁵. Свое понимание проблемы Н. А. Котляревский подтвердил позднее в рецензии на роман С. В. Ковалевской «Нигилистка» (опубликован в 1906 г.)¹⁶.

Н. А. Котляревский и М. М. Ковалевский, соглашаясь с наличием серьезных перемен в политических и духовных реалиях России, продолжали подходить к художественной интеллигенции с мерками XIX в.

Традиционализм партии демократических реформ в понимании задач художника проявился в активном поощрении различного рода благотворительных, просветительских акций, каковой стало, например, учреждение в марте 1906 г. «Лиги образования», объединившей в целях «общего подъема культуры» около 11,5 тысяч работников науки, культуры и образования. По предложению известного ученого-лингвиста И. А. Бодуэна-де-Куртенэ в устав Лиги не были внесены политические формулировки¹⁷. «Страна» проявила участие к проекту создания народной филармонии М. М. Попелло-Давыдова¹⁸, широко пропагандировалось издание «коалиционных» литературных сборников¹⁹. Н. А. Котляревский, будучи членом комитета Литературного фонда, пополнял его казну чтением публичных лекций о деятелях освободительного движения²⁰. М. М. Ковалевский 13 июня 1906 г. выступил в Думе с протестом против необоснованных преследований редакторов периодических изданий и с предложением пересмотреть правила о печати.

Во многом общественно-политическая деятельность партии демократических реформ совпадала в те годы с пропагандистской тактикой энесов, однако стратегически сторонники М. М. Ковалевского все же основывались на признании автономии культуры и невмешательства политики в ее сферы.

Факты формального членства художников в этой немногочисленной партии единичны. В состав комитета партии демократических реформ входили — редактор журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевич, членом комитета союзной «пэдээрэм» партии «Свободомыслящих» был писатель И. И. Ясинский. Сотрудничали в газете «Страна» писатели А. В. Амфитеатов, печатавший там античерносотенные сатирические «Курдюковские письма, дела и мысли», Л. А. Авилова, В. И. Дмитриева, А. И. Куприн, В. И. Немирович-Данченко, драматург В. В. Туношенский.

Из известных художников слова близко к позициям партии демократических реформ подошел писатель П. Д. Боборыкин, чей политический портрет по сей день остается практически не изученным.

П. Д. Боборыкин (1836—1921)²¹ был достаточно заметной фигурой в политическом и литературном мире России. Несмотря на кипучую и разноплановую деятельность, свои политические убеждения П. Д. Боборыкин сохранял неизменными на протяжении десятилетий. «Позитивист по мирозерцанию и либералшестидесятник по убеждениям, он последовательно оставался предан этому до гробовой своей доски, бодро неся свои преклонные годы, но не проявляя никаких признаков моральной старости и безразличия к происходящему на мировой арене», — вспоминал А. Ф. Кони²².

В истории русской интеллигенции фигуре П. Д. Боборыкина отведено особое место: некоторые историки до недавних времен, говоря о термине «интеллигенция», настаивали на авторстве писателя²³. Это утверждение едва ли справедливо²⁴, но бесспорно, что П. Д. Боборыкин был одним из первых, кто попытался анализировать характер и цели демократического, разночинского движения в России. В статье «Нигилизм в России», написанной в 1866 г. по заказу английского писателя Д. Морлея, П. Д. Боборыкин настаивал на том, что сторонник социального прогресса не обязательно должен быть социал-радикалом и нигилистом²⁵.

К 1905 г. писатель подошел убежденным эволюционистом, большим скептиком в отношении марксизма, народничества, толстовства и других, по мнению писателя, узкотенденциозных схем, сторонником творческой независимости не только от политических партий, но и от редактора, антрепренера. В лекции

«Русская интеллигенция», прочитанной им на Пречистенских курсах в конце 1904 г., П. Д. Боборыкин провозгласил единственной творческой силой, вокруг которой следует сплотиться трудовым сословиям, внепартийную интеллигенцию²⁶. Выступая адвокатом российской интеллигенции, П. Д. Боборыкин, тем не менее, предъявлял свои претензии к этой социальной группе. Он упрекал интеллигенцию в четырех психологических недугах: в следовании учению «лжепророка» Л. Н. Толстого, в проповеди банкротства науки, в преклонении перед декадентством, в отрицании нравственных норм, явственно проявившемся в умилении образом босняка²⁷.

В 1905—1907 гг. боборыкинская критика рассредоточилась на четыре основных направления, тесным образом между собой связанные: антитолстовское, антибюрократическое, антиклерикальное, античерносотенное. Последнее занимает особое место в публицистике П. Д. Боборыкина, заинтересовавшегося не столько феноменом черносотенца из народа, сколько черносотенцем-интеллигентом.

Естественно, направляя острие публицистического пера против интеллигенции, писатель строго ее разграничивал, выделяя «подлинную» интеллигенцию, душу нации, и «облыжную», зараженную «тлетворным ингредиентом лжекультуры, лжеобразованности, лжепатриотизма»²⁸.

П. Д. Боборыкин одним из первых почувствовал опасность процесса, определенного им как «крушение иерархии умов, таланта и вкуса»²⁹. «Новая толпа, — писал он в начале 1905 г., — вобрав молодые поколения грамотных людей, считающих и себя передовым слоем общества, стала все валить в одну кучу и под кличкой “интеллигенция” смешивать то, что в ней самой оказалось неустойчивого, полуразвитого, банального или претенциозного, — с избранным меньшинством, которое везде и всегда имеет право представлять собою подлинную интеллигенцию»³⁰.

Писатель всерьез опасался того, что дворянство, традиционно составляющее большую часть российской творческой и интеллектуальной элиты, вследствие нарушения вышеупомянутой иерархии, быстро растворится в «облыжной» интеллигенции, навсегда похоронив русскую культуру³¹.

В первой половине 1905 г. П. Д. Боборыкин принял участие в дискуссии о возможном государственном устройстве России. Разумеется, критику идеи Земского Собора писатель вел с позиций античерносотенства. Он обвинил правых в стремлении укоренить в России «испорченный» татарским игом государственный строй из боязни народоправства³². П. Д. Боборыкин иронично советовал «неомосковитам» обратиться к опыту домонгольского Новгорода с его вечем.

Весной-летом 1905 г. П. Д. Боборыкин хлопотал о воссоздании Союза взаимопомощи писателей, но как неполитического и чисто корпоративного писательского объединения, исключаящего возможность членства в нем случайных людей³³.

Манифест 17 октября П. Д. Боборыкин воспринял с надеждой, хотя и соглашался со словами некоего петербургского митингового оратора, назвавшего документ «стихотворением в прозе»³⁴.

Партийное размежевание рубежа 1905—1906 гг. не оставило в стороне темпераментного писателя, имевшего тяготение к «живому» делу. Проблему выбора он решал с традиционных для себя позиций: «Хуже всего — узкая тенденциозность, однотонный колорит мнений, чувств, оценок»³⁵. Тем не менее, П. Д. Боборыкин считал, что при определенном складе ума и темперамента принадлежность к партии не может отнять «оригинальности пошиба» устного слова³⁶.

Таким образом, к 1905—1907 гг. общественно-политическая устремленность П. Д. Боборыкина сближала его с кругом М. М. Ковалевского в ряде позиций, в том числе в признании за интеллигенцией ведущей позитивной общественной роли (и М. М. Ковалевский, и П. Д. Боборыкин считали необходимым настойчиво защищать политический авторитет интеллигенции), в признании черносотенства главным источником угрозы российской культуре и социально-политическим реформам. Следствием этих представлений была недооценка и П. Д. Боборыкиным, и «пэдээрами» аналогичной опасности, исходящей от леворадикальных сил.

С февраля 1906 г. П. Д. Боборыкин начинает сотрудничать в газете «Страна» и вскоре становится одним из ее ведущих авторов³⁷. Полуформальный, «промежуточный» характер партии демократических реформ избавлял писателя от необходимости

оправдывать свое участие в фактически партийном органе «поправками» к художественному «кодексу» внепартийности.

В 1906 г., будучи сотрудником «Страны», Петр Дмитриевич продолжил исследование психологии «черносотенца-интеллигента». Писатель иронично называл этот социальный феномен «мужикамент» — именно так, по мнению П. Д. Боборыкина, следовало называть активистов Союза русского народа, претендующих на идейную самодостаточность³⁸. П. Д. Боборыкина, как и других художников, интересовала, в первую очередь, не теоретико-идеологическая, а общекультурная основа политических партий и движений. Партийные убеждения человека, по П. Д. Боборыкину, являются результатом сложного психологического процесса, движимого комплексом государственных, расовых, сословных, вероисповедных и прочих мотивов³⁹. В психике крайне правых П. Д. Боборыкин считал определяющими два мотива: чувство племенной гегемонии и вотчинное чувство, то есть признание «вещного» права не только в отношении неодушевленных предметов, но и людей⁴⁰.

Временами писатель, во многом неожиданно для самого себя, признавал, что объединению реакционных сил предшествовал стремительный рост революционных партий⁴¹. Однако чаще П. Д. Боборыкин уходил от глубокой критики левых радикалов, вероятно, полагая, что в борьбе с главным врагом — черносотенством годится даже такой союзник. Еще одна причина сугубой сосредоточенности П. Д. Боборыкина на критике крайне правых объяснялась представлениями писателя о духовном, идеологическом обеспечении революционных и реакционных партий. Если первые, по мнению писателя, имели «идею», пусть и не санкционированную большинством общества, то последние — опирались лишь на штыки⁴². Эти представления в полной мере соответствовали общественно-политическому ракурсу газеты «Страна» и партии демократических реформ.

В политических оценках П. Д. Боборыкина отразилась важная его особенность как романиста: склонность к объективации, некоторая отстраненность от анализируемых проблем и событий. П. Д. Боборыкин, в отличие от будущих «веховцев», не включал самого себя в круг сословия или общественной группы, ответственных за вековое невежество народа. Кроме того, по представ-

лениям П. Д. Боборыкина, между кадетами и крайне правыми существовал своего рода политический вакуум — всякий отрицатель конституционализма приравнивался писателем к сторонникам расового ненавистничества, черносотенства. По существу, П. Д. Боборыкин исключал существование того политического пространства, в котором находился сам. Таким образом, «подлинная», внепартийная интеллигенция, противостоящая черносотенной интеллигенции, бюрократии и дворянству, о которой так много писал П. Д. Боборыкин, превращалась в исторический миф. Понимая противоречивость своих постулатов, писатель осторожно включал в ее состав кадетов, околкадетские группировки, «передовую» часть художественной интеллигенции.

Положительный политический идеал П. Д. Боборыкина был связан с деятельностью Думы и формированием «ответственного» думского министерства⁴³. Соглашаясь отчасти с Л. Н. Толстым, что корень общественного зла лежит в низменном уровне «внутреннего человека», П. Д. Боборыкин считал, что без конституционных гарантий и учреждений проповедь самосовершенствования и самовоспитания потребует вековых усилий. П. Д. Боборыкин выразил признательность М. М. Ковалевскому за открытое письмо Л. Н. Толстому, заметив при этом, что лидер партии демократических реформ преувеличил общественные заслуги писателя, чьи политические убеждения можно охарактеризовать как «мистико-нивелирующий анархизм»⁴⁴.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что сотрудничество П. Д. Боборыкина с партией демократических реформ не носило «запрограммированного», принципиального характера — оно было обусловлено, с одной стороны, общими представлениями о главном носителе социального «зла» и стремлением писателя «связать жизнь» с литературным делом, с другой стороны, — полуформальным, лишенным идеологической нетерпимости, характером партии М. М. Ковалевского. И П. Д. Боборыкин, и М. М. Ковалевский причину недееспособности I и II Дум склонны были связывать не со слабостью и непоследовательностью российского либерализма, не с разрушительным радикализмом левых партий, а почти исключительно с деятельностью крайне правых сил, в которых виделся главный носитель противокультурной и противообщественной тенденции⁴⁵.

Лозунгом своего политического мирозерцания в 1905—1907 гг. и П. Д. Боборыкин, и «пэдээры» вполне могли бы объявить чуть переиначенную знаменитую фразу В. И. Ленина: «Кто не за конституцию, тот черносотенец»⁴⁶. Такая одержимость борьбой с пусть не мнимым, но отнюдь не единственным противником вносила лепту в общую политическую дезориентированность страны. В этом смысле сами монархические партии произвольно выполняли важную союзническую миссию по отношению к социал-демократам: они оттянули, отвлекли на себя значительные умеренно-либеральные силы и обескровили их в этой борьбе.

Бесспорно, страстный протест П. Д. Боборыкина против политического и расового террора не остался неуслышанным. Литературное сотрудничество писателя с партией демократических реформ, к началу 1907 г. почти полностью растворившейся среди кадетов и мирообновленцев, еще более укрепило писателя в отстаивании надпартийного идеала. Быстрое и почти бесследное исчезновение с политической арены «Союза народного благоденствия» М. М. Ковалевский предчувствовал еще в июне 1906 г., связав это с «излишней скромностью» партии в отстаивании прав от «чрезмерного опасения нарушить закон»⁴⁷. Однако скорее это можно назвать общим уделом партий, нацеленных не на выражение собственного политического идеала, а на «литературное» противоборство с политическими соперниками.

Примечания

¹ Страна. 1906. 19 февр.

² Вестник партии народной свободы. 1906. № 35. С. 1849.

³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 996. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 35.

⁵ Ковалевский М. М. Пора быть справедливым // Страна. 1906. 30 дек.

⁶ Ковалевский М. М. Внепартийные! // Там же. 19 дек.

⁷ Стасов В. В. Наши нынешние декаденты // Там же. 25 марта.

⁸ Маковский С. К. Художественные заметки // Там же. 9 июня.

⁹ Ковалевский М. М. Обращение к великому писателю земли русской // Там же. 27 июня.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. 10 сент.

- ¹² *Котляревский Н. А.* Свободный пост // Там же. 29 апр.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. 27 июня.
- ¹⁵ См.: *Луначарский А. В.* Социальная психология и социальная мистика // *Образование*. 1906. № 5. С. 63.
- ¹⁶ *Котляревский Н. А.* Нигилистка // Страна. 1906. 3 сент.
- ¹⁷ Там же. 14 марта.
- ¹⁸ Там же. 22 апр.
- ¹⁹ Там же. 30 апр.
- ²⁰ Там же. 8 марта.
- ²¹ В феврале 1906 г. П. Д. Боборыкин участвовал в первом всероссийском съезде драматических и музыкальных писателей, принявшем резолюцию об отмене предварительной драматической цензуры, и был избран в состав бюро «для проведения в жизнь решений съезда» (Золотое Руно. 1906. № 3. С. 107). В сентябре 1907 г. почетный академик по разряду изящной словесности (с 1902 г.) П. Д. Боборыкин стал председателем общества деятелей периодической печати и литературы, объединившего более 160 литераторов (*Исторический вестник*. 1907. № 11. С. 728—729).
- ²² *Кони А. Ф.* Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 477.
- ²³ См., напр.: *Ониани В. С.* Большевицкая партия в борьбе за привлечение демократической интеллигенции к революционному движению пролетариата в период первой русской революции : дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1963. С. 19.
- ²⁴ См.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 5.
- ²⁵ См.: *Карпачев М. Д.* Истоки российской революции: легенды и реальность. М., 1990. С. 18.
- ²⁶ Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века (1890—1904). М., 1982. С. 64—65.
- ²⁷ *Исторический вестник*. 1906. № 8. С. 550.
- ²⁸ *Боборыкин П. Д.* Найден микроб // *Русское слово*. 1905. 20 апр.
- ²⁹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 67. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.
- ³⁰ Там же; Три года спустя, неточно поняв объект «веховской» критики, П. Д. Боборыкин, как и М. М. Ковалевский, выступил с осуждением идей сборника (см.: *Боборыкин П. Д.* Подгнившие «Вехи» // В защиту интеллигенции : сб. ст. М., 1909. С. 120—131).
- ³¹ Характерно, что Л. Н. Толстого П. Д. Боборыкин критиковал, в первую очередь, за антиинтеллигентский пафос, провоцировавший ненависть к

- интеллигенции и появление общественного типа «благонамеренного хулигана» — черносотенца (РГАЛИ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 12. Л. 28).
- ³² РГАЛИ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 12. Л. 43.
- ³³ *Боборыкин П. Д.* Пишущая братия // Русское слово. 1905. 3 апр.
- ³⁴ РГАЛИ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.
- ³⁵ *Боборыкин П. Д.* За полвека // Русская мысль. 1906. № 2. С. 3.
- ³⁶ К числу таких литераторов П. Д. Боборыкин относил редактора «Русской мысли», члена кадетской партии В. Н. Гольцева (см.: *Боборыкин П. Д.* Убежденный человек // Русская мысль. 1906. № 12. С. 118).
- ³⁷ Дебютом писателя в газете стала опубликованная 26 февраля нашумевшая статья «Что подельывает этика?». В ней автор отмечал чудовищную суть превращения фактов убийств, грабежей и погромов в заурядные «случаи» городской и уездной хроники (*Боборыкин П. Д.* Что подельывает этика? // Страна. 1906. 26 февр.). Ответственность за преступления П. Д. Боборыкин возлагал на правые круги. За публикацию статьи М. М. Ковалевского был привлечен к суду. 6 октября 1906 года М. М. Ковалевского и И. И. Иванюкова (соредактора «Страны») приговорили к двум неделям ареста (Страна. 1906. 7 окт.).
- ³⁸ РГАЛИ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 12. Л. 41.
- ³⁹ *Боборыкин П. Д.* Психика крайне правых // Страна. 1906. 12 марта.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Боборыкин П. Д.* Патриотическая мафия // Там же. 22 сент.
- ⁴² *Боборыкин П. Д.* Их «идея» // Там же. 14 сент.
- ⁴³ *Боборыкин П. Д.* «Лучшие люди» и их ненавистники // Там же. 15 июня.
- ⁴⁴ *Боборыкин П. Д.* Давно пора! // Там же. 8 июня.
- ⁴⁵ Писатель не изменил своим общественным антипатиям и в дальнейшем, в пору отхода от политики. Возглавленное П. Д. Боборыкиным в сентябре 1907 г. чисто профессиональное Общество деятелей периодической печати и литературы исключало пребывание в своих рядах сотрудников монархических изданий (*Лейкина-Свирская В. Р.* Указ. соч. С. 143).
- ⁴⁶ Характеризуя черты художественного мира П. Д. Боборыкина, В. В. Розанов отмечал, что писатель сосредоточенно описывал «лоботрясов», проходивших «по фону жизни», и не замечал «молчаливых» фигур со взглядом задумавшихся глаз (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М., 1990. С. 91—92). Это наблюдение объясняет многие особенности П. Д. Боборыкина — публициста и общественника.
- ⁴⁷ *Ковалевский М. М.* Избыток добродетели становится пороком // Страна. 1906. 2 июня.

И. И. Шевчук

СОЦИАЛЬНЫЙ И ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ УЧЕНЫХ БССР (1920—30-е годы)

Анализ структуры научных кадров показывает результаты политики государства в отношении науки и характеризует научную интеллигенцию как субъект истории, оценивает воздействие указанных факторов на профессиональную деятельность. При рассмотрении данного вопроса обращено внимание и на аспирантов, поскольку в этот период статистика зачисляла их, как правило, в научные работники. Вместе с тем, в статье акцентируется гуманитарная составляющая кадрового потенциала.

Аспирантура как новая форма подготовки научных работников берет свое начало в БССР с 1925 г. Социальное нормирование и новая национальная политика 1920-х гг. логично приводили к тому, что наиболее представительной группой аспирантов в Беларуси были выходцы из крестьян. В 1927/28 уч. г. они доминировали — 57 % аспирантов республики, в 1928/29 уч. г. — 57,6 %. Очевидно, общая картина несколько отличалась в отдельных учреждениях. Так, в Академии наук (БелАН, БАН) выходцев из крестьян было 36 %, а «других» — 50 %. Из служащих происходило 54 % аспирантов Белгосуниверситета (БГУ) и 38 % — из крестьян. Причем, в БелАН и БГУ не было выходцев из рабочих. Они появляются через год — соответственно 9 % и 13 %¹.

Если обратиться к БГУ и только к информации по педагогическому факультету и факультету права и хозяйства, то будут заметны определенные расхождения между совокупными данными по Беларуси в целом и БГУ в частности. В начале 1929/30 уч. г. из всех аспирантов двух факультетов 36,4 % происходили из крестьян, в то же время на долю гуманитариев приходилось 31,6 %. Ра-

© Шевчук И. И., 2010

Шевчук Игорь Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина. (162) 48-44-59

бочие составляли 13,6 %, среди гуманитариев — 21,05 %. Соответственно служащие — 29,5 % и 26,3 %, «другие» — 20,5 % и 21,05 %. Можно проследить некоторые особенности взаимосвязи социального и национального происхождения аспирантов на примере педагогического факультета и факультета права и хозяйства (на 15 ноября 1929 г.), которые представлены в таблице 1².

Таблица 1

Соотношение национального и социального происхождения аспирантов, %³

Происхождение	Из крестьян		Из рабочих		Из служащих		Другие	
	Всего	Гуманитарии	Всего	Гуманитарии	Всего	Гуманитарии	Всего	Гуманитарии
Белорусы	87,5	66,68	66,7	75	30,8	20	11,1	25
Евреи	—	—	33,3	25	69,2	80	88,9	75
Русские	6,25	16,66	—	—	—	—	—	—
Другие	6,25	16,66	—	—	—	—	—	—

В приведенном материале мы встречаем совершенно ожидаемые, исторически обусловленные цифры, когда видим преобладание белорусов — выходцев из крестьян, или такое же преобладание евреев — выходцев из «других» (кустари, торговцы и т. д.). Однако на примере некоторых процентных данных становятся очевидными последствия революционной эпохи, которая внесла существенные коррективы в социальное распределение населения. Например, высокая доля аспирантов белорусов из рабочих обусловлена увеличением их присутствия в составе рабочего класса, рост которого вызван целенаправленным развитием промышленности в БССР, куда рабочая сила попадала как раз из белорусской деревни. Привилегированное положение рабочих крупной промышленности проявлялось и в том, что насколько широко раскрывались двери в науку перед его представителями, настолько они закрывались для иных отрядов пролетариата, которые достались советам в наследство от дореволюционного прошлого и не вызывали доверия у властей: кустари, ремесленники, мелкие тор-

говцы и т. д. Исторически тут преобладали евреи, что нашло отражение в составе аспирантуры университета.

Октябрь 1917 г. не только количественно увеличил такой социальный слой, как служащие. Революционная политика направлялась и на обновление, замену «старых» служащих новыми советскими. Учитывая исторический опыт, становится понятным, почему евреи количественно преобладают среди них и соответственно среди выходцев из служащих в аспирантуре (именно в университете), особенно в гуманитарной области. Например, весной 1926 г. среди ответственных работников ЦК и ЦКК КП(б)Б на долю евреев приходилось 50 %, белорусов — 37,5 %; среди ответственных работников СНК БССР — соответственно 50 % и 33,3 % и т. д. Относительно своей национальности были служащими 0,31 % белорусов и 0,72 % евреев⁴.

Положительная динамика наблюдается и в процессе увеличения партийно-комсомольской прослойки в аспирантской среде (табл. 2)⁵.

Таблица 2

Партийный состав аспирантов БССР, %

Учреждение	КП(б)Б и комсомол			Беспартийные		
	1926/27	1927/28	1928/29	1926/27	1927/28	1928/29
БГУ	25	35	46	75	65	54
КУБ ⁶	—	100	100	—	—	—
БелАН	—	14	14	100	86	86

Таким образом, во второй половине и в конце 1920-х гг. тормозила процесс «правильного» подбора и воспитания новых кадров только БелАН. Ситуация в вузах также не удовлетворяла руководство республики. Нарком просвещения в 1929 г. писал: «...выдвижение в аспиранты происходило без участия общественных организаций, выдвигались такие, которые нравились тому или иному профессору... потому теперь приходится ставить вопрос о неудовлетворительном составе части молодых научных работников как по социальному составу, так и по политическому мировоззрению»⁷. Тем не менее аспирантура БССР наиболее отвечала

представлениям руководства о составе ученых и потому наиболее выигрышно смотрелась на фоне других республик (табл. 3)⁸.

Таблица 3

**Социальный и партийный состав аспирантов СССР
в 1928/29 уч. г., %**

Республика	Рабочие	Крестьяне	Другие	Члены и канд. КП(б)Б
БССР	14	56	30	43
УССР	12	34	54	19
РСФСР	5,5	21	73,5	9,6

Эти «преимущества» были обусловлены исключительно тем, что организационные основы науки в БССР закладывались только после установления советской власти, в связи с чем основная масса участников процесса была рекрутирована из местной молодежи.

Формирование социального и партийного облика аспирантуры, конечно, не происходило самотеком. При наборе аспирантов осенью 1931 г. только 21 из них оказался беспартийным, остальные 81 были кандидатами, членами КП(б)Б и комсомола; 61 человек — выходцы из рабочих и крестьян. В результате представители рабочих, крестьян и советских служащих заняли 81,7 % мест Института аспирантуры БАН, а коммунисты и комсомольцы — 81,3 %. Аналогичные процессы происходили и среди тех, кто занимался гуманитарными науками, что можно увидеть из приведённой ниже таблицы 4⁹.

Таким образом, как на общем уровне, характеризующем развитие аспирантуры в целом по Беларуси, так и в конкретных случаях касательно гуманитариев наблюдается общая тенденция увеличения доли рабочих и крестьян вместе с советскими служащими, а также коммунистов и комсомольцев. Она проявлялась не объективно, а благодаря усилиям руководства коммунистической партии. Хотя добиться в БССР доминирования выходцев из рабочих так и не удалось. Кстати, этого не удалось добиться даже в Институте красной профессуры: из 236 выпускников до 1929 г. рабочих оказалось только 19 человек (8,05 %), при том что среди слушателей их было 43,6 %¹⁰.

Какое бы важное значение не придавалось фактору социального происхождения, директивным органам за двадцать лет не удалось добиться доминирования в науке лиц, социально «близких», по крайней мере в группе наиболее квалифицированных исследователей. Объясняется такое положение только одним — постоянным приглашением на работу в Беларусь большого количества ученых из-за ее границ. Именно практика приглашений вместе с национальной политикой 1920-х гг. обусловили своеобразную корреляцию степени квалификации научных работников и их социального происхождения. В результате наиболее квалифицированная часть ученых имела наименьшее количество выходцев из рабочих и крестьян, причем ситуация сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода (табл. 5).

Таблица 4

**Социальный состав учащихся Института аспирантуры БАН
по гуманитарным наукам в 1932 г.**

	Рабочие / %	Крестьяне / %	Служащие / %	Другие / %	Всего / %
Филология	6/30	7/35	3/15	4/20	20/100
История	4/18,1	6/27,3	6/27,3	6/27,3	22/100
Философия	1/7,7	7/53,8	2/15,4	3/23,1	13/100
Ист. группа под- готов. отд-ния	6/30	3/15	3/15	8/40	20/100
Всего	17/22,7	23/30,7	14/18,6	21/28	75/100

Согласно приведенным данным следует, что даже в конце 1920-х гг. среди профессоров преобладали, при стабильно невысоком количестве социально «близких», выходцы из служащих и «других» (торговцы, ремесленники, духовенство, шляхта и т. п.). Значительное сокращение «других» и рост служащих происходит в группе доцентов, что обусловлено постепенным зачислением советских служащих в разряд социально «близких». Совсем иная картина наблюдается в категории ассистентов. Она имела «лучшие» социальные показатели, в том числе и в динамике: массовое сокращение «других» всего за три года. Кстати, это непосредственно соотносится с увеличением доли белорусов среди асси-

стендов: 1926/27 уч. г. — 61 белорус и 85 небелорусов, 1928/29 уч. г. — соответственно 68 и 73¹¹. Таким образом, социальная политика практически не затрагивает профессоров. Зато наиболее существенные изменения целенаправленно закладываются в младшие группы научных работников. Этим создавались основы для постепенного, но коренного изменения социального облика ученых, а в условиях Беларуси соответственно и национального — преобладания представителей коренного этноса.

Таблица 5

Социальное происхождение научных работников

Год	1926/27 уч. г.				1927/28 уч. г.			
Группа Должность	Крестьяне / %	Рабочие / %	Служащие / %	Другие / %	Крестьяне / %	Рабочие / %	Служащие / %	Другие / %
Профессора	16/17,2	2/2,2	35/37,6	40/43	13/14,5	2/2,2	37/41,1	38/42,2
Доценты	21/27,6	1/1,3	16/21,1	38/50	18/20,2	4/4,5	44/49,4	23/25,8
Ассистенты	46/31,7	2/1,3	10/7	87/60	50/35,5	9/6,4	55/39	27/19,1

Проведенные в начале 1930-х гг. партийные и политические чистки существенно меняют картину социального происхождения. Если в 1928/29 уч. г. выходцы из рабочих и крестьян составляли вместе 30 % от научных и научно-педагогических работников, то в 1934 г. — 54,1 % (17, % — из рабочих и 36,5 % — из крестьян)¹². Изменения определялись не только резкими зигзагами внутренней политики. Постепенно начинает давать результаты политика определенного подбора студентов и аспирантов (имеется в виду взаимозависимость национального и социального аспектов, когда акцентирование одного момента неизбежно вызывало акцентирование другого). Очевидно, общереспубликанские средние данные не всегда соответствовали положению в конкретных учреждениях. В том же году в БГУ, еще до открытия исторического факультета, выходцев из служащих насчитывалось 14 человек (39 %), крестьян — 8 (22,2 %), рабочих — 7 (19,4 %), кустарей и «других» — также 7 (19,4 %)¹³. Таким образом, в этом случае однозначно доминировали представители тех социальных групп, к которым советская власть относилась как минимум настороженно. Интересно, что даже в Ин-

ституте истории партии при ЦК КП(б)Б крестьян и рабочих в 1936 г. было соответственно 1 и 4 человека, а служащих — 8¹⁴.

Определенным образом от всех научных и научно-педагогических учреждений отличались Институт белорусской культуры (ИБК) и Академия наук. В 1927 г. в штате ИБК значилось 32 научных работника, а всего в его работе участвовали 176 человек. По неполным данным, 36 человек происходили из крестьян, 2 — рабочих, 16 — служащих, 3 — ремесленников¹⁵. Картина несколько меняется, если взять только штатных сотрудников. При таком подходе доля крестьян в первой половине 1928 г. увеличивается до 40,7 %, служащие и представители интеллигенции составляют 24,7 %, выходцы из рабочих вообще отсутствуют, а «другие» представлены 34,6 % (сюда включены «мещане, дворяне, шляхта, духовенство, почётные граждане»)¹⁶.

Ужесточение требований к социальному происхождению с целью увеличения пролетарской прослойки в научной среде, развитие промышленности, понятное стремление некоторых исследователей скрыть свои социальные корни и т. п. постепенно начинают давать результаты. В 1929 г. в штате БАН появляются рабочие — 5,9 %, незначительно снижается доля крестьян — до 32,4 %, но почти в два раза увеличивается количество выходцев из интеллигенции — 48 %, при значительном уменьшении «других» — до 13,7 %¹⁷. Естественно, после 1930 г. (первый массовый политический процесс по делу «Союза вызваления Беларуси») происходят радикальные изменения в кадровом составе Академии наук, а значит, и в его социальном происхождении: рабочие — 9,2 %, крестьяне — 21,2 %, служащие — 62,2 %, «другие» — 7,4 %. Состав научных работников БАН еще более «улучшается» после 1933 г. (дела о «Белорусском национальном центре и др.»). В 1934 г. выходцев из рабочих стало 30 % и из крестьян — 40,6 %, что превосходило средние данные по БССР — соответственно 17,6 % и 36,5 %¹⁸.

Новые коррективы в социальный состав внесли 1936—1938 гг., уменьшив удельный вес «пролетариев» в науке. Их представители не стали количественно доминировать и в среде академических ученых и в БССР в целом. Не добилась коммунистическая партия такого доминирования и до начала 1940-х гг. При выдвижении кандидатур на выборы академиков и членов-

корреспондентов АН БССР в 1940 г. из имеющих претендентов 7,1 % являлись выходцами из рабочих, 28,3 % — из крестьян, 50,5 % — служащих, 14,1 % — «других». Таким образом, в категории наиболее квалифицированных ученых количество «других» превосходило среднее по вузам и НИИ БССР.

Значительное внимание руководство республики уделяло количеству членов коммунистической партии в научной среде, особенно в 1920-х — начале 1930-х годов, когда еще происходил активный процесс политического перевоспитания «старых» ученых и становления нового корпуса исследователей. Коммунистов в это время было относительно немного. Причём их доля соотносилась с уровнем квалификации: основная масса членов партии концентрировалась в группах доцентов (преподавателей) и ассистентов. Наименьшая — среди профессоров, что и понятно, поскольку большая часть последних сформировалась в качестве ученых в дооктябрьский период (см. табл. б).

Таблица 6

Партийность профессорско-преподавательского состава в БССР¹⁹

Должность	1926/27 уч. г.		1927/28 уч. г.		1928/29 уч. г.	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Профессора	5	5,8	6	6,5	5	5,6
Доценты	16	21	25	26,9	23	25,8
Ассистенты	11	7,6	10	7,9	14	9,9
Всего	32	10,4	41	13,1	42	13,1

Таким образом, партийный состав на протяжении отмеченных лет остается стабильным. Изменения, которые происходили в нем, можно объяснить естественным движением кадров, имевшим место в научных и научно-педагогических коллективах.

Такое же положение наблюдается и в Академии наук. В первом полугодии 1928 г. партийные сотрудники Инбелкульта составляли 13,5 %, а в 1929 г. парторганизация БелАН насчитывала в своих рядах 14,7 % научных сотрудников²⁰. Показанный удельный вес коммунистов практически одинаков для штатных коллективов вузов и БАН. Последняя даже немного «лучше» выглядит в «партийном» смысле. Ситуация в Академии значительно отличается от

приведенной, если взять всех научных работников данного учреждения, это значит вместе с совместителями (табл. 7)²¹.

Таблица 7

Партийный состав сотрудников ИБК и БАН

Должность	10 августа 1925 г.		15 ноября 1931 г.	
	Количество	%	Количество	%
Действительные члены	35	55	11	64,7
Члены-сотр., ученые спец.	18	34	31	47,7
Члены-коррр., науч. сотр.	6	22	60	44,4
Всего	59	41,3	102	47

Рост партийцев понятен и объясняется необходимостью «укрепления» БАН после ее чистки в 1930 г. Количество коммунистов Академии уменьшается в 1934 г. и составляет 26,7 % от всех научных работников (по БССР — 24,1 %) ²², а в Белгосуниверситете — 19,4 %, где распределялись по квалификационным группам поровну — по два человека ²³. Уменьшение обусловлено мероприятиями, вызванными «раскрытием» Белорусского национального центра и партийной чисткой 1933 г. Проверка, обмен документов, отсутствие приема в партию в 1933—1936 гг., дело Объединенного антисоветского подполья уменьшили количество республиканской парторганизации с 1932 по 1938 г. на 52 % ²⁴.

Очевидно, такая ситуация наложила отпечаток и на научную жизнь республики в целом, и на количество членов парторганизаций в научных и научно-педагогических организациях. Например, летом 1937 г. среди научных работников АН БССР было только 8 (3,3 %) коммунистов и 41 (17 %) кандидат в члены КП(б)Б. Что интересно, в каждой квалификационной категории коммунисты распределялись поровну, как и в БГУ в 1934 г., — по два человека. Однако в маленькой, немногим более 70 человек, парторганизации находилась работа для «компетентных» органов: на 20 коммунистов имелся компрометирующий материал и на 50 — партийные взыскания ²⁵. Положение с членством пред-

ставителей науки и высшей школы в коммунистической партии фактически не меняется и в начале 1940-х гг., по крайней мере это касалось их самых квалифицированных представителей. Так, при выдвижении претендентов на получение звания академика и члена-корреспондента в 1940 г. из 108 человек 19 являлись членами и 3 — кандидатами в члены компартии, вместе — 20,4 %²⁶.

Совсем незначительное количество коммунистов обусловлено, видимо, не только особенностями партийного строительства в 1930-е гг. Тут, судя по всему, оставило свой след успешное политическое «перевоспитание» старых ученых и массовый приход в науку новой молодой генерации, выросшей в новых советских условиях, а это в значительной степени характерно именно для Беларуси. Поэтому властям не требовалось массовое внедрение «своих» людей в научное сообщество.

Социальное и национальное происхождение имело значительную степень корреляции, что обуславливалось особенностями кадровой политики, поскольку директивными органами делался акцент на определенное социальное происхождение. Тем не менее, до начала 1940-х гг. не удалось добиться доминирования в науке представителей социально близких слоев, особенно в группе наиболее квалифицированных исследователей. Практика приглашений вместе с социальной политикой обусловили взаимосвязь степени квалификации научных работников, их социального и национального происхождения. В результате самая квалифицированная часть исследователей (профессора) имела наименьшее количество выходцев из рабочих, крестьян и белорусов. Коренные изменения целенаправленно закладывались и соответственно проявлялись среди ассистентов, преподавателей и доцентов, где преобладали представители пролетарского и белорусского происхождения, члены коммунистической партии, при сравнительно небольшом общем количестве последних.

Примечания

¹ *Балицкі А.* Некаторыя праблемы культурнай рэвалюцыі ў галіне народнай асьветы // Асьвета. 1928. № 8. С. 47.

² Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 369. Л. 38—39, 49; Д. 208. Л. 27—29.

- ³ В таблице удельный вес рассчитывался от общего количества аспирантов на двух факультетах (44 человека) и от общего количества аспирантов-гуманитариев на них (19 человек).
- ⁴ НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 16. Л. 10 об. — 11 об., 13 об.
- ⁵ Там же. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 4182. Л. 19.
- ⁶ Коммунистический университет Беларуси им. В. И. Ленина.
- ⁷ Прафесары і дактары навук Беларускага Дзяржаўнага Універсітэта. Мінск, 2001. С. 4.
- ⁸ НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 4285. Л. 128.
- ⁹ Центральный научный архив НАН Беларуси (далее — ЦНА НАНБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 16а. Л. 322—325.
- ¹⁰ *Козлова Л. А.* Комплектование Института красной профессуры, 1920-е годы // Социологический журнал. 1997. № 4. URL: <http://ecsosman.edu.ru/db/msg/90246.html>.
- ¹¹ НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 4182. Л. 13.
- ¹² ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 130.
- ¹³ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 594. Л. 4.
- ¹⁴ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 257. Л. 4.
- ¹⁵ ЦНА НАНБ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 23. Л. 67; Д. 24. Л. 106.
- ¹⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 199 об.
- ¹⁷ НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1934. Л. 82.
- ¹⁸ ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 241; Д. 29. Л. 5.
- ¹⁹ НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 4182. Л. 13.
- ²⁰ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1934. Л. 82; ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 199—199 об.
- ²¹ НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 2303. Л. 11; ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 241; Ф. 67. Оп. 1. Д. 23. Л. 105.
- ²² ЦНА НАНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 5.
- ²³ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 594. Л. 4.
- ²⁴ *Кушнер В.* Камуністычная партыя Беларусі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Мінск, 1997. Т. 4. С. 63.
- ²⁵ НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 11875. Л. 2; Д. 12007. Л. 60.
- ²⁶ Там же. Д. 15569. Л. 1.

В. В. Комиссаров

**КЛУБЫ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ
СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1960—80-х гг.:
К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ**

Еще в начале 1990-х гг. французский историк Н. Верт в своем практически хрестоматийном учебнике сделал вывод о формировании в СССР 1960—80-х гг. т. н. «городского микромира» и связанных с ним «неформальных структур». Исследователь отмечал: «Не ограничиваясь различными формами социальной жизни в малых группах: семья, друзья, разного рода кружки, — развитие “городских микромиров” очень быстро привело к возникновению сети неформальных объединений, которые в свою очередь начали играть важную роль в формировании общественного мнения в собственном смысле слова... В 70—80-е гг. развитие городской субкультуры, повышение общего уровня образования породили значительно более сложную общественную структуру, отличавшуюся целой гаммой “неформальных образований”, “микромиров” и уголков “самоуправления” со своей социальной базой, культурой и “контркультурой”, исследователями и учеными, молодежными группами, профессиональными и межпрофессиональными ассоциациями»¹. Несмотря на то что эти строки были опубликованы уже почти два десятилетия назад, рассмотрение данного периода отечественной истории преимущественно ведется через призму концепции авторитарно-тоталитарного (или наоборот — «светлого социалистического») прошлого. Между тем, изучение эмпирических данных показывает, что картина была много сложнее и противоречивее и тезис

© Комиссаров В. В., 2010

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ФГОУ ВПО «Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. К. Беляева». (4932) 23-58-24

Н. Верта имеет право на существование. Одним из примеров становления «неформальных структур» автор настоящей работы считает возникновение и деятельность клубов любителей фантастики (далее будет использоваться принятая в кругах приверженцев жанра аббревиатура КЛФ).

Следует отметить, что информация об этом явлении носит неполный и противоречивый характер. Еще в 1982 г. журнал «Техника — молодежи» с помощью анкеты начал сбор данных о КЛФ². Результаты анкеты были напечатаны в данном журнале. Но публикация содержит неполные данные лишь о 17 клубах³. В настоящее время на сайтах Юрия Зубакина «Фэндом.ru» и Дмитрия Ватолина «Русская фантастика» изложены сведения и сканы публикаций о более чем 200 КЛФ. Несмотря на значительный объем информации, она не имеет обобщенного обзора, в некоторых случаях отсутствуют данные о названии или о времени возникновения КЛФ. В последнем случае часто приходится пользоваться таким показателем, как дата первого упоминания в печати⁴.

Появление феномена КЛФ в СССР было вполне закономерно и определялось популярностью научно-фантастической литературы, пик которой приходится как раз на 1960—80-е гг. Исследователь советской фантастики А. Ф. Бритиков писал: «Только с 1963 г. выходит ежегодно более чем 80 фантастических произведений. Если учитывать переводы, эта цифра возрастает вдвое. В 1965 г. было зарегистрировано 315 публикаций. За семилетие же, с 1959 по 1965 г., на русском языке опубликовано 1266 произведений научной фантастики общим тиражом около 140 миллионов. <...> Эта обильная река течет в издательства центральные и областные, литературные и научно-технические, от Калининграда до Благовещенска, от Риги до Алма-Аты, от Киева до Баку. Советскую научную фантастику обсуждают на представительных совещаниях — всесоюзных и международных. <...> В последние годы орган ЦК КПСС “Коммунист” четырежды выступал с теоретическими статьями об идеологической борьбе в мировой фантастике. Вчерашней Золушке оказывают внимание даже “Вопросы философии”»⁵.

Возникает закономерный вопрос: можно ли движение КЛФ рассматривать в рамках интеллигентоведческих штудий? Досто-

верных и полных данных о социальном составе клубов нет. Однако упоминавшаяся выше анкета содержала вопрос о возрастной и профессиональной структуре. Вызывает сожаление, что в печати нашли отражение лишь самые общие данные опроса, но и они дают определенное представление о предмете. Как утверждали авторы журнала, от 30 до 60 % членов КЛФ составляли учащиеся и студенты, от 25 до 60 % — инженерно-технические работники, служащие и т. н. творческая интеллигенция. Правда, организаторы опроса не уточняют, какие профессии они относят к последней категории. Конечно, удельный вес различных групп в разных клубах варьировался, и иногда очень серьезно. Например, в КЛФ «Зодиак» из Сенгиля Ульяновской области доля учащихся составляла почти 100 %, в КЛФ «Циолковский» из Минска более 90 % участников относились к ИТР, служащим и творческой интеллигенции⁶. Таким образом, даже приблизительные данные свидетельствуют о преимущественном участии в КЛФ различных отрядов советской интеллигенции. Впрочем, в отдельных клубах присутствовали и другие социальные группы, например доля рабочих колебалась от 10 до 40 %. По возрастной структуре данных еще меньше, авторы «Техники — молодежи» лишь подчеркивали, что актив КЛФ представлен молодежью в возрасте 20—30 лет⁷.

Информация о времени появления первого в СССР КЛФ противоречива. Так, в журнале утверждалось, что старейший клуб под названием «Стажеры» появился в 1972 г. в Тбилиси (впоследствии он стал называться «Фаэтон»)⁸. Однако на сайте «Фэндом.ру» присутствуют сведения о КЛФ, возникших еще в 1960-е. К ним можно отнести клуб любителей фантастики МГУ (дата первого упоминания в печати — 1968 г.), харьковский КЛФ с неизвестным названием, хабаровский клуб «Фант» (1966 г.)⁹. Впрочем, авторы «Техники — молодежи» относят создание «Фанта» к середине 1970-х гг.¹⁰

Анализ данных о времени первого упоминания КЛФ в печати дает следующую картину. В 1960-е гг. существовали только 4 клуба. К 1970-м относится возникновение уже восьми КЛФ. В период 1981—1985 гг. появились 66 организаций. Самым «урожайным» периодом стали последние годы существования СССР: в 1986—1991 гг. впервые упоминаются 118 КЛФ. В отношении не-

скольких клубов дату возникновения пока определить не удалось¹¹. Конечно, использование даты первого упоминания неоспорно. Например, большое количество статей о новых КЛФ в «перестроечные» годы можно объяснить не их образованием, а лишь снижением цензурных ограничений и, как следствие, увеличением числа публикаций, особенно в провинциальной печати. Но отчасти приведенные данные подтверждаются сведениями журнала «Техника — молодежи», по которым на конец 1970 — начало 1980-х действительно приходится рост численности новых клубов¹².

Представляет интерес и региональное распределение КЛФ. Большая часть клубов приходится на РСФСР: около 140 объединений. В союзных республиках их заметно меньше: в Украине насчитывалось 22 КЛФ, в Белоруссии — 5, в республиках Закавказья — 9, в Прибалтике — 5, в Казахстане и Средней Азии — 6 и один клуб в Молдавии. Но и в РСФСР они распределялись неравномерно: на Европейскую часть приходилось 67 клубов, а на Урал, Сибирь, Дальний Восток и Приморье — 78¹³. Такую диспропорцию нельзя объяснить только большими размерами азиатской части РСФСР, все-таки это были территории с гораздо меньшей плотностью населения, нежели на западе страны. Видимо, повлияло то обстоятельство, что в послевоенный период происходит заметное смещение производственной базы и объектов военно-промышленного комплекса на восток, за Уральский хребет. В результате в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока оказались сосредоточены научные и образовательные центры с достаточно активной частью интеллигенции, которая и стала социальной базой КЛФ. Конечно, данное предположение не более чем рабочая гипотеза, нуждающаяся в дополнительных доказательствах.

Особо следует рассмотреть вопрос о взаимоотношениях КЛФ и периодической печати. Особенность советской фантастики состояла в отсутствии в стране специализированных изданий данного жанра, что вызвало нарекания многих авторов. «Наши издательства все еще недооценивают это острое идеологическое оружие, — сокрушался уже цитировавшийся А. Ф. Бритиков. — Между тем журнал фантастики объединил бы сильный отряд наших писателей-фантастов, который оказывает немалое идейное и

художественное воздействие в международном масштабе. Журнал сократил бы издержки разобренных пока что поисков и сконцентрировал внимание молодой отрасли литературы в самом деле на первоочередных задачах»¹⁴. Смею предположить, что отсутствие специализированных изданий сыграло скорее положительную, нежели отрицательную роль. Журнал фантастики «герметизировал» бы аудиторию, отсекая многие группы потенциальных читателей. В действительности публикацией научно-фантастических произведений занимался достаточно широкий круг изданий. Практически постоянно фантастику печатали «Техника — молодежи», «Знание — сила» и «Уральский следопыт», регулярно фантастические произведения брали «Химия и жизнь», «Вокруг света» и приложение к нему «Искатель». Эпизодически, но достаточно часто фантастические произведения появлялись в «Юности», «Смене», «Молодой гвардии», «Науке и жизни» «Изобретателе и рационализаторе» и даже в «Литературной России», «Гражданской авиации», «Сибирских огнях» и др. Подобное разнообразие заметно расширяло круг читателей, привлекало к произведениям жанра те слои населения, которые бы никогда не стали читать специализированный журнал.

Отсутствие журнала фантастики вынуждало КЛФ искать контакты с другими изданиями, и прежде всего с региональной комсомольской печатью. Многие клубы имели странички фантастики в молодежных газетах. Так, клуб «Зодиак» из Сенгилея сотрудничал с районной газетой «Путь Ленина», волгоградский «Ветер Времени» получил трибуну в областной газете «Молодой ленинец» (судя по названию — органе обкома ВЛКСМ), а «Циолковский» из Минска готовил ежемесячный раздел в республиканской газете «Знамя юности». Этот список можно продолжить¹⁵. Некоторые КЛФ возникли как очные или заочные объединения читателей при печатных изданиях. Это относится к заочному КЛФ при журнале «Уральский следопыт», клубам при ставропольском «Молодом ленинце», донецком «Комсомольце Донбасса», свердловской «Науке Урала», ростовском-на-Дону «Комсомольце» и некоторым другим¹⁶. Хабаровский «Фант» существовал в форме рубрики в газете «Молодой дальневосточник», и лишь затем оформился как «живой» клуб¹⁷.

Определенный интерес представляют и названия КЛФ. В основном они связаны с романτικο-космической или мифологической тематикой. Так, существовали клубы под названиями «Зодиак», «НЛО», «Апекс» (астрономический термин), «Арго», «Артемида», «Контакт», «Кентавр», «Альфа Пегаса», «К звездам», «Амальтея» (спутник Юпитера) и др. Есть названия-неологизмы: «Фантавры» (видимо, образовано от фантастических кентавров), «Фантадром», «Фанком», «Фантор». Многие названия четко ассоциируются с конкретными фантастами и их произведениями, более всего ассоциаций с произведениями А. Н. и Б. Н. Стругацких. В списке КЛФ присутствуют такие названия, как «Стажеры», «Обитаемый остров», «Далекая радуга» (произведения Стругацких), НИИЧАВО (научно-исследовательский институт чародейства и волшебства из повести «Понедельник начинается в субботу»), «Изнакурнож» (избушка на курьих ножках — филиал НИИЧАВО из той же повести), «Комкон-3» (аббревиатура из произведений Стругацких), «Прогрессор», «Прогрессоры» (прогрессор в повестях Стругацких — специалист, стимулирующий прогресс отсталых цивилизаций), «Людены» (раса сверхлюдей у тех же авторов), «Мир наизнанку» (ругательство из «Обитаемого острова»), а также «Сталкер» и «Стругарий». И даже упоминавшаяся «Амальтея» может быть связана с братьями-писателями, одно из их ранних произведений — «Путь на Амальтею». В названиях присутствуют заимствования из произведений других авторов: «Аэлита» (А. Н. Толстой), «Блистающий мир» (А. С. Грин), «Ариэль», «КЭЦ» (А. Р. Беляев), «Фазты» (А. П. Казанцев), «Солярис» (С. Лем), «Клуб Йона Тихого» (Йон Тихий — персонаж С. Лема), «Великое Кольцо» (объединение цивилизаций в романах И. А. Ефремова), «Великий Гусяр» (Кир Булычев)¹⁸.

К 1980-м гг. КЛФ «обзавелись» и достаточно сложной структурой. Например, во владивостокском клубе «Комкон-3» насчитывалось 10 структурных подразделений, среди них юношеский филиал, библиографический сектор, сектор спектаклей и даже киностудия, пресс-бюро и сектор внешних связей (!). У многих КЛФ имелись детско-юношеские филиалы, киноклубы, в отдельных случаях секторы музыки и живописи. Это свидетельствует, что клубы не ограничивались только литературной фанта-

стикой, но обращались ко всему спектру фантастического искусства¹⁹. Нельзя забывать, что КЛФ привлекали как книголюбов, так и самодеятельных фантастов, критиков, переводчиков. Проблема любительского творчества становилась в деятельности клубов очень значимой²⁰.

Следует особо отметить, что движение КЛФ существовало не только в СССР, но и в других странах Варшавского договора. Например, в социалистической Болгарии аналогичное явление обозначалось аббревиатурой КФП — клубы фантастики и прогностики. Наибольшую известность получили софийский КФП «Иван Ефремов» и пловдивский «2001»²¹. Примечательно, что движение любителей фантастики в странах т. н. «народной демократии» достигло гораздо более высокого уровня организации, нежели в Советском Союзе. В той же Болгарии начиная с 1980 г. неоднократно проводились Всеболгарские фестивали научной фантастики с участием гостей из других социалистических стран²². В восточноевропейских странах существовали и специализированные фэнзины²³. Например, в Польше с 1983 г. выходил журнал «Фантастика»²⁴. В Венгрии еще в 1978 г. был основан альманах «Галактика», «выросший» впоследствии в ежемесячный журнал²⁵. В СССР первые общесоюзные организации стали возникать только «на закате» социализма, во второй половине 1980-х гг. И тогда же появились политические и экономические предпосылки для создания в стране специализированного журнала.

Данная публикация является не более чем первым приближением к изучению движения КЛФ в рамках интеллигентоведения. Но, как представляется автору настоящей работы, данная тематика обладает значительными исследовательскими перспективами. Рассмотрению может подлежать такая проблема, как уточнение социальной возрастной и профессиональной структуры КЛФ. Совершенно особый вопрос — это идейно-политическое содержание деятельности клубов, их взаимоотношения как с властями, так и с оппозиционными течениями, диссидентскими кружками и самиздатом. Все эти аспекты так или иначе выводят нас на проблему места и роли КЛФ в жизни советской интеллигенции и их влияния на исторические судьбы страны.

Примечания

- ¹ *Верт Н.* История советского государства, 1900—1991. М., 1992. С. 412.
- ² К сведению читателей // *Техника — молодежи.* 1982. № 7. С. 12.
- ³ КЛФ рассказывают о себе // Там же. 1983. № 1. С. 18—19.
- ⁴ История фэндомы // *Фэндом.ру.* URL: <http://www.fandom.ru/klf/index.htm#prochee> (дата обращения: 26.02.2010).
- ⁵ *Бритиков А. Ф.* Русский советский научно-фантастический роман. Л. : Наука, 1970. С. 268—270.
- ⁶ КЛФ рассказывают о себе. С. 18.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ История фэндомы.
- ¹⁰ КЛФ рассказывают о себе. С. 18.
- ¹¹ Подсчеты выполнены автором по данным сайта: История фэндомы // *Фэндом.ру.* (дата обращения: 26.02.2010).
- ¹² КЛФ рассказывают о себе. С. 19.
- ¹³ Подсчеты выполнены автором по данным сайта: История фэндомы // *Фэндом.ру.* (дата обращения: 1.03.2010).
- ¹⁴ *Бритиков А. Ф.* Указ. соч. С. 359.
- ¹⁵ КЛФ рассказывают о себе. С. 19.
- ¹⁶ История фэндомы // *Фэндом.ру.* (дата обращения: 2.03.2010).
- ¹⁷ КЛФ и молодежная печать // *Техника — молодежи.* 1983. № 10. С. 29.
- ¹⁸ История фэндомы // *Фэндом.ру.* (дата обращения: 2.03.2010).
- ¹⁹ КЛФ рассказывают о себе. С. 18.
- ²⁰ *Осипов А.* От Калининграда до Хабаровска : (о клубах любителей фантастики в СССР) // *Техника — молодежи.* 1981. № 11. С. 11.
- ²¹ «2001»: фантастика и прогностика // Там же. 1983. № 4. С. 24—26.
- ²² См., напр.: *Мелионян А.* Лицом к будущему : (о первом болгарском фестивале научной фантастики) // Там же. 1980. № 8. С. 10—12 ; «2001»: фантастика и прогностика. С. 25.
- ²³ Фэнзин — (сокр. от англ. Fantasy magazine — фантастический журнал) общепринятое в кругах любителей фантастики обозначение специализированного жанрового журнала.
- ²⁴ Пять лет «Фантастике» // *Техника — молодежи.* 1988. № 1. С. 16—17.
- ²⁵ «Галактика» и ее друзья // Там же. 1988. № 3. С. 6—7.

Е. М. Раскатова

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПО ОХРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАЙН В ПЕЧАТИ
ПРИ СМ СССР (ГЛАВЛИТ)
И НОВЫЕ РЕАЛИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
В КОНЦЕ 1960-х — НАЧАЛЕ 1980-х гг.**

...А государство оптимистично.
И ценит оптимизм в художниках.
Цензура традиционно была, пожалуй,
самым оптимистичным из всех политических институтов —
всегда оберегала мажор и не поощряла грустных мотивов.

*Л. Зорин*¹

О цензуре в СССР писали многие². Ведущие ученые, представляющие научные школы Москвы и Санкт-Петербурга, создали авторские концепции развития отношений Советской власти, в лице учреждений политической цензуры, и художественной интеллигенции. Так, например, Т. М. Горяева³ рассматривала историю политической цензуры в СССР как «всецензуры» на протяжении всего советского периода и по отношению ко всем видам творческой деятельности. На широком архивном материале она доказала, что функции этого правительственного учреждения в реальной жизни всегда чрезвычайно превышали формально указанные. А. В. Блюм⁴, в свою очередь, рассматривал механизмы действия системы «тотального контроля» за литературным творчеством в 1929—1953 годы, «особенности технологии» отдельных звеньев, в первую очередь Главлита. Он обратил внимание на то, что «в некоторых случаях и в отдельные периоды истории способы и методы воздействия этого властного учреждения на печатное слово не только не исчерпывают эти способы давления и регулирования, но

© Раскатова Е. М., 2010

Раскатова Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и культуры Ивановского государственного химико-технологического университета. elenaraskatova@mail.ru

играют гораздо меньшую роль, чем партийно-идеологические и чисто полицейские охранительные инстанции»⁵.

Обращение к теме «цензура и художник» обусловлено, с одной стороны, очевидной спецификой изучаемого периода (середина 1960-х — начало 1980-х годов), на протяжении которого заметны изменения в функционировании этого института, связанные с возрастанием роли Главного Управления по охране государственных тайн в печати при СМ СССР в формировании и реализации политики в сфере художественной культуры и др., с другой — стремлением автора определить реальное место Главлита во «властном треугольнике» — ЦК КПСС, КГБ при СМ СССР (Т. М. Горяева), выяснить, как деятельность чиновников, осуществлявших цензурные функции, влияла на поведенческие модели художественной интеллигенции, провоцировала изменение ее отношения к Советской власти и др.

Во второй половине 1960-х власть выстраивала свои отношения с интеллигенцией, возвращаясь к традиционным методам, реставрируя старые институты (жесткая идеологическая цензура, *партийная критика*). Своеобразные контрреформы в идеологии, демонстрировавшие *новый курс* власти, начались с восстановления и расширения функций государственной цензуры, в первую очередь было восстановлено в правах Управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР. 18 августа 1966 года Постановлением СМ СССР № 693 было утверждено «Положение о Главном управлении по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР». В нем четко определены основные задачи Главного управления, его местных органов, их права и обязанности, а также взаимоотношения с министерствами, общественными и другими организациями по вопросам охраны государственных тайн в печати⁶. Руководителем ведомства в течение всего обозначенного периода был П. К. Романов⁷.

Но если в годы оттепели Главлит, по мнению специалистов, перестал быть самостоятельным звеном в советской политической системе, то после преобразования в Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (последовавшего за секретным постановлением Секретариата ЦК КПСС 1969 года) этот государственный орган становится одной из сторон контрольно-идеологического треугольника (ЦК КПСС, Главлит, КГБ). Более

того, постепенно вместе с КГБ при СМ он превращается в аналитический орган, поставлявший в ЦК КПСС информацию о настроениях художественной интеллигенции.

Секретное постановление Секретариата ЦК КПСС от 8 января 1969 года «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» принципиально пересмотрело роли и иерархию субъектов, несущих основную ответственность за такие недостатки, как — «выпуск в свет идейно ошибочных произведений, плохая работа с авторами, проявление уступчивости и политической беспринципности в решении вопросов о публикации *идейно порочных материалов*» (курсив мой. — *Е. Р.*)⁸. Теперь руководители органов печати, издательств, телевидения, учреждений культуры и искусства лично отвечали «за идейно-политическое содержание материалов, предназначенных для печати, демонстрации и публичного исполнения». При этом было установлено, что все вопросы, возникающие в процессе предварительного контроля произведений и касающиеся их идейно-политического характера, рассматриваются (все-таки. — *Е. Р.*) на уровне руководителей Главлита и руководителей издающих организаций и органов культуры. Показательна оговорка о том, что «замечания работников Главного управления по охране государственных тайн в печати доводятся до сведения авторов произведений без ссылки на Главлит. Нарушение этого порядка должно рассматриваться как нарушение государственной и партийной дисциплины»⁹.

В формулировках документа уже заметна принципиально новая тенденция — складывался *иной* стиль власти (умный, тонкий, жесткий) по отношению к художественной интеллигенции: отдельные чиновники становились смелее и циничнее, демагогично использовали лексику социалистической теории, идеологические клише. Так, расширение и без того чрезвычайно широких функций государственной цензуры объяснялось в постановлении изменившимися условиями, которые характеризовались как *условия социалистической демократии*, при которых органы предварительного контроля существуют главным образом для предотвращения публикации сведений, составляющих государст-

венную и военную тайну, а также *различного рода дезинформации*. Именно последнее замечание даст возможность цензорам чрезвычайно расширительно трактовать понятие государственной тайны, политической и идеологической ошибки, информации, порочащей советский социалистический строй и т. п.

Секретное постановление Секретариата ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати...» закрепляло изменения в системе ответственности за идеологический уровень содержания художественных и информационных материалов, превративших всю культурную среду в один большой ГЛАВЛИТ: «созданная система всепроникающей политической цензуры была признаком начавшейся “эпохи застоя”, “брежневщины”»¹⁰. Уточним: одним из наиболее существенных признаков поздней советской эпохи.

Личная ответственность руководителей творческих организаций, главных редакторов издательств, журналов и газет за идейное содержание и качество публикаций, спектаклей, передач, а также их право и обязанность — цензура произведений *на предварительном этапе*, отнюдь не свидетельствовали о их самостоятельности. Хорошо известная история долгой и мужественной борьбы А. Т. Твардовского — главного редактора «Нового мира» за сохранение качества публикуемых произведений, круга авторов, гражданской позиции журнала, закончившаяся его отставкой, подтверждает невозможность автономного существования официальных литературно-художественных журналов под личной ответственностью редакторов. Смена редакционных коллегий, введение в состав художественных советов преданных власти представителей, увольнение неугодных редакторов, обвинение их в *политической близорукости*, с последующим заведением *дел* и т. д., и т. п., казалось бы, обеспечили идеологическую стерильность редакторского состава. Однако на основании официальных материалов и документов личного происхождения складывается достаточно противоречивый и сложный образ редактора: от либерально настроенного, готового взять на себя ответственность за выпуск острых и талантливых книг (именно о таком редакторе с уважением и восхищением говорил Б. Иванов в работе о новой ленинградской литературе 1960—70-х годов¹¹), до ортодоксально мыслящего, не способного адекватно реагировать на

менявшуюся ситуацию, уверенного, что единственно возможный путь борьбы с «крамолой» — запрет (в этих случаях автору, например А. Белинкову, помогала выдумка¹²).

Были и иные ситуации, закономерно требовавшие вмешательства редактора-профессионала в тексты. Иногда конфликтные ситуации в работе редакции отдельных журналов возникали по принципиальным разногласиям отдельных редакторов¹³.

О по-настоящему трагических событиях рассказали обнаруженные нами документы — так называемое «дело старшего редактора Е. И. Малыхиной»¹⁴.

По всей видимости, Е. И. Малыхина на протяжении определенного периода времени брала на себя смелость публиковать произведения зарубежных писателей (представителей *социалистического лагеря*, в частности «предателя венгерского народа <...> ренегата Тибора Дери»¹⁵), художественно, а может быть, и идейно расширявших допустимые рамки соцреалистического канона, что и вызвало более чем резкие оценки чиновников, ответственных за социалистическую стерильность литературы. Известный цензор пишет: «В результате такой деятельности члена КПСС Е. Малыхиной советскому читателю до сих пор неизвестны имена многих писателей-коммунистов или, в лучшем случае, изданы на русском языке произведения малозначительные, не характерные для них. Считаю деятельность Е. Малыхиной и ее группы хорошо и тщательно продуманной, на протяжении долгого времени осуществляющейся идеологической диверсией против политических интересов нашей страны и братской Венгрии и потому обращаюсь с этим письмом к Вам»¹⁶. Эти документы дали возможность реконструировать одну из страниц реальной жизни государственного издательства, показать уникальные возможности отдельного редактора в проведении издательской политики, а также раскрыть механизм реакции власти на *неправильное* поведение специалиста на государственной службе, усугубившееся *связями с иностранцами*.

Внешний и внутренний контроль за работой редакторов, репрессивные меры разного характера в целом обеспечили возросшую политическую бдительность специалистов. Не случайно начальник Главного управления по охране государственных тайн в печати при СМ СССР П. К. Романов, докладывая о первых ре-

зультатах деятельности Главлита по выполнению указанного секретного постановления Секретариата ЦК КПСС, с удовлетворением отмечал, что «практика предварительного контроля произведений печати оправдала себя: стало меньше материалов, публикация которых нежелательна из-за содержащихся в них политических неточностей и ошибочных положений»¹⁷. Позже с ним соглашался В. Ф. Шауро: «...практика предварительного контроля произведений дала результаты»¹⁸.

Выполнение информационно-аналитических функций потребовало внутренней перестройки Главного управления, преобразования отделов в управления, расширения штата сотрудников. Анализ документов внутренней и внешней (СМ СССР, ЦК КПСС и др.) переписки руководителей Управления по этому поводу позволил выявить некоторые тенденции: чрезвычайно расширительное толкование государственных задач, решаемых цензорами Управления (контроль не только реально наносящих ущерб государству разглашенных военных тайн, но и любых *формулировок и положений, искажающих политику партии и правительства*); постоянное напоминание о важности данного органа в системе власти, о расширении круга обязанностей, перманентно увеличивающейся нагрузке чиновников Управления; просьбы увеличить штаты, финансирование и т. д.¹⁹, особенно в связи требованием ЦК КПСС повысить внимание к вопросам политической бдительности советских людей²⁰.

Контроль художественного творчества, а по сути — контроль за поведением художественной интеллигенции, осуществляли в основном два подразделения: второй и четвертый отделы (затем преобразованы в управления)²¹. На протяжении обозначенного периода качественно меняется состав сотрудников этих подразделений Главлита — обязательными квалификационными требованиями цензоров все чаще становились: высшее гуманитарное образование (МГУ, ЛГУ, МГИМО и др.), знание иностранных языков, основ искусствоведения, литературоведения и т. п. В материалах отчетов руководителей этих отделов, протоколах совещаний при начальнике Управления, на ежегодных всесоюзных и республиканских семинарах руководителей региональных органов цензуры и т. п. специальное внимание уделялось анализу качества работы цензоров (приводились цифры,

свидетельствовавшие о возросшем объеме работы, делались выводы об интенсификации труда, соответственно — о перегрузках и связанных с этим обстоятельством ошибках в деятельности сотрудников²²). Изредка, но появлялась такая квалификация ошибки, как «необоснованное вмешательство» (бдительность достигла предела), хотя чаще всего руководители говорили о недоработках цензоров, пропусках ими идеологически вредных материалов, важности персональной ответственности редакторов, необходимости повышения бдительности чиновников в меняющихся условиях обострившейся идеологической борьбы двух систем.

Последнее обстоятельство заметно повлияло на механизм взаимодействия чиновников второго и четвертого отделов Управления по охране государственных тайн в печати при СМ СССР. Сотрудники второго отдела, контролировавшие иностранную литературу, регулярно сообщали информацию, которая при случае могла быть использована как компрометирующая отечественную художественную интеллигенцию. Поводом служили: публикация произведений за рубежом, интервью в зарубежных СМИ, упоминание произведений данных художников в положительном контексте в научных и научно-популярных работах иностранных специалистов и др.²³ Так формировалось *мнение* об отдельных деятелях литературы и искусства как инакомыслящих, создавался образ *опасного* для общества и государства художника.

Используя переводную информацию, Главлит активно корректировал мнение власти, в первую очередь ЦК КПСС, о деятелях литературы и искусства, невзирая на авторитет мастера. В некоторых случаях данная информация служила дополнительным аргументом в обосновании уже принимаемых мер по ограничению творческой свободы того или иного художника, художественного или редакционного коллектива и т. п. Так, показательна ситуация вокруг цикла стихов А. Твардовского «По праву памяти». В этих и других событиях, происходивших в 1969—1970 годах, проявились многие только зарождавшиеся тенденции, которые стали типичными в культурном процессе *семидесятых*.

Так, еще 13 июля 1969 года П. К. Романов направил в ЦК КПСС справку о результатах предварительного контроля цикла стихов А. Твардовского «По праву памяти», представленного ре-

дакцией «Нового мира». Основные претензии Главного управления по охране государственных тайн в печати вполне симптоматичны для 1969 года: в упрек автору ставятся негативная оценка последствий политического режима Сталина и «беспочвенные» (по мнению чиновников) опасения по поводу возрождения сталинизма. Закономерен и вывод главного цензора: «...цикл А. Т. Твардовского, по нашему мнению, публиковать не следует»²⁴. Кажется бы, вопрос решен: произведение запрещено к печати.

Но с данного момента, и в этом особенности изучаемого периода, могла начаться, чаще всего и начиналась *другая жизнь* полемических, острых талантливых художественных произведений. Из документов следует, что 29 октября 1969 года П. Романов вновь обращается в ЦК КПСС по поводу этого же произведения А. Т. Твардовского. Из докладной записки становится известно, что литературный еженедельник «Фигаро литерэр» № 1222 за 20—26 октября 1969 года опубликовал статью В. Фости под названием «Его тоже цензуруют» с анализом и оценкой поэмы²⁵: «Резко антисталинская поэма Твардовского наполнена намеками не только на преступления Сталина и их последствия, но и на опасность ресталинизации, которая угрожает сегодня Советскому Союзу беспокоящим образом, будь то в форме исторических фальсификаций или возрождения некоторых методов»²⁶, из чего следовало и на что цензор обратил специальное внимание — «цикл стихов А. Твардовского попал за границу по незаконным каналам»²⁷. Это обстоятельство меняло многое, служило поводом для серьезного обвинения поэта.

С одной стороны, П. К. Романов действовал в соответствии с уже сформировавшейся линией власти по отношению к «Новому миру»²⁸, редакцию которого возглавлял А. Т. Твардовский. Неблагонадежный журнал, поддерживавший *антикультурные* настроения, консолидировавший определенную часть российской интеллигенции, находился на особом контроле — от КГБ до Главлита. Власти искали достойный повод сменить редактора и состав редакции. С другой стороны, ситуация не рядовая — стихи принадлежали перу самого главного редактора, автору знаменитого «Василия Теркина», члену КПСС, участнику Великой Отечественной войны. Кроме того, общественное мнение могло оценить этот поступок А. Т. Твардовского как шаг честного худож-

ника, принявшего идеи XX съезда КПСС и пытавшегося художественными средствами отстоять их в условиях реальной ресталинизации. В этих обстоятельствах свидетельство о публикации художественного произведения за рубежом (почти сотрудничество с иностранцами) — один из самых традиционных для власти и убедительных для советского общества аргументов неблагонадежности, политической близорукости художника и т. д. Тем более, что факт нелегальной передачи поэмы за границу подтверждал и председатель КГБ при СМ СССР Ю. В. Андропов, направивший также 24 ноября 1969 года в ЦК КПСС текст поэмы и статьи. Перекрестная информация, поступившая в ЦК КПСС, требовала принятия соответствующих мер, о которых сообщал заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Ю. Мелентьев 13 апреля 1970 года. А. Т. Твардовскому на заседании Секретариата Союза писателей СССР было «предложено определить свое отношение к факту публикации его поэмы в зарубежных изданиях»²⁹. 11 февраля 1970 года поэт-фронтовик публично, в «Литературной газете», выразил протест против нелегальной публикации его произведений за границей. Трудно судить об истинных мотивах такого поведения А. Т. Твардовского. Может быть, он рассматривал этот поступок как еще одну вынужденную уступку власти для сохранения того направления общественной мысли, которое представлял журнал «Новый мир»... Но прежний «Новый мир» скоро прекратил свое существование, а публичные заявления, признания, покаяния были восстановлены в практике партийного руководства советской литературой и искусством.

Анализ разного рода источников показал, что именно на рубеже 1969—1970 годов, в условиях менявшегося курса власти, выработывались основные модели поведения художественной интеллигенции 1970-х, когда реальностью становилась *другая жизнь* запрещенных на родине художественных произведений (с разрешения автора или без такового). Власть требовала от популярных авторов «тамиздата» публичной оценки действий иностранных издательств и выражения своего отношения к публикациям произведений в зарубежной или неофициальной отечественной печати.

В предлагаемых обстоятельствах писатели вели себя по-разному, разными были и мотивы поведения (от амбициозных до гуманистических, просветительских), каждый оказывался под дав-

лением самых различных факторов. По данным источников (от официальных до личного происхождения), почти каждый из будущих писателей-эмигрантов (В. Войнович, А. Бек, А. Галич, А. Гладилин, В. Аксенов, Г. Владимов и др.) какое-то время стремился остаться в пределах *легальной* отечественной культуры, так как практически все запрещенные цензурой художественные тексты были обращены, в первую очередь, к соотечественникам. Однако власть все жестче определяла границы допустимого в официальном искусстве и принимала меры по тематическому и жанровому ограничению творчества, в частности — литературного.

Показательна в этом смысле история В. Войновича в связи с его теперь знаменитым романом «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». 27 ноября 1969 года в ЦК КПСС поступила информация о публикации в журнале «Грани»³⁰ отрывка из этого романа («политически вредного содержания»³¹); также сообщалось дополнительное компрометировавшее В. Войновича обстоятельство — «в 1966 году подписал письмо в защиту пасквильантов Синявского и Даниэля». Реакция на такой *сигнал* была мгновенна и типична: распоряжение М. А. Сулова — члену ЦК КПСС П. Н. Демичеву и заведующему Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро разобраться. Это предполагало, что после *беседы* В. Войнович *покается, отречется и осудит*, однако потребовался почти год разъяснительной работы партийных органов, писательской организации с автором «Чонкина...», чтобы в «Литературной газете»³² появилось его письмо с протестом против публикации за рубежом отрывка из его незавершенного романа³³.

Другой писатель, также вынужденный эмигрировать, В. Некрасов вспоминал о мытарствах с очередной повестью и рассказывал, как долог путь от рукописи до журнала, как радостно слышать и видеть слова: «в набор». «...Набрали, дали почитать, а потом набор рассыпали. Есть такое странное слово, вернее действие — рассыпать набор. Вот и рассыпали <...> Потом другой журнал, опять то же самое, но <...> почти сразу же после сдачи рукописи на меня заведено очередное партийное дело, потом из партии исключили, и, само собой разумеется, ни о каком печатании не могло быть и речи», — объясняет он важнейшую причину выезда из страны³⁴.

Таким образом, власть вытесняла свободную мысль, *другое искусство* в пространство *андеграунда*, неофициальной культуры, где проходили квартирные выставки, домашние концерты, читали самиздат и все чаще «тамиздат»; неугодных художников власть высылала за границу.

Однако реалии художественной жизни в позднюю советскую эпоху все-таки отличались от предшествовавших десятилетий. Несмотря на усиление цензурного контроля, в пространстве официальной культуры 1960—70-х годов появлялись талантливые произведения, авторы которых вели разговор с современниками на самые сложные, злободневные темы. Это становилось возможным не только благодаря профессиональной честности редакторов (требовавшей большого гражданского мужества), но и особому языку художников. Речь идет об *эзоповом языке*.

Тема подтекста в качестве средства противостоять обстоятельствам и сохранить себя как художника, пытаясь выразить то, что нельзя выразить в условиях почти тотальной несвободы, пожалуй, основная в истории легальной оппозиции 1970-х — начала 1980-х годов. Если в конце 1960-х годов художественная интеллигенция еще не оставляла попытки высказываться откровенно, открыто, несмотря на то что ее материалы все чаще снимались с печати, то в начале 1970-х и позднее интеллигенция начинает прибегать к тактике недосказанности, намека, аллюзии, эзопову языку. Любопытны наблюдения И. Бродского: «Но, на мой взгляд... аппарат давления, цензуры, подавления оказывается — это парадоксально — полезным литературе. Дело в том, что лингвистические нормативы, установленные государством, превращают все население в читательскую массу. Для писателя это чрезвычайно выгодно, так как если писатель хочет выделиться, то в данном случае, он знает от чего отталкиваться; более того, если имеет место цензура — а в России цензура имеет место, дай Бог! — то человеку необходимо её обойти, то есть цензура невольно обуславливает ускорение метафорического языка. Человек, который говорил бы в нормальных условиях нормальным эзоповым языком, говорит эзоповым языком в третьей степени. Это замечательно, и за это нужно цензуру благодарить»³⁵.

С И. Бродским согласна И. П. Уварова, участница и исследовательница художественного процесса 1960—70-х годов, кото-

рая утверждает, что «эзопов язык рождается в условиях противостояния цензуре, в формах бархатной борьбы с нею, на попрание Эзопа сложилось особое художественное направление, метафоричное по своей природе, обогащенное намеками, тонко поданными условностями, усмешкой и сарказмом», и предлагает свою периодизацию истории советского послевоенного эзопова языка. И. П. Уварова справедливо считает А. Белинкова одним из родоначальников и непревзойденным мастером эзопова языка в советской литературе, в литературе 1970-х у него оказалось немало последователей. «Главное, — пишет И. П. Уварова, — было еще и в том, что читатели Белинкова представляли собой своеобразный “союз единомышленников”»³⁶.

Отношения «государственная цензура — художественная интеллигенция, пользующаяся эзоповым языком, — “свой” зритель, слушатель, читатель, понимающий этот язык», менялись на протяжении периода. Вряд ли можно говорить о готовности всего поколения шестидесятников, семидесятников к подобному взаимодействию. Не случайно у многих художников был небольшой, но устойчивый круг *своих* читателей. В целом этот прием формировал эстетический вкус, художественное чутье и у более широкой аудитории современников, понимавших иносказание в 1970-е годы. Отчасти это связано с просветительской работой самих художников³⁷.

Полагаем, что в целом цензура (редакторы, чиновники Главлита и др.) не была готова к сменившейся манере разговора. В этой ситуации почти закономерным стал выход книги Н. Я. Эйдельмана «Лунин», которую современники оценили как классику стиля³⁸. Однако появление в начале 1970-х в государственном издательстве «Политическая литература» в серии «Пламенные революционеры» книг А. Гладиллина, В. Аксенова, Б. Окуджавы³⁹ и других могло быть неслучайным⁴⁰.

Исторические параллели, ассоциации использовали для выражения собственного отношения к происходящему и художники. Так, например, творчество Татьяны Назаренко, которое официальное искусствоведение чаще всего рассматривало как проявление сурового стиля, нередко вызывало противоречивые оценки официальных органов, так как исторические метафоры автора (в таких картинах, как «Казнь народовольцев»,

«Пугачев» и др.) были опасно близки современным внутривосточным реалиям⁴¹.

Удивительно, как сама власть, с ее порой непредсказуемыми действиями, нередко меняла контекст звучания художественных произведений, обостряла слух, провоцировала двусмысленность их интерпретаций. Так, события внутренней и внешней политики СССР меняли прочтение пьесы Л. Зорина «Дион»⁴². Сам драматург вспоминал, как изменившаяся осенью 1968 года реакция зрителей послужила дополнительным поводом для исключения пьес «Дион» и «Варшавская мелодия» из репертуара Академического театра им. Евг. Вахтангова: «Могу засвидетельствовать: никогда “Дион” и “Варшавская мелодия” не вызывали такой отдачи, такого густого ответного жара, как в сентябре 68-го»⁴³.

Без всякого сомнения, эзопов язык усложнял задачи цензуры, требовал иного уровня подготовки, рождал принципиально иной тип цензора — умного профессионала, способного понять тип мышления автора, но, при этом, цинично защищавшего интересы государства, стоявшего на страже официальной идеологии. Например, докладывая о запрете на выход книги Н. Велиховой «Охлопков и театр улиц», ответственный чиновник сообщал о претензиях к автору: «В книге автор <...> пытается подвергнуть сомнению жизненность социалистического реализма, изображая его как регресс в искусстве; пропагандирует так называемое “левое” искусство, переоценивая влияние В. Мейерхольда на становление революционного театра»⁴⁴.

В 1970-е годы власть усваивала уроки эзопова языка, училась прочитывать скрытые смыслы, понимать намеки. Анализ цензорских текстов с указанием «идейно-политических ошибок, просчетов» показал, что, часто классифицируя *критические* художественные тексты как *идеологические диверсии*, государство (в лице Главлита) полностью отказывало художественной интеллигенции в праве *объективного* осмысления реальности. Так, в 1976 году редакция журнала «Наш современник» вынуждена была исключить из очередного номера рассказ В. Белова «Первый год (из дневника молодого врача)», т. к. автор, по мнению цензора, «нарисовал крайне неприглядную картину положения дел в наших психиатрических больницах: произвол врачей, непрофессиональное диагностирование; объявление здоровых людей пси-

хически ненормальными в случае незнания ими ответов на каверзные вопросы психиатров». Выводы чиновников отражали их бдительность и предусмотрительность: «...объективно этими рассуждениями автор вольно или невольно “подтверждал” разглашательства зарубежной пропаганды о том, что в наших психиатрических лечебных заведениях содержатся здоровые люди»⁴⁵.

Постепенно редакторы, цензоры научились видеть крамолу между строк. Иногда ситуация приобретала курьезный или трагикомический характер. С. Юрский вспоминал мытарства создателей спектакля по пьесе Рустама Ибрагимбекова «Похороны в Калифорнии» в 1982 году, которая сначала была разрешена к показу, а потом (тем более после похорон Л. И. Брежнева) запрещена с требованием: «Убрать все аллюзии»⁴⁶. С. Юрский и Г. Жженов ходили по чиновничьим кабинетам, пытались объяснить: «...это не про нас, мы же показываем ТО-ТА-ЛИ-ТАРНОЕ общество, у нас же с вами НЕ тоталитарное общество, ну, почему же вы принимаете это на свой счет? А нам отвечали: “Да ладно, вы же сами все понимаете... Если честно, то... бросьте вы это дело! Забудьте! Вам же легче будет”»⁴⁷.

Важно, что власть пыталась понять эзопов язык почти легальной оппозиции и так же, как «свой» зритель, спешила в театр, на выставки и т. д. И. П. Уварова, определяя театр на Таганке как некий «магнетический центр», собирающий «своих», вспоминала, что «другой Эзоп» тоже спешил в авторитетный театр⁴⁸. Действительно, рассматривая творчество честных художников в качестве своеобразного барометра общественного настроения, *умная власть*, точнее — ее немногие представители, использовала этот весьма специфический канал информации в своих интересах.

Таким образом, эзопов язык стал языком либеральной интеллигенции, неортодоксальные публикации иногда проникали в официальную печать, с театральных подмостков порой звучали реплики, ускользнувшие от внимания цензуры, на семинарах официальных литературных объединений нередко высказывались смелые, независимые суждения. В некоторых государственных учреждениях проводились выставки художников-нонконформистов, выступления отлученных от официальной сцены бардов и поэтов, стихи которых не допускались к печати. Разделяя во многом мнение В. Долинина и Д. Северюхина о возможности подлинной свободы слова, мысли и

творчества только вне контролируемых партийной властью государственных структур, все-таки нельзя не оценить уникального значения художественных произведений, созданных с использованием эзопова языка, для российского общества того времени⁴⁹.

Но власть, заботясь об идеологической стерильности своих граждан, стремилась убрать из официальной культуры всякий намек на присутствие проблем, тем более конфликта в жизни советского общества. Однако то, что конфликт не хотели замечать, не означало его отсутствия. Более того, Главлит, как одно из звеньев власти, проводя подобную политику, лишал власть истинной информации о состоянии общества, не давал ей возможности вести диалог с умной легальной оппозицией.

Проанализированные обстоятельства не оказали решающего влияния на процессы нравственно-интеллектуального «взросления» советского общества в целом — для большинства граждан обозначенные коллизии культурного развития остались неизвестными или малозначащими. Результатом этого стала имеющая и сегодня место неготовность значительной части общества понять и принять произошедшие перемены.

Р. С. Сегодня мы становимся свидетелями масштабной ремифологизации *семидесятых* как золотого века социализма и это оказывает серьезное влияние на современный политический выбор. Абсолютно ли верен этот выбор?..

Примечания

¹ *Зорин Л.* Зеленые тетради. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 91—92.

² *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР, 1917—1991. М., 2002 ; История советской политической цензуры : документы и комментарии / отв. сост. Т. М. Горяева ; вступ. ст. Т. М. Горяевой. М., 1997 ; *Блюм А. В.* Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929—1953. СПб., 2000 ; *Он же.* Цензура в СССР : документы 1917—1991. Бохум, 1999 ; *Он же.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917—1991: индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003 ; *Он же.* За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры. СПб., 1994 и др. ; *Уварова И. П.* Место эзопова языка в системе общения интеллигенции и власти // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. СПб., 2001 ; *Loseff L.* On the Beneficence of Censorship Aesopian Language in Modern Russian Litera-

- ture. Munchen, 1984 ; Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000 и др.
- ³ Горяева Т. М. Указ. соч. С. 7.
- ⁴ См.: Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора.
- ⁵ Там же. С. 10.
- ⁶ Горяева Т. М. Указ. соч. С. 327.
- ⁷ Романов Павел Константинович (1912—1992) в 1938 г. окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта; в 1941 г. — Высшую партийную школу при ЦК ВКП (б). С 06.03.1957 г. — начальник Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при СМ СССР; с 1963 г. — председатель Государственного Комитета СМ СССР по печати; с октября 1965 г. — первый заместитель Председателя Комитета по делам печати при СМ СССР; с августа 1966 г. — начальник Главного Управления по охране государственных тайн в печати при СМ СССР. С июля 1986 г. — персональный пенсионер союзного значения.
- ⁸ История советской политической цензуры : документы и комментарии. С. 190.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Горяева Т. М. Указ. соч. С. 338—341.
- ¹¹ Иванов Б. Эволюция литературных движений в пятидесятые — восьмидесятые годы // История ленинградской неподцензурной литературы, 1950—1980-е годы : сб. ст. СПб., 2000. С. 22.
- ¹² См. об этом: Уварова И. П. Указ. соч. С. 312.
- ¹³ Матусевич В. А. Записки советского редактора. М., 2000. С. 58, 59.
- ¹⁴ Малыгина Елена Ивановна, 1927 года рождения, русская, член КПСС, член СП СССР, долгое время работала старшим редактором Государственного издательства «Художественная литература».
- ¹⁵ Информация КГБ при СМ СССР об антипартийной и антисоветской деятельности группы советских граждан и литераторов (1975 г.) // Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5 (фонд отдела культуры ЦК КПСС). Оп. 68. Д. 2232. Л. 5.
- ¹⁶ Там же. Л. 2—6.
- ¹⁷ Там же. Оп. 63. Д. 143. Л. 120 (120—126).
- ¹⁸ Там же. Оп. 73. Д. 422. Л. 9. Но именно такая цензура обеспечила одинаковость = серость официальной художественной конъюнктуры, что испугало даже власть (см.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 62).
- ¹⁹ 15 октября 1975 г., после очередного обращения П. К. Романова, в ЦК КПСС было принято решение: «Мероприятия по сокращению штатов не проводить» (см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 413. Л. 27 (25—27)).
- ²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 287. Л. 1—6.

- ²¹ В зависимости от объема решаемых задач определялось количество сотрудников. Так, в 4-м отделе в 1972 г. работали 47 сотрудников, из них: начальник управления — 1, заместитель — 2, начальник отдела — 2; старший редактор — 23, редактор — 18; старший инспектор — 1. В отчете 2-го отдела обращено внимание на высшее гуманитарное образование всех 26 сотрудников. В составе отдела: начальник — 1, зам. начальника отдела — 1, ст. цензор — 9, цензор — 13. В связи с тем, что за несколько лет объем контролируемых материалов возрос в 1,5 раза, в мае 1974 г. штатная численность редакторов органов цензуры увеличилась на 56 единиц, в т. ч. на 36 — в центральном аппарате (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 413. Л. 27).
- ²² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9425 (фонд Главного управления по охране государственных тайн в печати). Оп. 1 (ч. 2). Д. 1221. Л. 52—73 ; Л. 125, 79, 7 (Годовой отчет за 1972 год).
- ²³ Так, в 1968 г. П. К. Романов направил в ЦК КПСС перевод статьи Л. Копелева «О реставрации сталинизма», опубликованной в югославской еженедельной газете «НИН» 18 февраля 1968 г.; в 1971 г. — информацию о том, что «японская буржуазная газета “Джапан тайме” 11 сентября 1971 года в своем еженедельном приложении “Джапан тайме уикли” поместила предоставленную информационной службой “Тайме пресс сервис” статью С. Джэкоби и Э. Астрахана “Подпольные художники Советского Союза”» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 151. Л. 73—75); в ноябре 1979 г. — материалы из зарубежной прессы, касающиеся творчества писателя Ю. Трифонова (в частности, статью П. Кенеца «Россия Трифонова» в журнале «Нью лидер», номер за 10 сентября 1979 г.) (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 286. Л. 6—12); в декабре 1979 г. — «Воспоминания трех советских писателей по поводу дня рождения Сталина» из газеты «Нью-Йорк Таймс» от 16 декабря 1979 г. с изложением интервью московского корреспондента этой газеты К. Уитни с Ю. Трифоновым, Б. Окуджавой, В. Аксеновым (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 190. Л. 2—7); в 1980 г. — перевод статьи Д. Котник «Долой из матери-России» из газеты «Джорно» (Италия, Милан) от 30 июля 1980 г. о встрече автора с В. Аксеновым (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 190. Л. 94) и т. д.
- ²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 155 (ролик 5855). Л. 256.
- ²⁵ Тексты статьи и перевода прилагались.
- ²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 155 (ролик 5855). Л. 277.
- ²⁷ Там же. Л. 273.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1 (ч. 2). Д. 1241. Л. 40, 45.
- ²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 155 (ролик 5855). Л. 403.
- ³⁰ Грани. 1969. № 72; журнал прилагался. Журнал основан в июле 1946 г. членом руководства Народно-трудового союза Е. Р. Романо-

- вым. До 1991 г. издавался во Франкфурте-на-Майне, затем редакция переехала в Москву.
- ³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 155 (ролик 5855). Л. 404.
- ³² Литературная газета. 1970. 14 окт.
- ³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 155 (ролик 5855). Л. 407.
- ³⁴ Некрасов В. П. Записки зеваки. М.: Вагриус, 2003. С. 44—45.
- ³⁵ Иосиф Бродский : большая книга интервью. М., 2000. С. 53. При этом Л. Лосев обращает внимание, что «эзопов язык и как литературный стиль, и как форма общественного поведения был неприемлем» для самого И. Бродского (*Лосев Л. В. Иосиф Бродский : опыт литературной биографии.* М., 2008. С. 129).
- ³⁶ Уварова И. П. Указ. соч. С. 307, 311, 321.
- ³⁷ Об этом см.: *Юрский С. Ю. Игра в жизнь.* М., 2002. С. 107—108.
- ³⁸ Эйдельман Н. Я. Лунин. М., 1970. (Жизнь замечательных людей). Книга о Луине — «не самом эмблемном декабристе», заказанная Ю. Коротковым, тогдашним заведующим ЖЗЛ, писалась в 1968-м — «пражская весна» и танки в августе («снова наша не взяла...»), а вышла летом 1970-го — тиражом 65 тысяч. В «Лунине» была реализована «сверхзадача». Эйдельман не только доказал необходимость для власти и естественность существования в обществе *легальной* оппозиции, но, по мнению А. Л. Осповата, и сам принадлежал к этой «легальной оппозиции» (Семидесятые как предмет истории русской культуры / сост. К. Ю. Рогов. М., 1998. С. 15—17).
- ³⁹ *Гладилин А. Т. Евангелие от Робеспьера : повесть о великом французском революционере.* М., 1970 ; *Окуджава Б. Ш. Глоток свободы : повесть о П. Пестеле.* М., 1971 ; *Аксенов В. П. Любовь к электричеству : повесть о Леониде Красине.* М., 1974.
- ⁴⁰ Не исключен и дерзкий замысел руководителей редакции, которые пригласили к созданию серии «Пламенные революционеры» таких авторов, как В. Аксенов, А. Гладилин, Б. Окуджава (передача по телеканалу «Культура» 22 августа 2005 г., посвященная 70-летию А. Гладилина).
- ⁴¹ *Боссарт А. Таня в горьком шоколаде : одиночество художника, чья живопись набита людьми // Новая газета.* 2004. № 44. С. 22 ; *Езерская Б. Интервью с Татьяной Назаренко // Чайка.* 2003. № 6. URL: <http://www.chayka.org/contents.php?issue=6> ; и др.
- ⁴² Уварова И. П. Указ. соч. С. 316—317.
- ⁴³ *Зорин Л. Зеленые тетради.* С. 80—83.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1 (ч. 2). Д. 1289. Л. 160.
- ⁴⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 422. Л. 8, 9.
- ⁴⁶ *Юрский С. Ю. Игра в жизнь.* М., 2002. С. 283.
- ⁴⁷ Там же. С. 286.
- ⁴⁸ Уварова И. П. Указ. соч. С. 316.

⁴⁹ *Долинин В., Северюхин Д.* Преодоление немоты : ленинградский самиздат в контексте независимого культурного движения, 1953—1991. СПб., 2003.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.1:63.3(2)-362

А. А. Пронин

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Полноценное изучение российской эмиграции на ее родине началось лишь в последние годы XX в. Одновременно с увеличением объема знаний об эмиграции, ростом количества посвященных ей научных исследований развивается и историописание ее изучения.

Чисто историографических работ на сегодняшний день существует немного; первые из них вышли во второй половине 1990-х гг. Основная часть историографии эмиграции представлена обзорами литературы, включенными в диссертации и монографии и характеризующими степень изученности той или иной проблемы.

В этих обзорах (и иных работах историографического характера) можно выделить несколько групп рассматриваемых вопросов.

Первый из них — периодизация истории изучения эмиграции из России.

Как пишет Н. Н. Аблажей, в исторической науке сложились и на протяжении семи десятилетий обособленно развивались зарубежная, эмигрантская и советская традиции изучения истории и культуры российской эмиграции. Существовавшая длительное время конфронтация между эмигрантской и советской историо-

© Пронин А. А., 2010

Пронин Александр Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры правового и документационного обеспечения управления Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург). postdoc@k66.ru.

графией была обусловлена идеологическими расхождениями, предопределившими разницу в исследовательских подходах, проблематике и привлекаемой источниковой базе¹.

И. В. Чубыкин выделяет три периода в процессе формирования отечественной историографии эмиграции: 1920-е гг., 1970—80-е гг. и с начала 1990-х гг. до наших дней².

Мысль о том, что изучение послереволюционной эмиграции в 1920-х — начале 1930-х гг. в России было приспособлено для решения задач политической борьбы и основывалось на теоретическом наследии В. И. Ленина, анализирувавшего исторические факты, события, явления и процессы с позиции классового подхода, впервые прозвучала в защищенных в 1982 г. докторских диссертациях Г. Ф. Барихновского и Л. К. Шкаренкова³ и получила признание в 1990-е гг.⁴ (приверженность ленинской концепции осталась методологическим постулатом диссертаций самих Г. Ф. Барихновского и Л. К. Шкаренкова).

Историками отмечается, что с середины 1930-х гг., когда главной задачей было признано не изучение, а уничтожение идейных противников (постановление ЦК ВКП (б) «О пропагандистской работе в ближайшее время» от 14 июня 1935 г.), по 1960-е гг. появление работ о российской эмиграции на ее родине стало практически невозможным⁵.

В 1960-е гг. публикуются воспоминания бывших эмигрантов, вернувшихся в СССР после Второй мировой войны (Б. Н. Александровского, А. Н. Вертинского, Л. Д. Любимова, Д. И. Мейснера, П. А. Оболенского, П. П. Шостаковского), в связи с чем некоторые исследователи выделяют это десятилетие в качестве самостоятельного этапа в осмыслении эмиграции⁶. Издание этой мемуаристики Н. Н. Аблажей, Л. И. Еременко объясняют ослаблением идеологического пресса в годы хрущевской «оттепели»⁷. Им оппонирует О. В. Ратушняк, говоря о том, что «оттепель», скорее всего, явилась толчком к возвращению эмигрантов, а опубликование их работ приходится на новый период «холодной войны», связанный с обострением международной обстановки в результате берлинского и карибского кризисов, в связи с чем публикуемые свидетельства были призваны подтвердить крах контрреволюции и несостоятельность буржуазной идеологии⁸. Поэтому правильнее будет (и эта точка зрения разде-

ляется нами) оценивать данный этап лишь как пролог к появлению в 1970-е гг. первых после 40-летнего перерыва тематических публикаций советских историков о политической, научной и культурной жизни российской диаспоры, назначением которых стало научное обеспечение нового витка международной политико-идеологической борьбы.

Как замечает А. В. Суптело⁹, важной вехой в постановке истории российского зарубежья на уровень проблемного изучения стала публикация в 1970 г. (к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина) коллективной монографии «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России», авторы которой, обобщая результаты изучения политических партий, пришли к выводу, что в исторической литературе еще «слабо раскрыта контрреволюционная деятельность и гибель главных буржуазных партий»¹⁰. В решении этой проблемы невозможно было обойти вопрос о российской эмиграции. Выход в свет книг Г. Ф. Барихновского, Г. З. Иоффе, В. В. Комина, Л. М. Спирина, И. Я. Трифонова, С. А. Федюкина, призванных способствовать достижению вышеозначенной цели, О. А. Грибенчиковой, О. Ю. Олейником справедливо расценивается как начало второго этапа историографии эмиграции из России¹¹. Этот период продоллся до середины 1980-х гг. Вышедшие в предпоследнем десятилетии XX в. работы А. Л. Афанасьева, Ю. В. Мухачева, В. В. Сониной, Л. К. Шкаренкова в концептуальном отношении унаследовали подходы и оценки предшествующего десятилетия, что признается многими историографами темы¹². Вместе с тем оговаривается, что при всей неоднозначности работ советских историков в 1970—80-е гг. именно в них отечественные ученые впервые попытались подойти к явлению российской послереволюционной эмиграции как таковому¹³. Относительная аналитическая слабость упомянутых исследований, помимо факторов, далеких от науки, объясняется слабой разработкой проблемы в предыдущие годы¹⁴.

Главная особенность отечественной историографии первых двух этапов емко сформулирована С. В. Онегиной: историю российской эмиграции полагалось изучать как часть общей темы «История борьбы с контрреволюцией и буржуазной идеологией»¹⁵.

Современный этап историографии, начавшийся на рубеже 1980—90-х гг., связывается с изменениями в общественно-политической обстановке в стране во второй половине 1980-х гг.¹⁶ Работы этого периода отличаются разносторонним, достаточно взвешенным подходом к исследованиям истории российской эмиграции, свободным от методологических догм. Ученые отмечают выделение основных направлений исследовательского поиска, дифференциацию предметов изучения¹⁷. Констатируется, что анализ проблем эмиграции в России именно в эти годы приобретает действительно научный статус¹⁸.

В первое десятилетие XXI в. в литературе прочно укореняется обобщенное деление отечественной историографии российского зарубежья на два периода — советский и постсоветский без их разделения на этапы¹⁹.

Относительно трудов иностранных авторов и самих эмигрантов историографы пишут, что на Западе и в эмигрантской среде изучение российской диаспоры началось в 1920-е гг. Периодизации этих ветвей историографии в российской научной литературе 1990-х — начала 2000-х гг. не появилось. На наш взгляд, это обусловлено совокупной немногочисленностью зарубежно-эмигрантских трудов, их неравномерным появлением в разных странах. Как отметил германский исследователь Леонид Люкс, эмигранты «были рассеяны по многим странам и в высшей степени разобщены политически», что делает их письменное наследие «почти необозримым». Этим объясняется то, что на Западе «до сих пор была детально исследована лишь часть всех аспектов проблемы»²⁰.

Замечено, что для авторов-эмигрантов характерно обращение к одному кругу вопросов — культурной и политической жизни российского зарубежья, при этом наиболее детально исследовано сменовеховство и евразийство, т. е. течения, чьи идеи вызвали в изгнании оживленные споры²¹. В то же время, как пишет Т. П. Тетеревлева, зарубежные историки при изучении российской послереволюционной эмиграции опирались на сложившиеся традиции изучения миграций, т. е. рассматривали ее в контексте мировых миграционных процессов²².

Политические изменения в СССР в конце 1980-х гг. способствовали сближению и взаимопроникновению различных на-

учных течений, и в 1990-е гг. активно протекает процесс становления единой историографии российского зарубежья²³.

Вторая группа затронутых историографами вопросов имеет постановочный, теоретико-методологический характер и обращена не к истории науки, а к ее будущему.

Задачи изучения истории российского зарубежья были сформулированы 12 января 1993 г. на заседании «круглого стола» в Институте российской истории РАН М. Г. Вандалковской, Г. В. Мелиховым, Т. Ф. Павловой, Ю. А. Поляковым, В. М. Селунской, Г. Я. Тарле, Л. К. Шкаренковым и др.²⁴ Ряд концептуальных подходов к изучению российской интеллигенции рассеяния и методологический инструментарий были предложены в середине 1990-х гг. А. В. Квакиным²⁵ и В. Г. Михалевым²⁶. Выработка методологии изучения истории адаптации различных категорий российских эмигрантов в регионах мира стала основной задачей сборника, подготовленного в 1996 г. Институтом российской истории РАН²⁷. Первым шагом в анализе литературы, затрагивающей вопросы истории адаптации российских эмигрантов, стала статья В. М. Селунской²⁸. Состояние и направления изучения истории российского зарубежья в 1990-е гг. были обозначены Е. И. Пивоваром, Е. И. Алдуховой, В. Ф. Ершовым²⁹, З. С. Бочаровой³⁰.

Третья группа работ довольно многочисленна. Это труды, показывающие историю изучения пребывания российской эмиграции в том или ином регионе исхода. Большая их часть касается эмиграции первой послеоктябрьской волны.

Так, историографический комплекс отечественных и иностранных исследований, раскрывающих отдельные аспекты истории российской торгово-экономической эмиграции и ее институциональных структур во Франции в межвоенный период, рассматривается в работе Д. М. Серegiной³¹. Зарубежная историография российской эмиграции в Германии с конца XIX в. до конца 1930-х гг. представлена М. В. Филипповой³². Историография деятельности российской артистической эмиграции в славянских странах (Болгарии, Чехословакии, Югославии) в 1918—1939 гг. изложена в диссертации О. И. Марар³³. Обзор отечественных и эмигрантских исследований различных аспектов культурно-просветительской и научно-просветительской деятельности российской эмиграции в Югославии межвоенного периода сделан

Г. Н. Сафроновой³⁴. История изучения русских национальных меньшинств в Прибалтике в межвоенный период рассказана Е. В. Калининченкой³⁵. Отечественная и зарубежная историография XIX—XXI вв., посвященная эмиграции немцев Поволжья в Америку в 70-е гг. XIX в., рассмотрена Е. В. Ананян³⁶. Степень разработанности темы «Деятельность общин американцев русского происхождения на Тихоокеанском побережье Северной Америки и на Гавайских островах. 1867—1980-е гг.» показана А. А. Хисамутдиновым³⁷. Обзор наиболее крупных и значимых публикаций отечественных и зарубежных исследований, касающихся положения российской диаспоры разных лет рассеяния в Латинской Америке, предпринят С. В. Подрезом³⁸. Анализ исследовательской работы по теме «русские эмигранты в Африке» сделан Б. М. Гореликом³⁹ и В. И. Рябовой⁴⁰.

С середины 1990-х гг. наблюдается значительное проявление исследовательского интереса к истории и, соответственно, историографии эмиграции из восточных регионов России, относящейся опять же к первой постреволюционной волне. Отечественная, эмигрантская, китайская и западная историографии проблемы пребывания российской диаспоры первой послеоктябрьской волны в Китае рассматриваются в работах Н. Н. Аблажей, Н. Е. Абловой, Е. Е. Аурилине, И. А. Батожок, А. И. Букреева, Л. Ф. Говердовской, М. Л. Дубаева, Э. В. Ермаковой, Н. В. Куликовой, Г. И. Мальшенко, Т. В. Ревякиной, С. В. Смирнова, К. В. Фомина. Историография деятельности русской православной миссии в Китае в XVIII—XX вв., включая китайскую и западную литературу, анализируется в диссертациях С. Г. Андреевой⁴¹ и С. А. Шубиной⁴².

В ряде историографических обзоров рассматривается научная литература, посвященная деятельности эмигрантских объединений, социальных групп и институциональных структур (четвертая группа изученных нами обзоров).

Так, А. М. Бегиловым, В. Ф. Ершовым, Я. В. Шабановым сделаны обзоры отечественной и эмигрантско-зарубежной литературы о российской военной эмиграции 1920—1945 гг.⁴³ Освещение темы периодической печати российского военного зарубежья 1920—30-х гг. в отечественной и эмигрантской историографии показано И. С. Шинкаруком⁴⁴. Историография жизни казачества в эмиграции рассмотрена О. В. Ратушняк и А. Л. Худоб-

родовым⁴⁵. История изучения молодежных организаций в эмиграции первой послеоктябрьской волны изложена М. А. Сурайкиным⁴⁶. Литература по теме возникновения и деятельности российских эмигрантских студенческих союзов представлена К. В. Бирюковой⁴⁷. Круг исследовательской литературы, посвященной истории Русского студенческого христианского движения, очерчен в диссертации А. Л. Гуревича⁴⁸. Изучение отечественными и эмигрантскими историками темы формирования и деятельности национальных образовательных центров в российском зарубежье в 1920-е гг. показано А. В. Суриным⁴⁹. М. Г. Гришунькиной исследуется литература по теме российской юридической эмиграции 1920—30-х гг.⁵⁰ В обзоре отечественных и зарубежных публикаций, предпринятом М. М. Кононовой, описано изучение деятельности русских дипломатов и дипломатических представительств в эмиграции 1920-х гг.⁵¹ Все больше трудов не только исторического, но и историографического плана затрагивают деятельность русских духовных миссий⁵² и Русской православной церкви за границей⁵³.

В докладах Межгосударственной научно-теоретической конференции, организованной Проблемным советом и межвузовским центром РФ «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества» и посвященной Владимиру Тихоновичу Ермакову и Варлену Львовичу Соскину (Иваново, 20—21 сентября 1995 г.), отражена тема «Интеллигенция российского зарубежья в отечественной и зарубежной историографии».

В 1995—2005 гг. одновременно с ростом количества антропоцентричных исторических исследований набирает силу «персоналистское» направление историографии. (Эта литература выделена нами в пятую группу.) Авторами диссертаций показаны история изучения взглядов Н. А. Бердяева (включая эмигрантский период жизни) на природу российской цивилизации, история осмысления научного творчества П. М. Бицилли; сделан анализ научной литературы, посвященной различным аспектам жизни и творчества Г. В. Вернадского, Вяч. Иванова, А. В. Карташева, А. А. Кизеветтера, П. Н. Кондакова, Е. К. Миллера; изложена историография взглядов А. И. Деникина и политической борьбы вокруг его «Очерков русской смуты», историография общественно-политической и научной деятельности в эмиграции П. Н. Ми-

люкова, С. Н. Прокоповича, П. Н. Савицкого, П. А. Сорокина, взглядов в эмиграции П. Б. Струве и Н. С. Тимашева, созданного в эмиграции творческого наследия Г. П. Федотова и Е. Ф. Шмурло; представлена история изучения русской медиевистики в эмиграции (И. П. Карсавин, П. М. Бицилли, Н. П. Оттокар), научно-педагогической деятельности русских историков-эмигрантов в США, история изучения экспедиций Н. К. Рериха в период его эмиграции. В 2005 г. вышла работа В. И. Цепиловой по проблемам изучения исторической мысли российского зарубежья⁵⁴.

А. В. Квакиным в 1981 г., А. В. Антощенко, А. В. Байловым, И. В. Вилента, С. В. Горячей, К. Г. Малыхиным и А. В. Самохиным в 1996—2004 гг. были подготовлены обзоры отечественной, эмигрантской и зарубежной литературы, посвященной эмигрантским течениям «евразийство» и «сменовеховство», выявлены черты и особенности их изучения на разных этапах (шестая группа рассматриваемых в историографии вопросов)⁵⁵.

Нетрудно заметить, что почти вся перечисленная историография имеет объектом своего исследования историю первой послеоктябрьской волны. Особенности ее изучения в СССР на разных этапах его истории впервые были сформулированы в 1982 г. Г. Ф. Барихновским⁵⁶. Послеоктябрьской эмиграции посвящены и обзоры литературы, содержащиеся в докторских диссертациях З. С. Бочаровой (о социально-правовой адаптации российской эмиграции 1920—30-х гг.⁵⁷) и Е. Г. Кривошеевой. Последней дан анализ литературы по истории российской послереволюционной эмиграции накануне и в период Второй мировой войны, показана степень изучения отдельных аспектов данной темы, в частности участия российской эмиграции в войне на стороне фашистов и во власовском движении⁵⁸.

Обзоров литературы об эмиграции из России до 1917 г. немного. Те из них, что появились в 1980-е гг., обобщают исследования главным образом эмиграции революционной. Так, А. С. Соколовым в 1985 г. обобщена советская (1930—70-х гг.) и англоамериканская историография пребывания в Америке в 80—90-е гг. XIX в. российских революционеров⁵⁹. А. А. Сундиевой в 1984 г. представлена историография народовольческой эмиграции конца XIX в.⁶⁰ Р. А. Дайирбековой в 1986 г. подготовлен обзор трудов болгарских, русских и советских авторов по истории

российской политической эмиграции в Болгарии на рубеже XIX—XX вв.⁶¹ В 2005 г. Л. Ю. Гусманом рассмотрена историография XIX—XX вв., посвященная российской либерально-конституционалистской эмиграции 1840—60-х гг.⁶² В историографических обзорах Д. О. Куприна (2000 г.) и Н. Л. Тудоряну (1988 г.) сделан анализ литературы, посвященной дореволюционной трудовой эмиграции из России⁶³.

В последние годы стали публиковаться работы по историографии второй послеоктябрьской волны⁶⁴.

Историография третьей и четвертой волн эмиграции пока не сложилась ввиду отсутствия (или незначительного количества) исторических исследований соответствующей тематики.

Как видим, чисто историографических работ на сегодняшний день существует немного. Историография российской эмиграции находится в стадии своего становления. Ввиду отсутствия исторических трудов, посвященных третьей и четвертой волнам послеоктябрьской эмиграции, историографы сосредоточились на первой послеоктябрьской волне, оказавшейся наиболее интересной в историческом отношении, а также эмиграции дореволюционной (главным образом политической). Среди рассмотренных историографами вопросов — периодизация и методология истории изучения эмиграции из России, история изучения пребывания российской эмиграции в регионах исхода, деятельность эмигрантских объединений, социальных групп и институциональных структур. Набирает силу «персоналистское» направление историографии. Все это свидетельствует о том, что накопленное исследователями конкретно-историческое знание, отражением которого являются названные работы, обретает зримую проблемно-тематическую структуру. Вероятно, накопленный материал сам диктует логику своей организации, и этим можно объяснить совпадение ряда тем, вынесенных в оглавление наших книг по историографии российской эмиграции, опубликованных в 2000—2002 гг.⁶⁵, и сборника статей «История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX—XX в.)», подготовленного Институтом российской истории РАН в 2004 г.⁶⁶ В обоих случаях в центре внимания авторов оказались проблемы адаптации российской эмиграции,

историография издательской и педагогической деятельности эмигрантов, российское православное зарубежье.

Примечания

- ¹ *Аблажей Н. Н.* Эмиграция из восточных районов России в 1920—1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997. С. 3.
- ² *Чубыкин И. В.* Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 1—2.
- ³ *Барихновский Г. Ф.* Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции в 1921—1925 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1982. С. 8—12 ; *Шкаренков Л. К.* Белая эмиграция: эволюция и крах, 1917—1945 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. С. 8—22.
- ⁴ См., напр.: *Исаев Ю. Н.* Участие российской эмиграции во Второй мировой войне : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 1999. С. 4 ; *Шабанов Я. В.* Российское зарубежье и фашизм в Европе в 1920—1930-х гг. : по материалам Русского общевойскового союза : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 2 ; и др.
- ⁵ См.: *Бегидов А. М.* Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920—30-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 6 ; *Исаев Ю. Н.* Участие российской эмиграции во Второй мировой войне. С. 5 ; *Кривошеева Е. Г.* Пореволуционное эмигрантское течение «евразийство» (1921—1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 6 ; *Ратушняк О. В.* Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920—1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1996. С. 8 ; *Савченко А. И.* Пресса российской политической эмиграции в конце XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 7 ; *Тетеревлева Т. П.* Северная российская эмиграция: генезис и адаптационные процессы, 1918—1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1997. С. 6.
- ⁶ См.: *Аурилене Е. Е.* Российская эмиграция в Маньчжурии в 30—40-е годы XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1996. С. 5 ; *Ершов В. Ф.* Российская военная эмиграция в 1921—1939 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 5 ; *Ратушняк О. В.* Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920—1939 гг.). С. 8 ; *Худобородов А. Л.* Российское казачество в эмиграции (1920—1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 9—10.
- ⁷ *Аблажей Н. Н.* Эмиграция из восточных районов России... С. 4 ; *Ерменко Л. И.* Русская эмиграция как социально-культурный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. С. 6.

- ⁸ *Ратушняк О. В.* Донское и кубанское казачество в эмиграции... С. 8.
- ⁹ *Суптело А. В.* Идеиная борьба в либерально-буржуазной эмиграции по вопросам политического объединения русского зарубежья (1920—1930 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. С. 7.
- ¹⁰ Цит. по: Там же. С. 7.
- ¹¹ *Грибенчикова О. А.* Российское предпринимательство в эмиграции (1918—1929 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 3 ; *Олейник О. Ю.* Интеллигенция и отечество: проблема патриотизма в советском обществе и российском зарубежье в 30-е годы XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1998. С. 27.
- ¹² *Аурилене Е. Е.* Российская эмиграция в Маньчжурии... С. 7 ; *Лисенкова Л. Н.* Политические деятели российской эмиграции об альтернативах революции 1917 года : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 5 ; *Олейник О. Ю.* Интеллигенция и отечество: проблема патриотизма в советском обществе и российском зарубежье в 30-е годы XX века. С. 27 ; *Ратушняк О. В.* Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920—1939 гг.). С. 9 ; *Тетеревлева Т. П.* Северная российская эмиграция: генезис и адаптационные процессы, 1918—1930-е гг. С. 6 ; *Худобородов А. Л.* Российское казачество в эмиграции (1920—1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы. С. 10.
- ¹³ *Сперкач А. И.* Кадетская эмиграция в Германии (1920—1931 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 5.
- ¹⁴ *Олейник О. Ю.* Интеллигенция и отечество: проблема патриотизма в советском обществе и российском зарубежье в 30-е годы XX века. С. 27 ; *Сперкач А. И.* Кадетская эмиграция в Германии... С. 5.
- ¹⁵ *Онегина С. В.* Пореволуционные политические движения российской эмиграции 1925—1945 гг. : варианты российской государственной доктрины : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 2.
- ¹⁶ *Суптело А. В.* Идеиная борьба в либерально-буржуазной эмиграции по вопросам политического объединения русского зарубежья (1920—1930 гг.). С. 9—10.
- ¹⁷ *Бегидов А. М.* Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920—30-е годы. С. 10 ; *Филитпова М. В.* Российская эмиграция в культурной жизни Германии в 1920—1933 гг. : живопись и театр : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2001. С. 8.
- ¹⁸ *Галич Ж. В.* Дискуссия в ВКП (б) второй половины двадцатых годов и русская политическая эмиграция : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1995. С. 11.

- ¹⁹ *Аурилене Е. Е.* Российская эмиграция в Китае (1920—1950-е гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Хабаровск, 2004. С. 16 ; *Куликова Н. В.* Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае (1917—1931 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005. С. 4 ; *Мальшиенко Г. И.* Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001. С. 3 ; *Марар О. И.* История российской артистической эмиграции в славянских странах, 1918—1939 гг. : (Чехословакия, Югославия, Болгария) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С. 5 ; *Ревякина Т. В.* Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае (начало 1920 — середина 1940-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 12—13.
- ²⁰ *Люкс Л.* К вопросу об истории идейного развития «первой» русской эмиграции // *Вопр. философии.* 1992. № 9. С. 159—160.
- ²¹ *Аблажей Н. Н.* Эмиграция из восточных районов России в 1920—1930-е гг. С. 4 ; *Лисенкова Л. Н.* Политические деятели российской эмиграции об альтернативах революции 1917 года. С. 10—11.
- ²² *Тетеревлева Т. П.* Северная российская эмиграция: генезис и адаптационные процессы, 1918—1930-е гг. С. 8.
- ²³ *Аблажей Н. Н.* Эмиграция из восточных районов России в 1920—1930-е гг. С. 3.
- ²⁴ См.: *Проблемы изучения истории российского зарубежья* : сб. ст. / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1993.
- ²⁵ *Квакин А. В.* Изучение истории российской интеллигенции рассеяния: современные проблемы // *Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции* : межвуз. респ. сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново, 1996. С. 61—71 ; *Квакин А. В.* Исход российской интеллигенции: проблемы изучения // *Интеллигенция России: уроки истории и современность* : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново, 1996. С. 32—39 ; *Квакин А. В.* Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: некоторые проблемы изучения // *Российская интеллигенция на историческом переломе (первая треть XX века)* : тез. докл. и сообщ. науч. конф., Санкт-Петербург, 19—20 марта 1996 г. СПб., 1996. С. 9—13.
- ²⁶ *Михалев В. Г.* Интеллигенция в условиях политической эмиграции // *Поиск новых подходов в изучении интеллигенции...* С. 344.
- ²⁷ *История российского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов в XIX—XX вв.* : сб. ст. / отв. ред. Ю. А. Поляков. М., 1996.

- ²⁸ *Селунская В. М.* Проблема интеграции эмигрантов в российском зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1998. № 1. С. 3—26.
- ²⁹ Изучение истории российского зарубежья в 1990-е годы: некоторые итоги и перспективы // Россия в изгнании : судьбы российских эмигрантов за рубежом / Е. И. Пивовар (рук.), Е. И. Алдюхова, В. Ф. Ершов и др. М., 1999. С. 6—28 ; *Пивовар Е. И.* Российское зарубежье XIX — первой половины XX в.: некоторые итоги изучения проблемы // Истор. записки. М., 2000. № 3 (121). С. 237—253.
- ³⁰ *Бочарова З. С.* Современная историография российского зарубежья 1920—1930-х годов // Отечеств. история. 1999. № 1. С. 91—102.
- ³¹ *Серегина Д. М.* Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920—1939 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 4—11.
- ³² *Филиппова М. В.* Российская эмиграция в культурной жизни Германии в 1920—1933 гг. : живопись и театр. С. 10—11.
- ³³ *Марар О. И.* История российской артистической эмиграции в славянских странах, 1918—1939 гг. : (Чехословакия, Югославия, Болгария). С. 5—12.
- ³⁴ *Сафронова Г. Н.* Культурно-просветительские организации российской эмиграции в Югославии в 1920—1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 3—9.
- ³⁵ *Калиниченко Е. В.* Положение русскоязычного населения в странах Прибалтики в межвоенный период (1918—1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 8—10.
- ³⁶ *Ананян Е. В.* Эмиграция немцев Поволжья в Америку в 70-е годы XIX в.: предпосылки, причины и результаты : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2004. С. 3—12.
- ³⁷ *Хисамутдинов А. А.* Деятельность общин американцев русского происхождения на тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах, 1867—1980-е гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 7—9.
- ³⁸ *Подрез С. В.* Генезис и проблемы современного положения российской диаспоры в Латинской Америке : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 7—9.
- ³⁹ *Горелик Б. М.* Российские эмигранты в Южной Африке (1950—2003 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 3—9.
- ⁴⁰ *Рябова В. И.* Российская эмиграция в Африке в 1920—1945 гг.: институционализация и деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 4—8.

- ⁴¹ *Андреева С. Г.* Пекинская духовная миссия в контексте российско-китайских отношений (1715—1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 5—8.
- ⁴² *Шубина С. А.* Русская православная миссия в Китае (XVIII — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. С. 2—8.
- ⁴³ *Бегидов А. М.* Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920—30-е годы. С. 4—10; *Ершов В. Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1920—45 гг.: организация, идеология, экстремизм: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 5—16; *Шабанов Я. В.* Российское зарубежье и фашизм в Европе в 1920—1930-х гг.: по материалам Русского общевойскового союза. С. 2—11.
- ⁴⁴ *Шинкарук И. С.* Военная периодика российской эмиграции 1920—30-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 6—10.
- ⁴⁵ *Ратушняк О. В.* Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920—1939 гг.). С. 11—15; *Худобородов А. Л.* Российское казачество в эмиграции (1920—1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы. С. 5—13.
- ⁴⁶ *Сурайкин М. А.* Молодежные движения и организации российского зарубежья в 1920—1930-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 7—14.
- ⁴⁷ *Бирюкова К. В.* Российские студенческие эмигрантские союзы в Центральной и Восточной Европе в 1920—1930-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 6—10.
- ⁴⁸ *Гуревич А. Л.* Культурно-религиозная деятельность русской эмиграции: по материалам истории Русского студенческого христианского движения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 8—13.
- ⁴⁹ *Сурин А. В.* Формирование и деятельность национальных образовательных центров в российском зарубежье (1920-е годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 4—11.
- ⁵⁰ *Гришунькина М. Г.* Профессиональные объединения российских юристов в эмиграции в 1920—1930-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 6—12.
- ⁵¹ *Кононова М. М.* Российские дипломатические загранучреждения в эмиграции, конец 1917 — первая половина 1920-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 8—12.
- ⁵² *Воробьева И. А.* Русские духовные миссии и Императорское Православное Палестинское общество в Святой земле в 1848—1917 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 5—7.
- ⁵³ *Беляева А. В.* Русская православная церковь за границей (1919—1926 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. С. 8—14;

- Меньковский В. И.* Русское церковное зарубежье в новейшей российской историографии // Макарьевские чтения : материалы 5-й Международ. конф., Горно-Алтайск, 21—22 ноября 2006 г. / отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2006. С. 213—215 ; *Попов А. В.* Российское православное зарубежье: история и источники. М., 2005 ; Российское православие за рубежом : библиогр. указ. литературы и источников : 1918—2006 гг. / авт.-сост. А. В. Попов. М., 2007.
- ⁵⁴ *Цепилова В. И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920—2004 гг.). Екатеринбург, 2005.
- ⁵⁵ *Антощенко А. В.* «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты «первой волны» в поисках исторического самосознания : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. С. 9—16 ; *Байлов А. В.* От «Вех» к сменовеховству: из истории идейно-политических исканий российской интеллигенции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1996. С. 4—9 ; *Вилента И. В.* Концепция истории России в научном наследии евразийцев : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 5—14 ; *Горячая С. В.* Сменовеховцы 20—30-х годов: оценка большевистского опыта реформирования России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 4—10 ; *Квакин А. В.* Нововеховство как кризис белой эмиграции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калинин, 1981. С. 2—5 ; *Малыхин К. Г.* Русское зарубежье 20—30-х годов. Оценка большевистской модернизации : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2000. С. 12—15 ; *Самохин А. В.* Евразийство как идейно-политическое течение в России XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 4—10.
- ⁵⁶ *Барихновский Г. Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции в 1921—1925 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1982. С. 8—12.
- ⁵⁷ *Бочарова З. С.* Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920—1930-х годов: исторический анализ : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 10—23.
- ⁵⁸ *Кривошеева Е. Г.* Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. С. 7—17.
- ⁵⁹ *Соколов А. С.* Русские в Америке в конце XIX века: социально-экономические, общественно-политические и научные контакты, 1881—1900 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 3—6.
- ⁶⁰ *Сундиева А. А.* П. Л. Лавров и «Народная воля» : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 6.

- ⁶¹ *Дайирбекова Р. А.* Российская политическая эмиграция в Болгарии в 80—90-е годы XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. С. 2—6.
- ⁶² *Гусман Л. Ю.* Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840—1860-е гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005. С. 6—15.
- ⁶³ *Куприн Д. О.* Эмиграция из России в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 4—11; *Тудоряну Н. Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1988. С. 4—13.
- ⁶⁴ *Тарле Г. Я.* Адаптация российских эмигрантов в конце 1930-х — начале 1940-х гг.: канун и начало Второй мировой и Великой Отечественной войн (историографический аспект) // *Адаптация российских эмигрантов (конец XIX—XX в.): ист. очерки.* М., 2006. С. 179—253; *Тарле Г. Я.* Причины и условия формирования новой волны российской эмиграции во время и после Второй мировой войны: историографический аспект // Там же. С. 288—341; *Тарле Г. Я.* Российские эмигранты в годы Великой Отечественной войны: историографический аспект // Там же. С. 254—287.
- ⁶⁵ *Пронин А. А.* Историография российской эмиграции: моногр. Екатеринбург, 2000; *Пронин А. А.* Российская эмиграция в современной историографии // *Междунар. ист. журн.* 2001. № 16. URL: http://history.machaon.ru/all/number_16/pervajmo/pronin/index.html; *Междунар. ист. журн.* 2002. № 19. URL: http://history.machaon.ru/all/number_19/pervajmo/pronin/index.html.
- ⁶⁶ *История российского зарубежья: проблемы историографии (конец XIX—XX в.): сб. ст. / под ред. Ю. А. Полякова и Г. Я. Тарле.* М., 2004.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(4Вел)-445

О. А. Юркина

БЕАТРИС ВЕББ И ЖЕНСКАЯ ФАБИАНСКАЯ ГРУППА

Тезис о преобладающей роли интеллигенции в формировании общественного мировоззрения давно не вызывает сомнений. При этом не следует забывать о том, что внедрение новых идей в жизнь общества — процесс многогранный и сложный, часто сопровождающийся конфликтами. В этой связи значимость деятельности интеллигенции и, в первую очередь, процессы формирования новых взглядов представляют огромный научный интерес. Именно на этом аспекте нам и хотелось бы остановиться более подробно, взяв за пример деятельность одной из ярких представительниц интеллектуальной элиты раннего лейборизма Беатрис Вебб.

Фигура Беатрис Вебб, безусловно, является знаковой в истории английского социалистического движения. Ее роль в разработке фабианской доктрины, составившей основу идеологии лейбористской партии, трудно переоценить. Рассматривая роль женщины в истории Великобритании Викторианской эпохи, где традиционным является мировоззрение, базирующееся на теории

© Юркина О. А., 2010

Юркина Оксана Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и правовых дисциплин Ивановского филиала Российского государственного торгово-экономического университета. o_yurkina@mail.ru.

«сепаратных сфер», согласно которой женщине отводилась роль домохозяйки, а возможность заниматься общественно-политической деятельностью отрицалась, невольно задаешься вопросом о взаимоотношениях такой неординарной женщины, как Б. Вебб, с суфражистским и феминистским движениями, которые в рассматриваемый период достигли расцвета. В этом плане особенно интересны ее взаимоотношения с так называемой Женской фабианской группой (Women's Fabian Group), основанной для лоббирования среди лейбористов — членов парламента законопроектов, поддерживающих получение женщинами политических прав.

Следует отметить, что уже к началу XX века женщины составляли более одной трети от общего числа членов Исполнительного комитета Фабианского общества, что, по признанию исследователей, делало его политическую жизнь более насыщенной¹. Вопросы, касающиеся брака, семьи, взаимоотношения полов, все чаще поднимались в обсуждении, что послужило отправной точкой для создания в 1908 году Женской фабианской группы.

Впервые Женская фабианская группа собралась в начале 1908 года в доме Мод Пембер-Ривс, жены новозеландского дипломата. В ее состав входили следующие представительницы фабианского движения: Беатрис Вебб, Мод Пембер-Ривс, Барбара Хатчинс, Барбара Дрейк, Алиса Кларк и др. Все они занимались научно-прикладной разработкой проблем, касающихся места женщины в обществе, пытаясь соединить это с социализмом. Например, Б. Вебб занималась вопросами оплаты женского труда, Б. Дрейк — женского образования и профсоюзного движения, М. Ривс — семьи и т. д.

Следует отметить, что в научной литературе существуют два мнения по поводу Женской фабианской группы. Так, Салли Александер считает, что группа не относится к числу суфражистских организаций, она лишь занималась разработкой программ и поддержкой требований других организаций о предоставлении женщинам избирательных прав². Однако Э. Кроуфорд включает группу в число суфражистских организаций³. Автор склонен согласиться с последним мнением по ряду причин. Прежде всего потому, что Женская фабианская группа создавалась специально для лоббирования в лейбористской партии вопроса о предоставлении женщинам политических и гражданских прав⁴. Кроме того,

среди участниц Женской фабианской группы было достаточно женщин, входивших в ряд других женских организаций. Так, Мэрион Филлипс являлась одной из организаторов Женской лейбористской лиги (Women's Labour League), Мери МакАртур входила в состав Национальной федерации женщин-работниц (National Federation of Women Workers)⁵. Кроме того, руководительница группы Мэйбл Аткинсон сама являлась членом Женского социально-политического союза⁶.

Уже на первой встрече было принято несколько решений: во-первых, разработаны принципы равноправия как в самой группе, так и за ее пределами; во-вторых, провозглашена женская экономическая независимость в связи с прошлым и настоящим, женским вопросом и социализмом.

Опираясь на провозглашенные принципы, Женская фабианская группа оказывала содействие различным женским объединениям, в том числе: Женской лейбористской лиге, женским кружкам Независимой рабочей партии (Women's Circles of the Independent Labour Party), Национальной федерации женщин-работниц, Женской кооперативной гильдии (Women's Co-operative Guild) и др.

Таким образом, несмотря на то что в целом Фабианское общество не разделяло идей суфражизма, тем не менее, оно, основываясь на принципах демократизма и толерантности, давало возможность свободному выражению мнений по «женскому вопросу», оказывая поддержку представительницам феминизма в их стремлениях.

При этом следует подчеркнуть отличие работ членов Женской фабианской группы и деятелей суфражизма. Исследования суфражисток, прежде всего, не отличались глубиной научного осмысления проблематики, что обуславливалось, как нам видится, тем, что в их работах присутствует скорее желание идеологически обосновать правомерность женского движения, нежели серьезно его проанализировать⁷.

Совсем иной подход предлагают представительницы фабианской группы. Отличительной особенностью их работ было стремление к эмпирическому исследованию экономического положения женщин, основанному на исторических и статистических данных. Так, например, Б. Л. Хатчинс, анализируя жизнь

женщин-работниц, опирается на изучение демографических показателей, таких как количество мужчин и женщин, уровень смертности и рождаемости и т. д.⁸ Барбара Дрейк пишет свою работу, обобщая данные о школьном образовании⁹. Наконец, Беатрис Вебб в трактатах «Женщины и фабричное законодательство», «Новый парламентский Билль» апеллирует к своему опыту работы в Ист-Энде¹⁰.

Они призывали друг друга узнавать новое и обучать этому других, поощряя стремление придать «гражданский смысл» вопросу женской эмансипации и предоставления женщинам политических прав¹¹. Именно образование было, по их мнению, путем к индивидуальному и коллективному самосовершенствованию и самоактуализации в рамках работы в группе, а также прямой необходимостью для всех рабочих. При этом вопросы, касающиеся экономических условий жизни женщин, а вследствие этого и классовые различия — становились центральными в исследованиях. Они считали, что индустриальная революция довела аристократок и представительниц среднего класса до экономического паразитизма в рамках семьи, а женщин-работниц до потогонной промышленности¹². Именно это обстоятельство послужило, по мнению исследовательниц, толчком к активизации женского движения, так как подобное «паразитическое» состояние обязывало женщин к действиям, способным преобразовать сложившуюся ситуацию.

Основной работой Беатрис Вебб по вопросу экономического освобождения женщин, в рамках сотрудничества с Женской фабианской группой, на наш взгляд, можно считать трактат «Женщины и фабричное законодательство»¹³. Данная работа явила собой попытку обобщить полученные в Ист-Энде данные, систематизировать их и предложить ряд рекомендаций по улучшению правового регулирования женского труда на производстве. В свете сказанного выше важным, на наш взгляд, является тот факт, что данная работа была написана Беатрис при содействии мужа, оказавшего помощь в работе с историческим материалом (к этому времени супругами Вебб уже был подготовлен труд «История тред-юнионизма», в котором особое внимание уделялось вопросам женской занятости на производстве)¹⁴. Следует отметить, что всю жизнь Беатрис была твердо убеждена в необходимости сис-

тематического эмпирического исследования и верила, что политика всегда должна опираться на факты.

Эта работа интересна нам, поскольку она, вероятно, является одним из шагов Беатрис на пути трансформации антисуфражистки в человека, сочувствующего требованиям, выдвигаемым суфражизмом. С одной стороны, она придерживалась логики, которая использовалась людьми, подписавшими «Обращение против избирательного права для женщин» в 1889 году. Так, например, она указывала на необоснованность возражений суфражисток, которые видели во введении защитного трудового законодательства для женщин некоторое ограничение их прав. Кроме того, обращаясь к прошлому опыту, Беатрис указывает, что фабричное законодательство может выступить гарантом в разрешении спорных моментов между работодателем и работницей. Беатрис подчеркивает, что ткачиха из Ланкашира, чьи часы и условия работы твердо фиксированы в соответствии с законом, более счастлива, чем разнорабочая из Ноттинг Хилла, чьи условия труда не урегулированы¹⁵. Таким образом, исследования условий жизни рабочих привели ее к выводу о необходимости защиты от эксплуатации женщин из рабочего класса в условиях конкуренции капиталистического рынка. При этом важно отметить, что подобная защита на рынке труда должна проводиться правительством, так как принцип «невмешательства государства» не выгоден рабочим, тем более женщинам, которым необходима законодательная защита со стороны фабричных актов¹⁶.

Кроме того, Беатрис указывала, что существующая система оплаты труда является закономерным следствием тех общественно-экономических условий, которые сложились в стране. В силу того, что женщины не имели возможности ни получить специальное образование, ни оставить на длительное время семью, их конкурентоспособность по сравнению с мужчинами была гораздо ниже. Таким образом, она утверждала, что женщина не является конкурентом мужчине в плане выполняемой работы. Ссылаясь на опыт Сиднея Вебба в области экономических исследований, она подчеркивает, что оплата труда в любой отрасли промышленности зависит от сложности производственного процесса. Во многих случаях более высокооплачиваемый труд предполагает необходимость физической силы, длительного рабочего дня, что де-

лает невозможным использование женщин в таких условиях¹⁷. Обратим внимание на важную, по мнению автора, деталь: Б. Вебб не разделяет работающих на мужчин и женщин, полагая, что как те, так и другие должны быть одинаково защищены со стороны государства от произвола работодателей. Это еще раз подтверждает мысль, что Б. Вебб не расценивала мужчин и женщин как конкурентов на рынке труда.

Не случайно, она вводит такое понятие, как «национальный минимум» — некий стандарт жизни для рабочих¹⁸. Она считала, что конкурентный капитализм разрушительно действует на работающих и каждый рабочий имеет лишь минимум оплаты и условий труда. Беатрис заявляла, что если работодатели не могут платить достаточно для того, чтобы поддерживать минимальное качество жизни, их деятельность следует запретить вообще¹⁹.

Следует отметить, что суфражистки также видели необходимость в защите женщины на производстве. При этом, как и социалисты, большую роль в данном процессе они отводили профсоюзам: «...мы не против профсоюзов. Напротив, мы верим в них, наше сильнейшее желание заключается в том, чтобы женщины также объединялись в профсоюзы, поскольку это создаст механизм, позволяющий эффективно пользоваться правом голоса»²⁰.

С другой стороны, Беатрис считала, что защита и поддержка женской свободы — это то реальное средство, которое позволит женщине достигнуть экономической независимости, не ущемляя при этом ее функций матери и жены²¹. Обратим внимание, что здесь она придерживается несколько иных взглядов, чем марксисты. Если последние видели в экономической независимости средство достижения свободы женщины и ее равноправия²², то у Беатрис сама свобода становится источником экономической независимости женщин.

При этом, по ее мнению, большую роль в свободе женщины может сыграть профессиональное образование. Свою мысль Беатрис обосновывает следующим: не только мужчина, но и женщина, имеющая профессиональное образование, имеет больше шансов на получение более высокооплачиваемой работы²³. Эта точка зрения совпадала с позицией и суфражисток, и российских феминисток²⁴, и со взглядами других участниц Женской фабианской группы.

Несмотря на единый подход к анализу проблем, участницы этой группы не имели единой точки зрения на то, каким женщинам необходимо предоставить политические права в первую очередь. По нашему мнению, членов Женской фабианской группы условно можно разделить на три лагеря. Одни из них поддерживали милитанское течение, полагая, что свобода нужна, прежде всего, представительницам состоятельных кругов общества, большинство из которых являлись домохозяйками. Это они обосновывали тем, что образованные женщины, обладая такой свободой, способны эффективнее вести пропаганду феминистских идей, чем способствовали бы освобождению всех женщин. Сторонницы противоположных убеждений настаивали, что в первую очередь свобода необходима не состоятельным женщинам, а работницам, которые находятся в более тяжелом положении. «Центристы», к которым мы относим Беатрис Вебб, указывали на то, что экономическая свобода женщин не зависела от социального статуса. Принадлежит ли женщина к работницам или среднему классу, она всегда находится в зависимости. Опираясь на свои исследования в Ист-Энде и работу на фабриках, Беатрис указывала, что и та и другая роли обрекали женщину на материальную зависимость. Будучи домохозяйкой, женщина могла рассчитывать только на желание и возможность супруга содержать ее и детей. С другой стороны, женщины-работницы не могли иметь высокую оплату своего труда в силу недостатка образования и, как следствие этого — низкой квалификации²⁵. Потому предоставление политических прав являлось необходимостью и для той и для другой категории женщин как выход из оков экономического рабства. Здесь важно отметить, что все участницы фабианской группы были едины во мнении, что именно экономическая зависимость и бедность толкают женщин на низкооплачиваемую работу, делая их «врагом собственного пола»²⁶.

Однако самым ужасным, по мнению представительниц группы, было то, что подобная ситуация обязывала женщину искать выход в обязательных сексуальных отношениях с мужчинами. Первым видом выхода является проституция — обеспечение материального состояния за счет торговли своим телом. Второй выход заключался в браке, когда женщина выходила замуж, чтобы муж обеспечивал ее. В этом виде брак являл собой просто ле-

гализованную форму проституции. Как писала Эмма Брук, вынужденный брак как выход из нищеты, безусловно, представлял собой форму сексуального рабства²⁷. В этом также взгляды Беатрис и суфражисток совпадали.

Другой вопрос, который поднимается в исследованиях представительниц фабианской группы, касался возможности совмещения женщиной ее социальных ролей. Как указывала Беатрис Вебб, основываясь на своих наблюдениях, в XIX веке женщина могла быть только матерью или работницей, но никак не могла совмещать две эти роли одновременно²⁸. Ее коллега — Мейбл Аткинсон в работе «Экономические основы женского движения», вышедшей в 1914 году, указывала, что женщина может иметь не только либо работу, либо любовь, а и то и другое одновременно. «Она [женщина] желает работать, управлять своим финансовым положением, получить образование и иметь право на гражданскую активность в делах государства. Но в то же время, она не желает быть оторванной от брака и материнства»²⁹. Здесь речь идет о браке по любви.

Глубокий и рациональный анализ положения женщины в обществе, проводимый Женской фабианской группой, давал основания считать, что женщина сможет достичь экономической свободы тогда, когда она сможет зарабатывать наравне с мужчинами. При этом, как мы уже говорили ранее, Беатрис Вебб, а ее мнение в этом вопросе нам наиболее интересно, считала, что добиться экономического равноправия возможно только путем модернизации трудового законодательства, а также более активным участием женщин в работе профсоюзов, способных поддержать и отстаивать права женщин-работниц³⁰. Кроме того, большую роль в экономическом и политическом освобождении женщин может сыграть пропаганда идей женской эмансипации и обучение. В рамках работы в Фабианском обществе представительницы Женской фабианской группы являлись постоянными участницами различных лекций и просветительских семинаров в среде рабочих. Отметим, что чтение лекций в этот период становится основным в деятельности фабианцев. Так, например, Лондонский комитет, созданный для координации усилий в пропагандистской работе, в апреле 1889 года зарегистрировал 721 лекцию, прочитанную 31 автором за год. А в период с апреля 1891 года по ап-

рель 1892 года число выступлений и лекций превысило 3300. Основной целью своих пропагандистских выступлений фабианцы считали предоставление всем людям возможности познакомиться с эволюционным социализмом³¹.

Другим направлением просветительской деятельности, в том числе и Женской фабианской группы, стало участие в работе так называемых фабианских школ («Fabian Schools»). Первая такая школа открылась летом 1907 года, причем идея ее создания принадлежит одной из членов группы Майбл Аткинсон, которую она выдвинула в январе 1907 года³². Руководителем первой школы был Лавсон Датт, секретарем назначен Бернард Шоу, а автор идеи — М. Аткинсон стала секретарем по вопросам образования («Educational Secretary»)³³.

Что же касается самой Беатрис Вебб, то ее лекторская деятельность была связана, прежде всего, с женскими профсоюзами и касалась вопросов регулирования законодательства в области организации женского и детского труда. Следует отметить, что зачастую темы лекций или выступлений совпадали с названиями тех или иных трактатов или программных документов Общества. Например, одна из лекций, с которыми выступала Беатрис Вебб, называлась «Женщины и фабричное законодательство»³⁴. Между тем, наибольшая активность в лекционной деятельности Беатрис наблюдается в период с 1909 года. Это время ознаменовалось для нее окончанием работы в Королевской комиссии по изучению Законодательства о бедных (Poor Law) и разработки так называемого Отчета меньшинства (Minority Report). Беатрис регулярно выступает с докладами не только в Лондоне, но и на периферии, в местных отделениях Фабианского общества³⁵.

Подводя итоги, отметим следующее. Воззрения Беатрис на женское движение в целом и на суфражизм в частности формировались постепенно. Она прошла долгий путь от фактического отрицания суфражистских положений до позиции демократической суфражистки. На первых порах взгляды Б. Вебб отличаются крайней противоречивостью: с одной стороны, ей свойственно стремление принимать деятельное участие в общественно-политической жизни страны, а с другой — «боязнь» отказаться от традиционной точки зрения Викторианской эпохи на роль и место женщины в обществе. Она говорила, что поддерживает неко-

торое дистанцирование женщины от политики, и в то же время вся ее деятельность доказывала со всей определенностью иное — женщина не только может заниматься политикой, но и пользоваться на этом поприще успехом. Однако заложенное с детства стремление к всестороннему и объективному анализу различных точек зрения с необходимостью приводят ее к поддержке основных суфражистских постулатов. При этом, в отличие от ряда суфражисток, она не только декларирует эти принципы, но и доказывает их, опираясь на собранный в результате долгих исследований эмпирический материал.

Примечания

- ¹ Introduction // *Women's Fabians Tracts* / Ed. by *S. Alexander*. L. ; N. Y., 1988. P. 4.
- ² Ibid. P. 7.
- ³ *Crawford E.* The Women's Suffrage Movement. A reference Guide, 1866—1928. L., 2001.
- ⁴ Ibid. P. 212.
- ⁵ *Smith H. J. L.* The British Woman's Suffrage Campaign, 1866—1928. Edinburgh, 1998. P. 38 ; Introduction. P. 7.
- ⁶ 100 Years of Fabian Socialism 1884—1984. L., 1984. P. 15.
- ⁷ См., напр.: *Pankhurst S.* The Suffragette Movement: an Intimate Account of Persons and Ideals. L., 1977 ; *Pankhurst C.* Unshackled: the Story of How We Won the Vote. L., 1987 ; *Pankhurst E.* My Own Story. L., 1914 ; *Holton S. S.* The Making of Suffrage History // *Votes for Women* / Ed. by *J. Purvis, S. S. Holton*. L. ; N. Y., 2000.
- ⁸ *Hutchins B. L.* The Working Life of Women // *Women's Fabians Tracts*. P. 164—170.
- ⁹ *Drake B.* Starvation in the Midst of Plenty: a New Plan Feeding of School Children // Ibid. P. 411—422.
- ¹⁰ *Webb B.* Women and Factory Acts // Ibid. P. 17—30 ; *Webb B.* A New Reform Bill // Ibid. P. 338—410.
- ¹¹ Introduction. P. 9.
- ¹² 100 Years of Fabian Socialism 1884—1984. P. 15.
- ¹³ *Webb B.* A Women and the Factory Acts.
- ¹⁴ См.: *Webb B.* The History of the Trade Unionism. 2-d Ed. L. ; N. Y. ; Bombay, 1896.
- ¹⁵ *Webb B.* A Women and the Factory Acts. P. 18.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibid. P. 25—26.

- ¹⁸ См., напр.: *Полкинкорн Б.* Раскол в женском движении : можно ли извлечь уроки из британского опыта // *Адам & Ева : альманах гендерной истории.* 2002. № 4. С. 101.
- ¹⁹ *Webb B.* A Women and the Factory Acts. P. 25—26.
- ²⁰ *Despard C.* Trade Unionism and the Vote // *The Vote.* 1911. Vol. 4. № 97. September, 2.
- ²¹ *Webb B.* A Women and the Factory Acts. P. 17.
- ²² См., напр.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* ПСС. М., 1955. Т. 21 ; *Бebelь А.* Женский вопрос. Положение женщины в современном обществе и при политическом строе. Одесса, 1905 ; *Бebelь А.* Женщина и социализм. М., 1959. См. также: *Репнина Л. В.* Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002 ; *Женщина в современном мире / под ред. В. В. Любимовой и др.* М., 1989 ; *Скорнякова С. С.* Феминизм и марксизм: два подхода к решению женского вопроса // *Феминизм и российская культура : сб. тр. СПб., 1995.*
- ²³ *Webb B.* A Women and the Factory Acts. P. 18.
- ²⁴ *Коллонтай А. М.* Женское рабочее движение // *Марксистский феминизм : коллекция текстов А. М. Коллонтай.* Тверь, 2003.
- ²⁵ *Webb B.* A Women and the Factory Acts.
- ²⁶ Introduction. P. 8.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ *Webb B.* May Apprenticeship. L., 1926. P. 87.
- ²⁹ *Atkinson M.* The Economic Foundations of the Women's Movement // *Women's Fabian Tracts.* P. 189.
- ³⁰ *Webb B.* A Women and the Factory Acts.
- ³¹ *Виноградов В. Н.* У истоков лейбористской партии (1889—1900). М., 1965. С. 225.
- ³² 100 Years of Fabian Socialism, 1884—1984. P. 20.
- ³³ The Fabian Summer School (Appendix V) // *Cole M.* The Story of Fabian Socialism. L. ; Melbourne ; Toronto, 1961. P. 349.
- ³⁴ *Webb B.* A Women and the Factory Acts.
- ³⁵ *McBriar A. M.* Fabian Socialism and English Politics, 1884—1918. Cambridge, 1962. P. 182.

ЖИЗНЬ ПО ГАМБУРГСКОМУ СЧЕТУ (Интервью Т. Строгановой с С. Загребиным)

В Челябинске завершил работу Второй Уральский симпозиум исследователей интеллигенции. Сам факт проведения такого необычного форума говорит о многом. Значит, есть кого на форум собирать, значит, предмет исследования не утрачен окончательно. Кто сказал, что они стоят в сторонке с гордо опущенными головами? Как ни велико было искушение интеллигенции закрыться в своей скорлупе, вовремя пришло осознание: это верный путь к вымиранию.

И вот уже яркие представители «прослойки» выступают с заявлениями, дискутируют, строят планы на виртуальное будущее. В гостях у редакции организатор симпозиума доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института гуманитарного образования Челябинского государственного университета Сергей Загребин.

«Свежие» тезисы

Татьяна Строганова: Почему именно Челябинск стал местом встречи ученых?

Сергей Загребин: Традиция проведения конференций исследователей интеллигенции на Урале заложена профессором

© Строганова Т. С., Загребин С. С., 2010

Строганова Татьяна Сергеевна — журналист (Челябинск). stroganova.su.

Загребин Сергей Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института гуманитарного образования Челябинского государственного университета. bk.ural@bk.ru.

Михаилом Главацким. Под эгидой его научного центра «XX век в судьбах интеллигенции России» с 1994 года в Екатеринбурге проведено десять научных конференций интеллигентоведов. После возникшей паузы в конференциях эстафету приняли челябинские исследователи. В 2007 году мы провели Первый Уральский симпозиум на тему «Интеллигенция в современной информационной цивилизации».

Поскольку 2009 год проходит под знаком Года молодежи, тема нынешнего симпозиума — «Интеллигенция и интеллектуальный потенциал молодежи России». Нам хотелось провести научный форум в режиме диалога, чтобы идеи профессиональных исследователей, звучащие в докладах, обсуждались не только коллегами, но и самой молодежью. К сожалению, молодые участники симпозиума были достаточно пассивны. Точнее, дискуссию они воспринимали живо, но сами принять в ней активное участие не решились.

Т. С.: Прозвучало много «свежих» тезисов... Что-нибудь вызвало у вас отторжение?

С. З.: Пожалуй, такого не было. Действительно, на симпозиуме звучали полярные мнения и оценки. Но мне как культурологу было понятно, что всё это своеобразные сегменты истины, отразившие определённые моменты культурной реальности. Мне просто доставляло удовольствие слушать блистательные и оригинальные рассуждения доцента Челябинского государственного педагогического университета Павла Уварова, профессора Южно-Уральского государственного университета Игоря Сибирякова, других участников.

Т. С.: По мнению некоторых исследователей, интеллигенция и Церковь находятся в состоянии противостояния. Должны ли они взаимодействовать и каким образом?

С. З.: Опять же в режиме диалога. И участие в симпозиуме настоятеля Свято-Троицкого храма г. Челябинска, руководителя отдела по работе с молодежью при Челябинской епархии протоиерея Игоря (Шестакова) тому явный пример. С какой яркой образностью, с каким глубоким знанием истории его высокопреподобие обозначил самые болевые проблемы современности! Про-

тивостояние интеллигенции и Церкви уходит в прошлое, когда радикальная интеллигенция исповедовала идеи революционного переустройства мира.

Т. С.: На баррикады ведут народ действительно не люмпены. Именно интеллигенты совершают революции, охотно при этом принимая в дар деньги, выделяемые элитами. Но насколько это интеллигентно?..

С. З.: Приведу парафраз знаменитого тезиса Бисмарка, который говорил о том, что революции готовят гении, делают романтики, а пользуются плодами проходимцы. Я полагаю, не следует взваливать историческую ответственность за революции на интеллигенцию, это всё равно что навешивать ярлыки исторической вины на отдельные этносы или конфессии. Исторический процесс — очень сложный и многомерный феномен, который требует вдумчивого изучения и не терпит скоропалительных оценок.

Более того, в истории есть немало примеров симфонии интеллигенции и Церкви. Например, известный философ Сергей Булгаков в начале прошлого века пытался создать партию «Союз христианской политики», стремился реально осуществить принципы справедливости и признания ценности личности, заповедь христианства о любви к ближнему. Подобные нравственные абсолюты оказались не востребованы в практике политической борьбы, но опыт был показателен.

Булгаков много размышлял о судьбах интеллигенции. Весьма интересны его суждения о недостатках российской интеллигенции начала века, терзаемой внутренними противоречиями, о необходимости преодоления революционного героизма и обращения на путь христианского подвижничества. Сегодня, я думаю, можно говорить о феномене православной интеллигенции, формирование которой связано с сознательным воцерковлением.

Т. С.: Что ищет интеллигенция в Церкви?

С. З.: Наверное, то же, что и в науке, и в искусстве, — истину. На симпозиуме прозвучал очень интересный доклад Павла Уварова «Телемская утопия: молодежь как онтологический и социальный феномен». Было убедительно доказано, что в современном информационном обществе постоянно воспроизводится

режим неопределенности, в котором каждый человек пытается осознать себя, исходя из изменчивых ситуативных диспозиций. В этом кроется и конфликт отцов и детей, который в принципе невозможен в обществе традиционном, основанном на общих религиозных ценностных абсолютах. Думается, что современный человек ищет в Церкви именно определённости, ищет опору для самоидентификации.

Глобальное понимание

Т. С.: Какое определение понятия «интеллигенция» наиболее точно?

С. З.: В современной науке можно выделить два основных подхода к идентификации феномена интеллигенции: формальный (социологический) и неформальный (культурологический). Согласно формальному подходу интеллигенцией можно называть всех занятых преимущественно интеллектуальным трудом. При неформальном подходе к интеллигенции следует относить людей, обладающих определенным набором нравственных качеств.

Таким образом, слово «интеллигенция» имеет два значения — описательное и оценочное. Мне думается, что сегодня разумнее говорить не о понятии «интеллигенция», а о концепте «интеллигенция». Определение понятия требует четких формулировок, которые в гуманитарных науках часто ограничивают многообразие изучаемого феномена.

Понимание концепта закреплено в ментальном мире человека как совокупность не столько знаний, сколько ассоциаций, представлений, переживаний. Когда мы в повседневной жизни произносим слово «интеллигент», то не требуем друг у друга уточнений, что имеется в виду. На уровне обыденного сознания уже закреплено глобальное понимание.

Т. С.: А каковы взаимоотношения интеллигенции и власти сегодня?

С. З.: В социологической сетке координат власть или чиновничество есть «служилая интеллигенция». В культурологических координатах власть и интеллигенция реализуют себя в противоположных векторах. Бюрократия стремится к стабильности, порядку, регламентированности, клановости, замкнутости. Ин-

теллигенция, напротив, исповедует свободу, открытость, динамику, активность. Это и есть причина культурных конфликтов интеллигенции и власти.

Яркий тому пример — дискуссия в Санкт-Петербурге о строительстве Охта-центра. Интеллигенция, вошедшая во власть и имеющая свои бизнес-интересы, поддерживает идею строительства в историческом центре города высотного здания, грозящего исказить облик северной столицы. Хотя любому здравомыслящему человеку, тем более человеку культурному, понятна ценность исторического облика Санкт-Петербурга.

Т. С.: Существует крайняя позиция: интеллигенция вполне может обходиться без денег. И обходится, собственно. И только те представители ее, кто сумел понять и оправдать власть, живут хорошо...

С. З.: Если коротко, то Вы сами ответили на вопрос. Просто деньги да и иные утилитарные компоненты бытия никогда не были для интеллигенции самоцелью и не представляли абсолютной ценности. Действительно, какой смысл в экономике как таковой, в бизнесе как таковом, если нет человека, причем человека культурного, то есть осознающего себя частью мироздания.

Проблема современного общества — глобализация, которая направлена на усреднение, на нивелирование своеобразия личностного, национального, религиозного, культурного. В таком «глобальном» пространстве нужен усредненный вариант человека, нужен не человек, а биоробот, не человечество, а биомасса, электорат. Интеллигенция выступает против подобного усреднения человека.

К подвигу готовы!

Т. С.: Российская интеллигенция верует в свою уникальность и избранность. Так уж исторически сложилось. Это заблуждение?

С. З.: Скорее это осознание своей ответственности, ярко выраженная гражданская позиция, «поэт в России больше чем поэт...». Данный критерий многими исследователями называется главным в размежевании таких понятий, как «интеллигент» и «интеллектуал». Это два возможных вектора развития образованной части населения. «Вектор интеллигента» — гражданская от-

ветственность, активная жизненная позиция, реализация в практике собственной жизни абсолютных нравственных ценностей.

«Вектор интеллектуала» — прагматизм, который определяет все самопроявления личности. Когда шла подготовка к симпозиуму, мы беседовали с Борисом Мизрахи, советником председателя Законодательного собрания Челябинской области, о проблеме политической культуры современной молодежи. Мне интересно было услышать его рассуждение о прагматизме современных молодых интеллектуалов, входящих в политическое пространство с утилитарно-прагматическими целями.

Это действительно серьезная проблема, поскольку прагматизм как таковой способен разрушить общество. Условно говоря, если завтра станет выгодно возродить тоталитаризм, то прагматики сделают это, забыв обо всех принципах свободы и демократии, к которым сегодня демонстрируют свою приверженность опять-таки из прагматических соображений.

Т. С.: Что, на Ваш взгляд, можно считать вершиной интеллигентности? Когда человек за определенные морально-нравственные ценности может жизнь отдать...

С. З.: Думаю, что так и есть. И тому примеров несметное количество. К сожалению, реальность преподносит эти примеры с жестоким постоянством. Практически все катастрофы и акты терроризма сопровождаются проявлениями самопожертвования людей разных возрастов и профессий, что демонстрирует проявление интеллигентности как качества личности, а не социального статуса.

Если же не брать пограничные ситуации, то интеллигентность проявляет себя в мелочах, в повседневной жизни. Каждый человек всегда сможет определить другого человека по шкале «интеллигентно — неинтеллигентно» без специальных социологических измерений.

Т. С.: На симпозиуме прозвучал тезис о том, что интеллигенция — это авторитарная сила, претендующая на господствующие позиции, ведь только властные высоты могут способствовать ее самосохранению... Государство Сократов и Платонов — утопия? Что нужно для того, чтобы его построить?

С. З.: Платону еще в IV веке до нашей эры рисовалось идеальное государство во главе с философами, созерцателями чистых и вечных идей. Платон считал, что в идеальном обществе должно быть три сословия: философы, воины и земледельцы. Причем каждое из этих сословий должно заниматься только своей профессиональной деятельностью и не вмешиваться ни в какие другие дела. Философы, как наиболее мудрые, должны управлять государством, воины — защищать его, а земледельцы — кормить.

Вторым важным принципом идеального общества после разделения труда между сословиями должно быть, с точки зрения Платона, отсутствие частной собственности и имущественное равенство людей. Ведь если у всех всего поровну, считал он, тогда в обществе не может быть ни зависти, ни недовольства, ни ненависти, ни страха, ни вражды между людьми. Как мы видим, человечество в XXI веке далеко ушло от идей Платона. А жаль... Отсутствие социальной справедливости таит неизбежные глобальные конфликты и мировые катаклизмы.

Чувство меры

Т. С.: Быть интеллигентным человеком непросто. Один из критериев интеллигентности — умение предъявлять себе гамбургский счет. Как часто Вы предъявляете его себе?

С. З.: Непросто, ибо есть понимание глобальных проблем бытия. Как сказано у Екклесиаста: «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1:18). А гамбургский счёт предъявляет себе каждый человек. Осознанно или неосознанно, но предъявляет. Ведь это не что иное, как совесть.

Т. С.: Сейчас формируется новая общность людей — виртуальная общественность. Скоро появится интернет-интеллигенция. Каких качеств лишится, а какие обретет традиционный образ интеллигента? Кому в конечном счете будет нужна интеллигенция?

С. З.: По мере развития информационной цивилизации роль интеллектуалов в социально-политической сфере будет возрастать. На симпозиуме исследователь Павел Уваров отметил, что технизация общества, развитие информационных технологий, высокая заинтересованность в инновациях усиливают ценность

интеллектуальных ресурсов в экономике, фактически превращая интеллигента / интеллектуала в универсального менеджера современной цивилизации.

Я бы в данном тезисе снова развел два понятия — «интеллигент» и «интеллектуал». В информационной цивилизации роль интеллигенции будет сокращаться, а роль интеллектуалов увеличиваться. И это самый опасный момент. Интеллектуалы-прагматики способны манипулировать общественным сознанием. Такую тенденцию мы наблюдаем и в исторической ретроспективе, и сегодня в связи с дискуссиями вокруг угрозы глобального потепления и прогнозов конца света.

Интеллигенция же стремится достигнуть в обществе полной свободы самопостижения, самопроявления, самореализации. Возможно, кому-то покажется странным, но человек религиозный внутренне более свободен, чем атеист. Тому подтверждение — недавнее социологическое исследование, о котором мне рассказали в кулуарах симпозиума. Но это уже другая тема.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Г. А. Будник

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ МОНОГРАФИИ Е. М. РАСКАТОВОЙ

В Ивановском химико-технологическом университете вышла в свет новая монография по интеллигентоведческой проблематике. Работа серьезная, заслуживающая пристального внимания ученых. Предваряя знакомство читателей журнала «Интеллигенция и мир» с содержанием книги «Власть и художественная культура российской провинции в эпоху позднего социализма (на материале Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей)», хочу поделиться некоторыми собственными мыслями, возникшими после прочтения рукописи.

Уже в самом названии работы Елены Михайловны Раскатовой обозначены три «болевые» точки, три основания российского бытия: власть, культура, провинция. По поводу каждой из трех заявленных автором сквозных линий научного исследования написаны многочисленные работы. Имеются труды, рассматривающие взаимодействие власти и художественной интеллигенции, интеллигенции и провинции в различные периоды отечественной истории. Е. М. Раскатова, выйдя из «гнезда» В. С. Меметова, впитала лучшее из его школы, но пошла своим, непроторенным путем.

Монография во многом новаторская. Обозначив во введении собственную позицию по отношению к феномену российской культуры как сложной иерархической системе, являющейся частью общей системы культуры, имеющей специфические основания, механизмы внутреннего и внешнего действия, автор выяв-

© Будник Г. А., 2010

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и культуры Ивановского государственного энергетического университета. admin@history.ispu.ru.

ляет ее «приводные ремни» в лице властных структур и отдельных, уникальных и самобытных деятелей. (Кстати, в тексте работы термины «Власть» и «Система» не случайно пишутся с большой буквы — как феномены самодостаточные и знаковые.)

Исследователь фокусирует внимание на двух сложных проблемах: историософской и социокультурной. Первая, достаточно рельефно видимая в источниках, — механизм саморазвития художественной культуры провинции, формируемый в изучаемый период через взаимодействие местных партийных и общественных организаций с Центром, и вторая — анализ внутреннего состояния системы «художественная культура провинции» и рассмотрение ее внутреннего содержания через изучение менталитета местного партийного руководства и, конечно, самих деятелей культуры. При этом создается впечатление, что вторая из названных задач для автора важнее и интереснее, но сущность исследуемого феномена невозможно понять без его «оболочки».

Для решения поставленных задач Е. М. Раскатова использует различные научные подходы и новейшие исследовательские методики. Новизна работы в том, что в ней «центристский» подход к изучению истории дополняется, в частности, антропологическим контекстом культурно-исторической реальности. Нельзя не согласиться с автором, что именно сочетание, с одной стороны — мироощущения, самосознания, официальной и неофициальной деятельности творческой интеллигенции, и с другой — реакции, действий чиновников, представляющих государственную власть, обуславливает уникальное культурное бытие провинции, дополняющее и корректирующее представление о масштабных исторических процессах.

Интересны хронологические рамки работы. Для периода с конца 1960-х до начала 1980-х гг. характерно возвращение государственной системы к политике жесткого, авторитарного управления культурой и одновременно возникновение иных, не копирующих столичные, ситуаций и коллизий развития культуры, иных конфликтных или компромиссных форм взаимодействия государства и художника.

В монографии подробно исследуется механизм решения главной задачи, поставленной идеологами советского государства в работе с художественной интеллигенцией, — формирование в ее среде «надежных помощников партии в коммунистическом

воспитании трудящихся», «бойцов идеологического фронта», художников с устойчивым марксистско-ленинским мировоззрением. В сознании людей XXI века утвердился стереотип, что при советской власти существовала жесткая система управления, партийный диктат во всех сферах жизни, а каждый партийный функционер выполнял свою роль (функцию) в государственной машине, «приводные ремни» которой располагались иерархически: от Центра — к провинции. Приведенные Еленой Михайловной факты воздействия партийного аппарата на художественную интеллигенцию заставляют увидеть в этом механизме множество полутонов и оттенков. Прежде чем остановиться на них, считаю важным обратить внимание на вывод автора о роли местных управленцев в культурном процессе. На основании работы можно выделить различные типы партийных функционеров. Это, чаще всего, люди с достаточно низкой общей культурой, отсутствием профессиональных навыков для работы в сфере художественной культуры, но иногда среди них оказываются работники с широким кругозором, способные в формализованных текстах партийных документов вышестоящих инстанций увидеть рациональное зерно, творчески применить партийные решения исходя из специфики своей области. Говоря о второй категории работников, которых, к сожалению, было меньшинство, Е. М. Раскатова справедливо отмечает, что «жизнеспособность всех творческих начинаний определялась заинтересованностью и неформальным отношением конкретных исполнителей». По ее данным, художественная интеллигенция до сих пор с уважением говорит о первом секретаре Костромского обкома КПСС Л. Я. Флорентьеве и секретаре по идеологии Б. С. Архипове, о заведующих отделами пропаганды и агитации обкомов КПСС Н. А. Королевой (Владимир), В. А. Буланове (Ярославль), Е. А. Богородском (Иваново).

В работе выделены следующие типы взаимодействия местных органов власти и интеллигенции: во-первых, провинциальные власти рассматривали художественную интеллигенцию как свою собственность, с которой они могли поступать соответственно своему разумению и прихоти; во-вторых, фактически не замечали ее; в-третьих, местные власти пытались корректировать действия художественной интеллигенции, что в провинции чаще всего выражалось в запретах, воспитательных акциях и т. д.

Исключительно интересным и оригинальным является вывод Е. М. Раскатовой о том, что в период позднего социализма провинция была более консервативна, чем столица, и нередко она вынуждала центральные органы власти принимать запретительные решения. На основе подробного и детального изучения партийных документов автор создает более сложную, чем прямое реагирование и централизованное подчинение, картину взаимодействия центральных и региональных властей в изучаемый период. Участие местного бюрократического аппарата в формировании совокупного пространства советской культуры представляется более активным, чем кажется на первый взгляд, и позволяет говорить о своеобразной коррекции деятельности центральных властных структур «снизу». Е. М. Раскатова назвала это своеобразным механизмом «обратной связи», оказывавшим определенное влияние на культурные процессы. «Освободившись от страха массовых репрессий, чиновники на местах чувствовали себя свободнее, что нередко означало “безнаказаннее”». Это был «золотой век номенклатурного коммунизма» (М. Малия).

В монографии приводятся яркие примеры вмешательства местных партийных чиновников в культурную жизнь: докладная записка Управления по охране государственных тайн в печати при Владимирском облисполкоме в вышестоящие инстанции о серьезных недостатках в организации съемок американского фильма «Петр Великий» в городе Суздале; письмо первого секретаря Ивановского обкома КПСС В. Г. Ключева в ЦК КПСС с отрицательным отзывом на стихотворение Е. Евтушенко «Москва — Иваново»; информация секретаря первичной партийной организации Ивановского энергетического института об идеологически неверном выступлении московского поэта А. Маркова перед студентами этого вуза и т. д. Е. М. Раскатова делает новаторский вывод о том, что авторы подобных «сигналов с мест» были уверены в своем праве корректировать политику центральной власти в сторону ужесточения. По ее мнению, в 1970-е гг. сложилась «технология влияния» партийно-государственного чиновничества на официальную художественную политику.

Поздний социализм, заключает автор, стал историческим прошлым, но вызванный им к жизни способ функционирования

до настоящего момента довольно часто является основной формой существования чиновничества, особенно провинциального.

Как уже отмечалось выше, второй пласт исследуемых проблем связан с анализом культурных процессов в провинции, изучением жизни и деятельности художественной интеллигенции. Работа Е. М. Раскатовой заставляет задуматься о природе творчества. Почему, часто сделанные в соответствии с партийными установками и в русле социалистического реализма, произведения производственной тематики становились шедеврами? Возможно, дело в том, что со второй половины 1970-х гг. началось активное включение деятелей культуры в производственный процесс (шефство театров, филармоний и т. д. над селом, договоры о сотрудничестве трудовых и художественных коллективов, выполнение заказов на создание произведений о рабочем классе и трудовом крестьянстве). Это погружало художников, писателей, композиторов в реальную жизнь трудящихся. В результате они начинали понимать ее изнутри, видеть проблемы и трудности передовиков производства и создавать произведения, выходящие за рамки традиционных представлений о трудовом героизме. У многих деятелей культуры стало складываться реальное, не идеологизированное впечатление о людях труда (их проблемах, заботах, быте, условиях на производстве, часто далеких от идеальных). Это формировало мировоззрение творческой интеллигенции, способствовало появлению в культурной жизни российской провинции талантливых, неординарно мыслящих деятелей литературы и искусства, которые искали новые выразительные средства для передачи художественного образа.

Автор разъясняет и восприятие власти интеллигенцией провинции. «Если “столичная” государственная власть представлялась провинциальной интеллигенции отлаженным, жестким механизмом, существующим для нее в форме некоей абстракции, то власть местная, известная по именам и имеющая конкретные личностные характеристики, была вполне осязаемой и доступной». Это, с одной стороны, порождало постоянную борьбу за заказы, разобщало творческие коллективы, а с другой — рождало у некоторых представителей художественной интеллигенции уверенность в том, что местным властям можно объяснить свою художественную позицию. Иногда, хотя и с большим трудом, это удавалось.

Художественная культура провинции в работе Е. М. Раскатовой предстает как живой организм, хоть и удаленный от культуры столиц, но тесно с ней взаимодействующий. В столице деятелю культуры в чем-то было легче. Там существовала среда единомышленников, а Власть имела более абстрактный характер. В результате и менталитет столичной художественной интеллигенции во многом отличался от провинциального, поэтому художники, артисты и другие деятели культуры в столицах были более активны, оппозиционны Власти. В провинции внешне все выглядело спокойнее. Деятели культуры здесь были политически наивны, а часто просто аполитичны. Впрочем, по некоторым документам, политическая наивность присутствовала в сознании и столичной интеллигенции.

Автор делает вывод, что в 1970-е гг. художественная интеллигенция провинции имела особое мировоззрение, отличавшее ее от интеллигенции столицы. Оно заключалось в определенном отстранении от государственных и политических процессов, внешних форм официальной и вообще столичной культурной жизни, в стремлении жить (повседневное и профессионально) в «человеческом измерении», сохраняя традиции гуманизма и нравственности в локальном пространстве, что и было, в конечном итоге, своеобразной позицией противостояния государственной системе.

Е. М. Раскатова постоянно сравнивает художественную интеллигенцию провинции и столиц и делает обоснованный вывод о том, что провинциальная интеллигенция «в 1970-х гг. представляла собой значительно более резкий контраст культурной среде, чем это было в столице, круг единомышленников здесь был чрезвычайно узким. Они практически никогда не представляли объединенную культурную силу, какой в Москве и Ленинграде могли быть официальные и неофициальные объединения художественной интеллигенции». «Культурное одиночество» — этими словами можно охарактеризовать ситуацию существования мыслящей интеллигенции в провинции, где она осознавала свою особенную незащищенность, возможность в любой момент стать жертвой нелепых и неоправданных мероприятий, санкций и т. д.

Авторский стиль изложения материала — доверительный и размышляющий. Он рассчитан на вдумчивого, любящего свою малую Родину читателя. Но в тексте присутствует и интрига, по-

рой почти детективный сюжет — куда исчезли деньги, выделенные в 1978—1982 гг. на развитие Палеха? Почему на экраны страны в свое время не вышел документальный фильм о Герое Социалистического Труда — ткачихе Ивановского камвольного комбината В. Н. Голубевой?

Выводы автора, а также многочисленные сюжеты об отдельных творческих личностях выходят на понятие «сущностные черты» интеллигенции, введенное В. С. Меметовым и широко используемое многими учеными. Однако Елена Михайловна уходит от анализа феномена художественной интеллигенции, что, на мой взгляд, существенно обедняет работу. Так, например, как иначе можно объяснить интереснейшую в 1960—80-е гг. деятельность Ивановской филармонии, как не высоким профессионализмом и подвижническим трудом ее руководителя — Е. П. Иванова, статью о котором я написала в свое время?

Конечно, как в любой публикации, в рецензируемой монографии можно найти недостатки, но, подводя общие итоги, считаю необходимым отметить, что Е. М. Раскатова подготовила к печати глубокую по содержанию, во многом новаторскую работу с ярко выраженной авторской манерой повествования. Для стиля Елены Михайловны характерна логичность и обстоятельность изложения материала, репрезентативность выводов, подкрепленных широким кругом источников, в том числе и лично собранных многочисленных интервью, полемичность, в ряде случаев публицистичность изложения материала. Чувствуется, что автор глубоко проник в тему исследования, неравнодушно относится к «героям» своей монографии.

В книге много ответов на непростые вопросы истории России 1960—70-х гг. Она заставляет размышлять и после прочтения, вызывает желание познакомиться с другими работами автора, а также с литературой по истории интеллигенции, политической жизни СССР... Можно только порадоваться за тех, кто впервые возьмет в руки работу Е. М. Раскатовой, так как это интересное чтение, развивающее ум и сердце.

Е. И. Самарцева

**«МОНОГРАФИЯ...
К КОТОРОЙ БУДУТ ОБРАЩАТЬСЯ
НЕ ОДНО ДЕСЯТИЛЕТИЕ...»**

Как известно, проблема интеллигенции является одной из ключевых для истории России в целом. О судьбоносной значимости выбора варианта ее решения предупреждали еще веховцы. К сожалению, иногда перспективная научная тема вызывает повышенное внимание не самых добросовестных исследователей. В результате появляются более чем посредственные работы, порою с рекламно эффектными названиями.

Наименование вышедшей в 2009 году в Ивановском государственном энергетическом университете монографии профессора Галины Анатольевны Будник выдержано в спокойно классических тонах: «Формирование интеллигенции в высшей школе Российской Федерации. 1945—1991 гг.». И сразу следует подчеркнуть, что перед нами солидное научное изыскание, базирующееся на внушительной источниковой базе и глубокой авторской аналитической работе.

Вводя в широкий научный оборот богатый фактический материал, автор не избегает и мировоззренческих аспектов. Еще во «Введении» подчеркивается: «В настоящее время главная задача, которая стоит перед интеллигенцией, — с учетом традиций прошлого выработать духовные ориентиры, способные объединить и сплотить многонациональное российское государство. В связи с этим многократно возрастает значение научно-педагогической интеллигенции, т. к. от качества образования, а также от того, какие интеллектуально-духовные качества будут сформированы у студентов, во многом зависит развитие общества...» (с. 3).

В трех главах монографии последовательно рассматриваются теоретико-методологические основы изучения формирова-

© Самарцева Е. И., 2010

Самарцева Елена Игоревна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культуры Тульского государственного университета. esamartseva@rambler.ru.

ния интеллигенции в высшей школе; собственно вопросы формирования интеллигенции в советской высшей школе в ракурсе как стратегических задач, так и реальных результатов; многогранно исследуется тема воспитания нравственных качеств студентов в процессе внеучебной деятельности.

Г. А. Будник вполне аргументированно определила исходные посылки своего труда, а именно: «...во-первых, идея о длительности и устойчивости традиций в образовании. Во-вторых, осознание необходимости изучения опыта организации учебного и воспитательного процесса в высшей школе столь близкой к нам второй половины XX века. В-третьих, возможность на примере деятельности высшей школы в советский период выявить факторы, как позитивно, так и негативно влияющие на формирование интеллектуально-духовного облика студентов» (с. 5).

При внимательном прочтении рецензируемой книги закономерен вывод, что автору, как минимум, удалось на высоком профессиональном уровне обобщить материал о «старых» и новых подходах к понятиям «интеллигенция», «научно-педагогическая интеллигенция», «студенчество»; проанализировать системные характеристики развития высшего образования в России второй половины XX века, сравнить особенности обучения и воспитания студентов разных лет; обратить внимание на знаковые моменты нравственных проблем в студенческой среде.

Документальное построение работы основано на материалах центральных и местных архивов, многочисленной периодической и мемуарной литературе минувших лет. Фактографические материалы зачастую предоставляли весьма противоречивую информацию, а в ряде случаев иллюстрировали информационные лакуны. Сложная источниковая база явно не испугала автора. Многолетние сравнительно-сопоставительные исследования позволили ей сделать обоснованные выводы.

В частности, Г. А. Будник отмечает: «В архивных материалах не удалось обнаружить сведений о количестве преподавателей, пострадавших во время идеологических кампаний конца 1940-х — начала 1950-х гг. Однако анализ материалов конкретных университетов и институтов позволяет заключить, что необоснованные увольнения преподавателей были практически во всех высших учебных заведениях. При этом репрессиям чаще всего подверга-

лись наиболее авторитетные, опытные научно-педагогические работники. Среди них были люди с дореволюционным стажем, выпускники известных европейских вузов. Это, например, А. З. Александров, заведующий кафедрой политической экономии Московского педагогического института, окончивший в 1918 г. Сорбонну; М. Я. Катунский, окончивший Цюрихский университет и работавший в Московском химико-технологическом институте мясной промышленности...» (с. 54—55).

Пожалуй, рассматриваемый труд совсем не прост для жанра «отзыв-рецензия». Изобилие фактического материала, оригинальные авторские идеи, интересные сюжетные повороты, уверенно аргументируемые выводы — всё это в книге Г. А. Будник.

Впрочем, если кто-то придет к выводу о некой абсолютной завершенности исследования, спешу напомнить, что таковых не существует. Вот и данная работа открывает широкие возможности для специалистов по истории высшей школы, особенно Уральского, Сибирского и Дальневосточного регионов. Изучение их местных архивов позволит более полно представить общую картину по данной проблематике. Это монография из тех работ, к которым и специалисты, и все «просто» интересующиеся историей России будут обращаться не одно десятилетие...

Меметов В. С., Будник Г. А. Формирование интеллигенции в высшей школе: от теории к практике

Ключевые понятия: интеллигенция, студенчество, высшее образование, формирование интеллигенции, интеллигентоведение, образовательная среда, компетентностный подход.

Анализируются актуальные проблемы современного российского высшего образования. Обосновываются теоретические аспекты формирования интеллектуально-духовного облика студенчества, обобщаются и разъясняются различные практические пути организации воспитательной работы в системе высшего образования в начале XXI века.

Смирнов Д. А. «Деструктивный характер» интеллигенции в понимании Вальтера Беньямина

Ключевые понятия: Беньямин, интеллигенция, «деструктивный характер».

Рассматриваются исторические условия формирования и основное содержание понятия «деструктивный характер» в концепции интеллигенции Вальтера Беньямина, а также отражение в его понимании интеллигенции актуальных событий и явлений. Уделяется внимание конструированию под влиянием понятия «деструктивный характер» самосознания европейской интеллигенции во второй половине XX в. и выработки ею программ практических действий.

Зябликов А. В. Партия демократических реформ и художественная интеллигенция в 1905—1907 гг.

Ключевые понятия: интеллигенция, партия демократических реформ, политические партии, идеологическая директивность, Государственная дума.

Рассматривается деятельность партии демократических реформ, изучаются ее взаимоотношения с различными группами отечественной

интеллигенции, исследуется политическая позиция отдельных интеллигентов — членов данной партии.

Шевчук И. И. Социальный и партийный состав ученых БССР (1920—30-е годы)

Ключевые понятия: интеллигенция, ученые БССР, социальный состав ученых БССР, партийная принадлежность белорусской исследовательской интеллигенции.

Рассматриваются изменения в социальном и партийном составе научной интеллигенции БССР на протяжении двадцати межвоенных лет. Данный аспект характеристики ученых имеет важное значение, поскольку раскрывает процесс формирования научно-исследовательского корпуса республики, а значит, позволяет оценить эффективность его функционирования.

Комиссаров В. В. Клубы любителей фантастики как проявление общественной активности советской интеллигенции 1960—80-х гг.: к проблеме изучения

Ключевые понятия: советская интеллигенция, научно-фантастическая литература, клубы любителей фантастики, общественная активность интеллигенции, региональная периодика.

Исследуется процесс формирования и деятельности в СССР клубов любителей фантастики, место и роль интеллигенции в данном явлении, рассматриваются перспективы дальнейшего изучения этой темы.

Раскатова Е. М. Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (Главлит) и новые реалии художественной жизни в конце 1960-х — начале 1980-х гг.

Ключевые понятия: Главлит, цензура, редактор, эзопов язык, самиздат, модели поведения, художественная интеллигенция.

На большом документальном материале показано участие Главлита в формировании и реализации политики в сфере художественной культуры в конце 1960-х — начале 1980-х гг., его место во властном треугольнике, влияние на поведение деятелей литературы и искусства; особое внимание уделено эзопову языку как художественному приему, позволяющему вывести творчество из-под цензурного контроля.

Пронин А. А. Историография историографии российской эмиграции

Ключевые понятия: российская эмиграция, историография, интеллигенция.

Рассматривается становление и развитие историографии всех волн российской эмиграции как совокупности работ, обобщающих процесс накопления исторических знаний об эмиграции, изменение методик ее изучения.

Юркина О. А. Беатрис Вебб и Женская фабианская группа

Ключевые понятия: английское социалистическое движение, феминизм, суфражизм, фабианство, просветительская деятельность, интеллигенция.

Рассматривается просветительская и научная деятельность Б. Вебб, ее сотрудничество с Женской фабианской группой, борьба за предоставление женщинам избирательных и экономических прав.

Будник Г. А. Некоторые размышления по поводу монографии Е. М. Раскатовой

Ключевые понятия: художественная интеллигенция, власть и интеллигенция, провинция, культура, историография.

Представлена рецензия на монографию Е. М. Раскатовой «Власть и художественная культура российской провинции в эпоху позднего социализма (на материале Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей)». Раскрываются ее основное содержание и ключевые идеи.

Самарцева Е. И. «Монография... к которой будут обращаться не одно десятилетие...»

Ключевые понятия: интеллигенция, вузовская интеллигенция, мировоззрение, репрессии, историография.

Представлена рецензия на монографию Г. А. Будник «Формирование интеллигенции в высшей школе Российской Федерации. 1945—1991 гг.», изданную в издательстве Ивановского государственного энергетического университета им. В. И. Ленина.

ANNOTATIONS

Memetov V. S., Budnik G. A. Intelligentsia formation in the university: from theory to practice

Key notions: intelligentsia, students, higher education, intelligentsia formation, intelligentsia studies, education environment, competent approach.

The work analyses actual problems of contemporary Russian higher education. Theoretical aspects of formation of intellectual spiritual image of students are studied in the article. Different practical ways of educational work organization in the system of higher education in the beginning of the 21st century are generalized and explained.

Smirnov D. A. «Destructive nature» of intelligentsia in the concept of Walter Benjamin

Key notions: Benjamin, intelligentsia, “destructive nature”.

The article shows the historic conditions of formation and the basic meaning of the notion “destructive nature” in the concept of Walter Benjamin, and the reflection of events and phenomena actual for the scientist. Much attention is paid to the formation of the European intelligentsia’s self-consciousness under the influence of the notion “destructive nature” in the end of the 20th century and to the formation of programs of practical actions.

Zyablikov A. V. The Party of democratic reforms and the artistic intelligentsia in 1905—1907

Key notions: intelligentsia, the party of democratic reforms, political parties, ideological directivity, State Duma.

The article shows the activity of the party of democratic reforms. The interrelationships with different groups of home intelligentsia are studied in the article. The political position of separate intelligentsia members – members of the party is analyzed.

Shevchuk I. I. Social and party staff of scientists of BSSR (1920—1930-s)

Key notions: intelligentsia, scientists of BSSR, social staff of scientists of BSSR, party membership of Belorussian research intelligentsia.

The article shows the changes in social and party staff of scientific intelligentsia of BSSR during the 20 inter-war years. The given aspect of the scientists' characteristic is of great importance as it shows the process of scientific research corpus formation in the republic, and therefore allows to estimate the effectiveness of its functioning.

Komissarov V. V. Clubs of fantastic lovers as the disclosure of social activity of Soviet intelligentsia in 1960—1980-s: to the problem of research

Key notions: Soviet intelligentsia, science-fiction literature, clubs of fantastic lovers, social activity of intelligentsia, regional periodics.

The formation and activity process of clubs of fantastic lovers in the USSR is researched. The place and role of intelligentsia in the given phenomenon, and the perspectives of further research of this subject are shown in the article.

Raskatova E. M. The chief administration of State secret protection in periodics at Soviet publishing house in the USSR (Glavlit) and new reality of artistic life in the end of 1960-s and the beginning of 1980-s

Key notions: Glavlit, censorship, editor, “Aesopian language”, “samizdat” publishing house, behavior models, artistic intelligentsia.

The large documental materials show the participation of the chief administration of State secret protection in periodics at Soviet publishing house in the USSR in the formation and realization of the policy in the sphere of artistic culture in the end of 1960-s and the beginning of 1980-s, its place in the triangle of power, its influence on the literature and art members' behavior. Much attention is paid to the «Aesopian language» — as the artistic method allowing to lead the creative work out of censorship control.

Pronin A. A. Historiography of Russian emigrants

Key notions: Russian emigrants, historiography, intelligentsia.

The article shows the coming into being and development of historiography of all the trends of Russian emigrants as the aggregation of works

generalizing the process of collecting historical knowledge of emigration, the change of its study methods.

Yurkina O. A. Beatrice Webb and women's Fabian group

Key notions: English socialist movement, feminism, suffragette movement, Fabian group, educational activities, intelligentsia.

The article shows the educational and scientific activities of Beatrice Webb, her collaboration with women's Fabian group, struggle for granting suffrage and economical rights to women.

Budnik G. A. Some thoughts about E. M. Raskatova's monograph

Key notions: artistic intelligentsia, authority and intelligentsia, province, culture, historiography.

The article deals with the review of the upcoming monograph of E. M. Raskatova «Authority and artistic culture of the Russian province in the époque of late socialism (on the material of Vladimir, Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl regions)». Its main contents and key ideas are shown in the article.

Samartseva E. I. “The monograph that will be addressed to for more than ten-years period...”

Key notions: intelligentsia, university intelligentsia, world outlook, repressions, historiography.

The review of G. A. Budnik's monograph «Formation of intelligentsia in the universities of Russian Federation in 1945—1991» published in the publishing house of Ivanovo State Power University is presented in the article.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. С 2010 года наш журнал включен в список ВАК. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на диске стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые понятия; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, полное название кафедры (для внешних авторов — учреждения). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Уважаемые коллеги!

В издательстве Ивановского госуниверситета вышли в свет коллективная монография и сборник научных и учебно-методических материалов, подготовленные Межвузовским Центром гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике.

Издания адресованы научным работникам и преподавателям высшей школы, а также всем, интересующимся проблемами интеллигенции.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В издании анализируются дискуссионные проблемы интеллигентоведения и теоретико-методологические аспекты феномена интеллигенции с древнейших времен по настоящее время. Коллектив авторов с позиций истории, философии, филологии, политологии и других наук рассматривает интеллигенцию в рамках комплексного междисциплинарного подхода.

**ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ
В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК:
ИССЛЕДОВАНИЯ И УЧЕБНО-
МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ**

Сборник посвящен проблемам интеллигентоведения в их историческом, философском, политологическом, культурологическом и методическом аспектах. Интеллигентоведение рассматривается как самостоятельная отрасль научного знания, изучающая генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции.

Заявки на приобретение

Вы можете высылать по адресу:

153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39
Ивановский государственный университет,
кафедра истории и культуры России.

E-mail: vs_memetov@mail.ru.

Стоимость одного экземпляра составляет 150 руб.
Книги будут Вам высланы наложенным платежом
с учетом стоимости упаковки и пересылки.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

2010 № 2

Подписано в печать 03.06.2010 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 7,91. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru